

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ВЪ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ СЪ 1861-го ПО 1864-й ГОДЪ.

Походныя записки.

I.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1860-го года, въ Псебаѣ, мы ожидали прїѣзда графа Евдокимова, вновь назначеннаго командующимъ войсками кубанской области. Графъ ѣхалъ по передовой линіи съ лѣваго фланга расположенія дѣйствующихъ войскъ, и первымъ укрѣпленнымъ пунктомъ по пути, у подошвы горъ, былъ Псебай. Это небольшое укрѣпленіе, занятое штабъ-квартирою севастопольскаго пѣхотнаго полка, находится въ живописной котловинѣ надъ малой Лабой, которая, вытекая по тѣсному ущелью изъ возвышающейся гряды горъ главнаго хребта, съ грохотомъ несется по каменному руслу возлѣ Псебая, потомъ вьется по узкой долинѣ, среди перелѣсковъ, и въ 18-ти верстахъ, около укрѣпленія Каладжи, соединяется съ большой Лабой. Тутъ уже Лаба становится настоящей рѣкой, труднодоступной для переправы въ бродъ. Воды ея, миновавъ укрѣпленіе, охраняющее съ высокой скалы всѣ окрестности, и длинный мостъ, соединяющій псебайскую дорогу съ Каладжами, бѣгутъ по ровной, открытой мѣстности, составляя въ тоже время какъ бы оплотъ для рас-

кинутыхъ по правому берегу станицъ, препятствующій набѣгамъ абадзехскихъ и другихъ племенъ, живущихъ по лѣвому берегу рѣки, среди лѣсовъ, на пространствѣ около пяти-сотъ верстъ, вплоть до Чернаго моря. Лѣса эти, спускаясь съ снѣжныхъ горъ на плоскость, пересѣченную рѣками и балками и густо населенную, скрывали всѣ доступы къ этому населенію, и этимъ самымъ ставили втупикъ cadaго, при мысли: какимъ образомъ и когда можно совершить покореніе?...

Уже были сумерки, когда графъ вѣхалъ съ многочисленнымъ конвоемъ въ укрѣпленіе. Его встрѣтилъ почетный караулъ отъ стрѣлковаго баталіона ширванскаго пѣхотнаго полка. Графъ вошелъ въ освѣщенный и оживленный пріѣзжими домъ. Командиръ севастопольскаго полка, полковникъ Лихутинъ, какъ хозяинъ и мѣстный начальникъ, хлопоталъ о пріемѣ; мы же, прибывшіе съ стрѣлковыми частями изъ Дагестана, присутствовали, какъ гости,—и при этомъ случаѣ ожидали что либо узнать о своемъ назначеніи. Трудно было допустить, чтобы нашъ приходъ издалека необходимъ былъ только для охраненія Псебая. Притомъ, нашимъ стрѣлкамъ уже до крайности надоѣло исполнять только обязанности гарнизонныя и сопровождать колонны до Каладжей въ то время, когда другія прибывшія стрѣлковыя части находились тогда въ дѣйствующемъ отрядѣ, у шапсуговъ.

Вышло однакожъ для насъ лучше, такъ какъ ширванскій стрѣлковый баталіонъ и командуемый мною сводно-стрѣлковый № 4-го полубаталіонъ поступали въ отрядъ полковника Лихутина, для разработки дороги отъ Псебая до рѣки Ходза, черезъ подгорные лѣса. Мы узнали объ этомъ въ тотъ же вечеръ.

И такъ, съ пріѣздомъ графа Евдокимова значеніе псебайскаго пункта измѣнилось: вмѣсто прежняго затишья, от-

сюда предпринималось начало того рѣшительнаго покоренія, которое завершилось такимъ славнымъ успѣхомъ.

На другой день, передъ отъѣздомъ, графъ выпелтъ осмотрѣть заготовленный, по его предварительному приказанію, въ громадномъ количествѣ шанцевый инструментъ. Ряды топоровъ, лопатъ и всего подобнаго прочаго лежали на площади вдоль крыльца. Графъ, обращаясь къ одному изъ кабардинскихъ князей, который ему сопутствовалъ, сказалъ, указывая на инструментъ:

— Вотъ тѣмъ мы теперь будемъ воевать.

— Такъ дайте и мнѣ это, отвѣчалъ немедленно кабардинецъ, поднимая съ земли желѣзный ломъ.

Всѣ разсмѣялись, и графъ въ веселомъ расположеніи духа, пригласивъ въ коляску и кабардинца, уѣхалъ.

За укрѣпленіемъ ожидали выстроенные въ рядъ богато одѣтые старшины бесленеевскаго общества. Графъ принялъ ихъ сухо и остановившись объявилъ, чтобы они съ весною готовились къ переселенію.

Бесленеевцы, дѣйствительно, извѣстны были своими хищническими набѣгами, и за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ свирѣпо защищали свои лѣсистыя трущобы, куда наши войска нерѣдко хаживали, оставляя за собою кровавый слѣдъ.

Въ описываемую эпоху это маленькое общество жило на болѣе открытомъ мѣстѣ, по рѣчкѣ Ходза, куда оно переселилось будто бы изъ видовъ покорности, хотя на самомъ дѣлѣ попрежнему повторяло свои разбои. Но все это сваливалось на сосѣднихъ абадзеховъ.

Послѣ отъѣзда графа, началъ собираться мало-лабинскій отрядъ. Севастопольскій полкъ вытребованъ былъ изъ укрѣпленія Хамкеты, гдѣ онъ находился на работахъ; пришли двѣ сотни казаковъ, пѣшій казачій баталіонъ.

Къ моему полубаталіону навремя прикомандированы двѣ

стрѣлковыя роты линейныхъ баталіоновъ — каладжинскаго и баталпашинскаго, и, такимъ образомъ, составилъ отрядъ изъ шести баталіоновъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, усиленный потомъ стрѣлковымъ баталіономъ кабардинскаго полка и ставропольскимъ резервнымъ баталіономъ.

12-го ноября мы выступили и расположились въ трехъ верстахъ отъ укрѣпленія. Псебай опустѣлъ; за то, закипѣла жизнь въ лагерѣ: пошла стукотня кирокъ и лопатъ, разработывавшихъ широкую дорогу, а по сторонамъ — трескъ тысячей деревьевъ, открывавшихъ собою просѣку.

Работа шла успѣшно, подъ личнымъ наблюденіемъ полковника Лихутина, постоянно повѣрявшаго заданные уроки и расхаживавшаго по работамъ съ строгимъ выраженіемъ лица. Между тѣмъ, онъ не былъ человѣкомъ мелочнымъ и злымъ; напротивъ, былъ весьма добродушный, выражавшій собою типъ правдиваго русскаго человѣка; при случаѣ, однако, умѣлъ и распечь.

Если какая либо часть лѣнилась, то сейчасъ же громко раздавался понуждающій голосъ Михаила Дормидонтовича, — и трескъ топоровъ, сопровождаемый крикомъ „берегись!“ тамъ и сямъ усиливался, когда рушились гигантскіе чинары, сворачивая по пути еще нѣсколько деревьевъ.

Несмотря на ежедневныя работы, изнуренія не было, и солдаты имѣли досугъ повеселить себя пѣснями и побалагурить около огромныхъ костровъ, горѣвшихъ по цѣлымъ ночамъ.

Время проходило скоро, попоходному. Мы и не замѣтили, какъ осень смѣнилась зимой, а приморозки — морозами. Крещенскіе морозы застали насъ въ тридцати верстахъ отъ Псебая, въ концѣ широкой просѣки, съ отдѣланной дорогой, по которой небольшія колонны подвозили намъ изъ Псебая провіантъ и продукты. Въ самый день Крещенія приударилъ

настоящій русскій морозъ. Если онъ, напудривъ окрестности блестящимъ инеемъ, явился посмотреть, какъ земляки исполняютъ свои обычаи въ родинѣ, то убѣдился, что мы не отступили отъ нихъ и отъ заведеннаго порядка: какъ слѣдовало быть при водосвятии, войска стояли длинными рядами, въ теплыхъ полушубкахъ, съ пушистыми папахами въ рукахъ. Вѣроятно, не нарядовался нашъ старый пріятель найденной имъ исправности, потому что пробылъ съ нами нѣсколько недѣль и впослѣдствіи посѣщалъ насъ каждую зиму.

По случаю глубокаго снѣга и прекращенія земляныхъ работъ, мы ходили только на рубку лѣсовъ вдоль рѣчки Ходза и для расчистки мѣстъ подъ будущія станицы. Въ это время посѣтилъ нашъ лагерь генералъ Карцевъ, объѣзжавшій край только-что по назначеніи на Кавказъ. Снѣгъ былъ по колѣно, морозъ трескучій; однакожъ, генералъ поѣхалъ напрямикъ въ укрѣпленіе Хамкеты, по мѣстамъ неразработаннымъ и опаснымъ. Переѣздъ этотъ совершился благополучно, хотя и съ большими трудностями.

Въ скоромъ времени мы подвинулись къ Ходза и, устроившись тамъ лагеремъ, отправились на рекогносцировку въ недоступную даховскую котловину. Насъ было три баталіона, съ горнымъ орудіемъ. Сначала мы прошли верстъ десять вверхъ по Ходза, а потомъ, перейдя на лѣвый берегъ рѣчки, начали идти въ гору. Въ пяти верстахъ отъ вершины подъема, два баталіона съ орудіемъ остались прорубать лѣсъ, а сводно-стрѣлковый баталіонъ двинулся дальше къ перевалу. Не доходя версты двѣ до вершины, при выходѣ изъ лѣса, оставлена была одна рота; потомъ, около выдающейся опушки—другая, а съ остальными двумя ротами, по снѣгу выше колѣнъ, мы взошли на вершину перевала. Эта предосторожность усвоена была полковникомъ Лихутинымъ, какъ самая лучшая при отступленіи.

Передъ нами открылась обширная котловина, покрытая дремучимъ лѣсомъ, спускавшимся съ окрестныхъ высотъ въ глубокую даль. Вся мѣстность имѣла видъ суровый и таинственный—можетъ быть, болѣе потому, что, по разсказамъ, даховское общество было для насъ недоступно. Былъ, правда, проходъ по тѣсному ущелью, со стороны Майкопа, у такъ называемаго каменнаго моста; но онъ становился недоступнымъ при малѣйшей зацѣпѣ горцевъ. Впослѣдствіи, однакожь, нашли возможность пробраться и въ эту трущобу.

Насмотрѣвшись вдоволь на эту дикую мѣстность,—причемъ полковникъ Лихутинъ набросилъ кроки перевала,—мы пошли назадъ.

Когда мы, уже въ темнотѣ, подходили къ биваку, весело заблестали между деревьевъ сотни огней. Кажется, что не такъ пріятно мирному гражданину возвращаться съ холода въ теплое и удобное помѣщеніе, какъ походному человѣку, послѣ продолжительнаго движенія, найти свою бурку, подъ уютнымъ деревомъ, при пылающемъ кострѣ, съ разложенной возлѣ закуской и кипящимъ самоваромъ.

Переночевавъ покойно, мы на другой день возвратились въ лагерь.

Когда же холода уменьшились, и снѣгъ сталъ таять подъ вліяніемъ мартовскаго солнца, весь отрядъ, за исключеніемъ одного севастопольскаго баталіона, оставленнаго въ укрѣпленномъ вагенбургѣ, перешелъ для работъ въ верховья рѣки Ходза. Здѣсь присоединился къ намъ стрѣлковый баталіонъ кабардинскаго полка, подъ командою подполковника Геймана.

Тутъ же, на новой позиціи, я лишился баталіоннаго адъютанта подпоручика Бартновскаго, смертельно раненаго горцами во время слѣдованія колонны изъ вагенбурга, а кабардинцы потеряли четыре человѣка охотниковъ, бывшихъ

въ залогѣ съ охотничьей командою, при подъемѣ къ даховскому перевалу.

Особо организованная команда охотниковъ имѣлась только отъ кабардинскаго полка; она была вооружена литихскими двустволками, съ приспособленными къ нимъ патронами, и одѣта погорски. Всѣ охотники были подобраны изъ людей испытанной храбрости и носили бороды. За то и не оставляли ихъ безъ дѣла.

Горцы хотя и не выказывали открытой вражды, потому что эти мѣста были многолюдны, но поволчьи высматривали добычу, и такой участи подвергся Вартновскій, отставшій отъ колонны: два горца перерѣзали ему дорогу, прострѣлили бокъ и, захвативъ лошадь, скрылись.

Во всѣхъ нашихъ движеніяхъ, до времени, когда уже настали открытыя враждебныя дѣйствія, постоянно приходилось соблюдать всѣ мѣры предосторожности—какъ бы передъ видимымъ непріятелемъ; и это часто наскучало. При малѣйшей же оплошности, горцы не медлили воспользоваться случаемъ.

На этой позиціи насъ застала Пасха. Всѣ офицеры отряда имѣли случай отлично разговѣться у полковника Лихутина. Столы въ его большой палаткѣ положительно гнулись подъ множествомъ громадныхъ куличей и другихъ всевозможныхъ яствъ. Лихутинъ былъ широкой руки хлѣбосоль.

Недолго мы тутъ стояли. Мѣста были расчищены далеко вверхъ по Ходза, до высотъ, гдѣ уже растутъ березы. Мостъ черезъ Ходза сдѣланъ былъ прочный, съ камешной настилкой. Отрядъ воротился къ вагенбургъ, и оттуда началъ расчищать лѣса внизъ по рѣчкѣ Ходза, около бесленеевскихъ ауловъ.

Вскорѣ мнѣ пришлось разстаться съ мало-лабинскимъ отрядомъ и отправиться съ своимъ полубаталіономъ въ небольшой верхне-лабинской отрядъ, собранный подъ началь-

ствомъ подполковника Нолькена, для устройства новыхъ станицъ въ верховьяхъ большой Лабы. При слѣдованіи моемъ черезъ Каладжи, мнѣ поручено было забрать ожидавшихъ тамъ переселенцевъ и сопровождать ихъ до верховьевъ большой Лабы, на мѣсто, назначенное подъ постройку Псеменской станицы.

На пути много было хлопотъ съ переселенцами: вереница разнороднаго ихъ обоза, растянутого почти на версту, задерживалась при каждой неровности малоудобной дороги; постоянныя ломки нагруженныхъ всякой-всячиной повозокъ, крикъ дѣтишекъ и оханье взрослыхъ: „куда насъ ведутъ!“ возобновлялись при каждой новой мѣстности, обнаруживавшей передъ этими степняками непривычныя ихъ глазамъ высокія горы. На четвертый только день мы сдѣлали два небольшихъ перехода и расположились таборомъ на открытой возвышенности праваго берега Лабы. Жители не довольствовались великолѣпною природою и удобствомъ плодородныхъ окрестностей; ихъ пугало сосѣдство мрачныхъ лѣсовъ, спускавшихся съ горныхъ отроговъ въ долину. Они просились въ другое мѣсто, какъ бы предчувствуя катастрофу, ожидающую ихъ въ послѣдствіи, именно годъ спустя, когда станица была застроена, и отряды удалились въ земли абадзеховъ, а линію охраняли одни казаки съ небольшими частями пѣхоты. Тогда совершенно неожиданно до двухъ тысячъ горцевъ съ южнаго склона перѣбрались чрезъ трудный перевалъ главнаго хребта, спустились лѣсомъ въ долину и среди темной ночи ворвались черезъ земляную ограду въ станицу. Къ разсвѣту, когда на тревогу подоспѣли казаки изъ сосѣднихъ станицъ, горцы уже поднимались на горы, навьюченные имуществомъ ограбленныхъ жителей, уводя съ собою захваченныхъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Въ послѣдствіи горцы нападали также на эту станицу, но не такъ удачно, какъ въ первый разъ, и

много хищниковъ погибло, въ особенности около кабаковъ, гдѣ они съ жадностью упивались спиртомъ.

Мѣста, гдѣ теперь водворялась станица, принадлежали небольшимъ обществамъ тамовцевъ и кизильбековцевъ, которые, считаясь въ послѣднее время мирными, производили однакожъ хищническія нападенія и сваливали свои продѣлки на медовѣвцевъ, жившихъ за переваломъ. Они теперь готовились къ выселенію, вслѣдствіе объявленнаго имъ требованія графа Евдокимова, но выжидали, какъ поступать въ этомъ случаѣ сосѣди ихъ бесленеевцы. Недолго имъ пришлось колебаться: мы въ скоромъ времени узнали, что полковникъ Лихутинъ, съ своимъ отрядомъ, выпроводилъ всѣхъ бесленеевцевъ на линію, окруживъ предварительно, ночью, ихъ аулы. Графъ присутствовалъ въ Каладжахъ при этомъ первоначальномъ безцеремонномъ выселеніи. Кизильбековцы и тамовцы, узнавъ о происшедшемъ, понуждаемые подполковникомъ Нолькенымъ, сейчасъ же распродали все лишнее имущество въ Псеменскую станицу, и собравшись передъ станицей на лабинской равнинѣ, потянулись общимъ таборомъ, со всѣмъ своимъ остальнымъ имуществомъ, въ горы, за переваль, на зимовку къ медовѣвцамъ, откуда должны были отправиться въ Турцію. Любопытно было видѣть, какъ семейства горцевъ, жившія все время въ глуши среди лѣсовъ, теперь выведенныя на открытое мѣсто, дичились и съ украдкою поглядывали на русскихъ. Всѣ ихъ женщины большею частью изнуренныя, блѣдныя, въ разноцвѣтной ветхой одеждѣ и въ высокихъ колпакахъ, скорѣе походили на мумій, чѣмъ на живыя существа.

Мужчины смотрѣли равнодушно на покидаемую землю, и трудно было тогда полагать, что они въ скоромъ времени возвратятся съ толпами соучастниковъ — вознаградить себя насчетъ станицы.

Съ уходомъ кизильбековцевъ и тамовцевъ, всѣ ихъ аулы были нами выжжены до тла.

Спустя нѣкоторое время, ограда станицы, со рвомъ и брустверомъ, была окончена, и уже стояло много житейскихъ домиковъ. Переселенцы, осмотрѣвшись, повеселѣли, въ особенности потому, что всѣ источники хорошаго хозяйства были у нихъ подъ рукою.

Графъ не замедлилъ пріѣхать для повѣрки всего, что было сдѣлано. Это была постоянная его метода и въ послѣдствіи. Командуемый мною полубаталіонъ перешелъ въ станицу Каладжи—достраивать ее вмѣсто гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, который уходилъ въ верхне-абадзехскій отрядъ, собиравшійся около хамкетипскаго укрѣпленія, для разработки дороги къ рѣкѣ Фарсу. Пройдя мимо Псебаля, мы ночевали въ станицѣ Андрюковской, вновь построенной кабардинскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, гдѣ преобладало щегольство постройки, руководимой будущимъ начальникомъ даховскаго отряда, полковникомъ Гейманомъ.

Изъ станицы Каладжи, по окончаніи отдѣлки хвостомъ ограды, мы перешли верстъ за двѣнадцать въ станицу Переправную, на рѣчку Ходза; а оттуда, заготовивъ себѣ сѣно и поработавъ около станичной ограды вмѣстѣ съ расположеннымъ тамъ линейнымъ баталіономъ, мы должны были въ началѣ сентября присоединиться къ верхне-абадзехскому отряду. Эти распоряженія относительно насъ я лично получилъ отъ графа въ Каладжахъ, во время его проѣзда изъ отряда въ Ставрополь.

Станица Переправная многочисленнѣе другихъ новыхъ станицъ, заселена зажиточными семействами преимущественно съ Дона и изъ Малороссіи; но относительно климата она находилась въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ Псеменская, а чернобровыя хохлушки, въ своихъ короткихъ юпкахъ и

чоботахъ, только-что прибывшія съ родины, уныло посматривали на насъ подъ вліяніемъ лихорадки, обыкновенной здѣсь въ августѣ мѣсяцѣ. Жаль было видѣть, какъ иногда цѣлыя семейства лежали въ пароксизмѣ; но на это смотрѣли, какъ на неизбѣжное зло, присущее непривычнымъ людямъ.

Пока мы работали ограду въ станицѣ и косили избылиныя окрестныя травы, полковникъ Лихутинъ, съ отрядомъ, прорубалъ просѣку къ Фарсу. Тутъ случилось обстоятельство, возбуждавшее многія нареканія относительно Михаила Дормидонтовича, арестовавшаго за служебное отступленіе одного молодого вельможу. Полковникъ Лихутинъ вскорѣ уѣхалъ въ Псебай, а по случаю усиленія новыми частями отряда и слуха о пріѣздѣ къ намъ Государя Императора, начальникомъ отряда назначенъ былъ генераль Ольшевскій.

Вѣсть о достовѣрномъ пріѣздѣ Государя въ отрядъ всѣхъ обрадовала и причинила немалую суету: поскакали нарочные въ Ставрополь то за тѣмъ, то за другимъ, и Переправная станица, находясь на пути въ отрядъ, наполнялась разными новостями относительно предстоящей встрѣчи Императора.

Дня за два до пріѣзда Государя, мы присоединились къ отряду, забравъ съ собою все необходимое. Для расположенія полубаталіона на плато, занимаемомъ войсками отряда, мѣста не было, и насъ поставили въ двухъ верстахъ отъ главнаго лагеря, въ вагенбургѣ, съ 5-мъ баталіономъ севастопольскаго полка, около пекаренъ и обозовъ. Дѣлать было нечего: „всякому свое“, какъ говорилъ одинъ изъ офицеровъ полубаталіона. Съ нашего вагенбурга великолѣпно рисовался на возвышенности, среди горныхъ окрестностей, главный лагерь, съ длинными рядами ярко бѣлѣющихъ палатокъ; между ними замѣтно выдѣлялась отъ прочихъ царская ставка съ блестящею отдѣлкою. Весь лагерь былъ раз-

бить покавказскому, въ видѣ четырехугольника, фронтомъ во всѣ стороны.

Наканунѣ прїѣзда Его Величества, сдѣлано было распоряженіе о разстановкѣ стрѣлковыхъ частей по дорогѣ эшелонами. Въ числѣ прочихъ, нашъ полубаталіонъ удостоенъ былъ встрѣчать Государя Императора въ пятомъ эшелонѣ, въ лѣсу, находящемся въ трехъ верстахъ отъ лагеря. Рано утромъ слѣдующаго дня мы отправились по назначенію и, выбравъ мѣсто для встрѣчи, съ невольнымъ безпокойствомъ стали ожидать поѣзда. Часы шли за часами, но извѣстія никакого не было. Наконецъ, около четырехъ часовъ пополудни, прискакалъ на тройкѣ начальникъ отряднаго штаба, подполковникъ Цытовичъ, сообщившій намъ, что Государь ѣдетъ. Мы одѣлись; я разставилъ по сторонамъ дороги пикеты.

Прошло еще много времени, и только въ сумеркахъ показались драгуны, въ четырехъ верстахъ отъ насъ, на спускѣ. Между тѣмъ, грозовыя тучи начали покрывать небо, вѣтеръ подулъ сильнѣе, и къ глухимъ раскатамъ грома присоединилась непрерывная молнья, освѣщая всю окрестность;— черезъ нѣсколько времени совершенно стемнѣло.

Наконецъ, по дорогѣ, въ лѣсу, показались движущіеся огни, и царскій поѣздъ сталъ приближаться. Государь ѣхалъ верхомъ, въ плащѣ въ рукава, окруженный сопровождавшими Его лицами, а по сторонамъ казаки освѣщали дорогу факелами.

Его Величество, замѣтивъ насъ, изволилъ спросить: „какой баталіонъ?“. Я назвалъ. Не останавливаясь, Государь Императоръ осчастливилъ насъ привѣтствіемъ, на которое послѣдовало восторженное „ура“. Мы пошли по отдѣленіямъ вслѣдъ за поѣздомъ, торопясь и стараясь не отстать, такъ какъ бывшія позади насъ части спѣшили тоже въ лагерь.

Мы свернули къ вагенбургу и въ лагерь не пошли. А тамъ долго были видны огни, слышались звуки музыки, хоры пѣсенниковъ, и все повторялись крики „ура“ ликующихъ войскъ. Каждый, я думаю, сознавалъ величіе торжества, столь необычнаго для кавказскаго лагеря.

На другой день, въ девять часовъ утра, былъ назначенъ парадъ. Государь Императоръ объѣзжалъ лагерь, и поэтому мы, находившіеся въ вагенбургѣ, не отлучались. Къ тому же, мнѣ было приказано идти съ полубаталіономъ на просѣку, по дорогѣ къ Псебаю. Я очень былъ радъ этому случаю, дававшему возможность щегольнуть переходомъ въ пятьдесятъ верстъ и опять воспользоваться счастьемъ встрѣтить Государя Императора. Но, по измѣнившемуся маршруту, это движеніе не состоялось.

Тутъ съ нами чуть было не произошелъ весьма непріятный случай: Его Величество, послѣ парада, изволилъ объѣхать главный лагерь и потомъ, позавтракавъ, отпустилъ присутствующихъ. Зная объ этомъ и не надѣясь болѣе на посѣщеніе, мы пообѣдали и улеглись отдохнуть. Между тѣмъ, въ три часа пополудни, Государь Императоръ потребовалъ лошадь, сѣлъ и направился прямо въ нашъ лагерь. Особы, составлявшія свиту Императора, догоняли въ одиночку. Мы едва успѣли выскочить изъ палатокъ, одѣваясь, что называется, налету, какъ уже Государь, привѣтствуемый по пути восторженнымъ „ура“ выбѣжавшихъ навстрѣчу изъ вагенбурга мелкихъ командъ, подъѣзжалъ къ нашему фронту. Поздоровавшись и поблагодаривъ за службу, при неумолкаемо одушевленныхъ кликахъ, Государь спросилъ генерала Ольшевскаго:

— Это тѣ, которыхъ я вчера видѣлъ при блескѣ молнии?

На утвердительный отвѣтъ, Его Величество сталъ

распрашивать кавалеровъ: когда и за что они получили кресты? Потомъ приказалъ выдти пѣсенникамъ. По окончаніи объѣзда слѣдующей роты, Государь возвратился къ пѣсенникамъ, которые въ это время уже заливались подъ тактъ тулумбаса и вскрикиванья бойкаго запѣвалы. Его Величество послушалъ немного, и отъѣзжал, сказалъ графу Адлербергу:

— Вотъ кавказскія удовольствія!

При возвращеніи въ лагерь, сотня казаковъ есаула Пистолькорса, подоспѣвшая въ конвой къ Государю, сдѣлала по пути небольшой маневръ. Часть казаковъ поскакала впередъ, а остальные стали ихъ преслѣдовать со стрѣльбой; уходящіе вдругъ спѣшились, положили на землю приученныхъ къ этому коней и, лежа за ними, какъ бы за заваломъ, стали отстрѣливаться. Потомъ, когда атакующіе были озадачены встрѣченнымъ огнемъ, атакованные вмигъ повскакали на поднявшихся лошадей и, въ свою очередь, кинулись въ шашки. Въ такомъ родѣ маневръ разнообразился до приѣзда въ лагерь. Его Величество улыбался, указывая находившемуся въ свитѣ живописцу на образчикъ изъ сценъ кавказской войны.

На третій день Своего пребыванія въ лагерь, поутру, Государь Императоръ, помолившись въ походной церкви, сѣлъ на коня, и прощаясь съ собравшимися войсками, отъѣхалъ шагомъ при громкихъ пожеланіяхъ счастливаго пути. На всѣхъ лицахъ выражалась явная грусть, и вся эта масса преданныхъ людей ринулась вслѣдъ за Государемъ—еще разъ взглянуть на Него и еще разъ пожелать счастливаго пути. Она сопровождала поѣздъ далеко за предѣлы лагеря.

По отъѣздѣ Государя, мѣсто лагернаго расположенія названо было „Цѣрской позиціей,“ а потомъ построенная

тутъ станица приняла наименованіе „Царской.“ Отрядъ между тѣмъ перешелъ на новую позицію, верстъ за десять, внизъ по рѣчкѣ Фарсу, пролагать проську черезъ дремучіе лѣса къ новопостроенной станицѣ Нижне-Фарсской. Эта проська, пролегая на пространствѣ около 50-ти верстъ, отрѣзывала по Фарсу обширный четырехугольникъ залабинскихъ земель— прежде намъ неподвластныхъ.

Съ перемѣщеніемъ отряда, пошла обычная трескотня топоровъ; возобновились громадныя костры—съ пѣсенниками вокругъ нихъ въ досуужее время, и ясные дни уступили мѣсто сырой холодной осени.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ графъ Евдокимовъ, и затѣмъ нѣкоторыя части, въ томъ числѣ и командуемый мною полубаталіонъ, направились черезъ станицу Нижне-Фарсскую въ отрядъ ниже-абадзехскій, собиравшійся около Майкопа для дѣйствій вверхъ по рѣкѣ Бѣлой. На третій день, съ разсвѣтомъ, соединились мы на походѣ, около Майкопа, съ остальными войсками отряда, и пройдя десять верстъ по майкопскому ущелью, стали лагеремъ.

Графъ, руководившій движеніемъ отряда, въ тотъ же день уѣхалъ, а мы приступили къ обычной рубкѣ лѣсовъ и разработкѣ дорогъ. Абадзехи, мнимо покорившіеся въ 1859-мъ году, намъ не препятствовали, вѣроятно, потому, что отрядъ сталъ возлѣ самаго труднаго прохода въ ихъ земли, и еще потому, что боялись лишиться хозяйственныхъ запасовъ, собранныхъ въ изобиліи послѣ рабочаго времени. Мѣсто лагерной стоянки предназначалось въ будущемъ году подъ станицу Егерукаевскую, названную по имени небольшого общества, живущаго въ окрестности, а пока устроивался тамъ постъ, по окончаніи котораго отрядъ вскорѣ перешелъ въ обширную котловину абадзехскихъ земель на рѣчку Фюнфть. Мы расположились лагеремъ въ верстѣ отъ впаденія этой

рѣчки въ рѣку Бѣлую, имѣя по ту сторону Фюнфта грушевую рошу, черезъ которую, на югъ, пролежала дорога по направленію Бѣлой къ завѣтному каменному мосту, находившемуся въ концѣ котловины, въ пятнадцати верстахъ отъ лагеря. Въ тотъ же день, по прибытіи на мѣсто, начальникъ колонны полковникъ Горшковъ, пригласивъ къ себѣ окрестныхъ старшинъ, сдѣлалъ рекогносцировку съ двумя баталіонами и взводомъ горныхъ орудій верстъ за тридцать къ востоку—до рѣчки Фарса, т. е. до Царской позиціи.

Отношенія къ намъ абадзеховъ продолжали быть миролюбивыми. Они продавали намъ сѣно, а иногда ячмень. Нѣкоторые изъ нихъ бывали въ лагерѣ, и, казалось, не имѣли никакихъ враждебныхъ покушеній.

Войска отряда—изъ восьми баталіоновъ, въ томъ числѣ пяти стрѣлковыхъ, работали безпрепятственно на двѣ стороны: одни назначались за Фюнфтъ, прорубать въ грушевой рошѣ просѣлки—прямо, по направленію къ каменному мосту, и влѣво, по дорогѣ къ Фарсу, другія—за пять верстъ назадъ, расчищать гору по дорогѣ къ посту Егерукаевскому и дѣлать тамъ спускъ. Солдаты называли эту гору семиколѣбною, потому что дорога по ней, спускающаяся въ котловину, состояла изъ семи зигзаговъ.

Наконецъ, 20-го ноября, случилось первое столкновеніе съ абадзехами. Дѣло происходило такимъ образомъ: сѣно жителей, находясь въ стогахъ въ окрестностяхъ лагеря, закупалось войсками, для чего посылались команды съ проводникомъ. Съ такой командой отправленъ былъ адъютантъ командуемаго мною полубаталіона, въ сопровожденіи жителя, который, вызвавшись дешево продать сѣно, завелъ команду версты за три отъ лагеря, за гору, и указалъ стогъ въ опушкѣ лѣса. Тамъ-то и находилась засада. Когда люди собрались навязывать сѣно, конные и пѣшіе абадзехи наско-

чили на команду и, въ упорной схваткѣ, убили пять чело-
вѣкъ стрѣлковъ и изранили адъютанта, а шестнадцать быв-
шихъ тамъ вьючныхъ лошадей, напуганныхъ выстрѣлами,
угнали.

Въ это время я находился съ полубаталіономъ и други-
ми частями на разработкѣ семиколѣннаго спуска. Окончивъ
работу, въ три часа пополудни мы возвращались въ лагерь,
и по дорогѣ слышали глухіе татарскіе выстрѣлы, раздавав-
шіеся за горою. Я поскакалъ въ лагерь. Полубаталіонъ, воз-
вратившійся раньше, сталъ въ ружье, и мы, узнавъ отъ дне-
вальныхъ, что за гору пошли наши солдаты, бѣглымъ ша-
гомъ бросились къ мѣсту катастрофы. Вслѣдъ за нами по-
сланы были двѣ роты самурцевъ. Когда мы взошли на гору,
то хищники уже скрылись, а остальная команда, въ числѣ
убитыхъ пятнадцати челоуѣкъ, при фельдфебелѣ, отсту-
пала, неся израненаго прапорщика Ромашкевича. Онъ полу-
чилъ двѣ сабельныя и двѣ огнестрѣльныя раны—всѣ тяже-
лыя; одна изъ нихъ пистолетная, въ голову, выше глаза.
Отправивъ раненыхъ въ лагерь, мы осмотрѣли мѣсто заса-
ды, гдѣ, кромѣ своихъ пяти челоуѣкъ, нашли убитаго абад-
зеха, какъ оказалось потомъ, изъ почетныхъ, и одну убитую
абадзехскую лошадь. У хищниковъ были ранены, по сло-
вамъ стрѣлковъ, но они успѣли ихъ увезти.

Послѣ этого случая, старшины явились въ лагерь, какъ
ни въ чемъ ни бывало; они увѣряли, что засада сдѣлана бы-
ла не ими, а абадзехами съ каменнаго моста. Я радовался,
что, по крайней мѣрѣ, прапорщикъ Ромашкевичъ остался
живъ; онъ хотя приплатился за свое усердіе, но, выказавъ
во время нападенія все присутствіе духа, спасъ остальныхъ
людей.

Однакожъ, случай этотъ чуть было не повелъ къ обвине-
нію юнаго офицера; его мотивировали, какъ самовольный по-

ступокъ, направленный къ нарушенію добрыхъ отношеній съ мирными абадзехами. Обстоятельство это вынудило меня просить рапортомъ—возложить всю вину, если таковая усматривается, на меня, а моихъ подчиненныхъ, не уступившихъ въ десять разъ сильнѣйшему непріятелю, захватившему ихъ измѣннически, удостоить наградъ. При этомъ я просилъ и матеріальную утрату возложить на меня. Но графъ Евдокимовъ, развѣдавшій обо всемъ лично, приказалъ представить подпоручика Ромашкевича къ ордену св. Владиміра, а нѣкоторыхъ изъ команды—къ знакамъ отличія военнаго ордена.

Мирныя отношенія къ намъ абадзеховъ продолжались недолго. 14-го декабря они опять устроили нападеніе на войска отряда. Это было въ трехъ верстахъ отъ лагеря, на разработкѣ дороги, за грушевой рощей. Работало нѣсколько баталіоновъ, подъ командою подполковника графа Гауке. Мѣстность покрыта была глубокимъ снѣгомъ, и, казалось, вокругъ все тихо,—какъ вдругъ изъ лѣса бросилась въ значительномъ числѣ непріятельская партія, открывъ по всей линіи рабочихъ густой ружейный огонь. Люди, вовремя предупрежденные выстрѣлами съ пикета, бывшаго на курганѣ отъ 19-го стрѣлковаго баталіона, успѣли стать въ ружье и, въ свою очередь, открыли пальбу. Абадзехи пробовали бросаться въ шашки съ обычнымъ своимъ рѣзкимъ крикомъ, по нашимъ пошли на „ура“, и непріятель былъ прогнанъ. Послѣ этого работы шли безпрепятственно.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ графъ Евдокимовъ и сейчасъ же сдѣлалъ небольшую рекогносцировку къ каменному мосту. Вечеромъ послѣдовало приказаніе, чтобы, за исключеніемъ трехъ баталіоновъ, оставляемыхъ въ лагерѣ, другіе пять баталіоновъ, въ четыре часа утра, выступили налегкахъ въ Хамкеты, черезъ рѣчку Фарсъ. Весь тотъ день

и всю ночь шель большой снѣгъ, такъ что когда я съ полубаталіономъ до разсвѣта вышелъ къ сборному мѣсту, на поляну за грушевой рощей, то мы тонули въ снѣгу выше колѣнъ, въ особенности въ лощинахъ, и едва добрались до поляны.

Вскорѣ стянулся весь отрядъ, слѣдуя гуськомъ, баталіонъ за баталіономъ, и затѣмъ, все-же до разсвѣта, тронулся въ путь.

Съ зарею морозъ сталъ усиливаться, а съ восходомъ солнца было уже до 25°. Каждый изъ насъ растиралъ леденѣющее лицо, и мы быстро подвигались впередъ, не заботясь о толпахъ конныхъ абадзеховъ, которые, закутавшись въ бурки и въ башлыки до самыхъ глазъ, мѣстами подѣзжали къ намъ. Графъ догналъ насъ съ казаками и потомъ ѣхалъ впереди. Мѣста были большею частью открытыя и удобныя для перехода. Къ вечеру мы подошли къ Фарсу, за которымъ возвышалась Царская позиція, покрытая блестящимъ снѣгомъ. Когда мы на нее поднялись, морозъ усилился еще больше.

Въ Хамкеты мы пришли поздно. Люди устали, и я самъ, пройдя все время пѣшкомъ, въ мерзлыхъ сапогахъ, изнурился до крайности. Около укрѣпленія мы составили ружья рядомъ съ другими частями, прибывшими раньше, и нашли тамъ немного дровъ, приготовленныхъ мѣстнымъ линейнымъ баталіономъ по приказанію графа. Дровъ этихъ мало было для всѣхъ, и поэтому я позволилъ своимъ стрѣлкамъ, за исключеніемъ караула при ружьяхъ, идти отогрѣться въ крѣпость, куда и самъ поплелся на окоченѣвшихъ ногахъ. Не зная расположенія укрѣпленія, я попалъ на форштатъ, т. е. въ слободку. Войдя въ одинъ изъ домиковъ, въ которомъ былъ свѣтъ, засталъ тамъ работающихъ евреевъ, портныхъ; тутъ уже сидѣли два прибывшіе офицера. Евреи начали жа-

ловаться, что имъ самимъ тѣсно, поэтому я ушелъ изъ ихъ дома искать другаго пріюта. Въ окнахъ вездѣ было темно, и хозяева, запершись въ домахъ, не пускали. Наконецъ, мнѣ попался линейный солдатъ, который на мою просьбу—отвести меня куда нибудь отогрѣться, указалъ въ концѣ улицы какую-то небольшую казарму, кажется, казачій постъ, куда я вошелъ впотьмахъ, и засталъ его биткомъ набитымъ какими-то спящими людьми; негдѣ было даже присѣсть. Я пошелъ назадъ, думая, что придется сѣсть на улицѣ и, пожалуй, замерзнуть. Наконецъ, этотъ самый солдатъ догналъ меня и повелъ къ своей кумѣ. Небольшое замерзлое окошко свѣтилось ярко. Онъ постучалъ въ дверь, но голосъ изнутри закричалъ:

— Не пуцу! намъ и самимъ тѣсно.

— Кума, это я, отвори!

Дверь отворилась, и меня добрый солдатъ втолкнулъ туда.

Увидѣвъ обмерзлаго гостя, хозяинъ и хозяйка начали кричать, что у нихъ не постоялый дворъ, что имъ самимъ тѣсно, и прочая. Я усѣлся на сундукъ, противъ жарко топившейся печи, и сказалъ негостепріимнымъ людямъ, что заплачу, сколько они хотятъ, но уже отсюда не уйду. Они сейчасъ же успокоились, и хозяинъ услужливо помогъ мнѣ раздѣться, а хозяйка занялась самоваромъ. Когда я снялъ сапоги, оказалось, что у меня на ногахъ отморожены оба большіе пальца. Хозяинъ досталъ гусинаго жира и сдѣлалъ мнѣ перевязку, потомъ отыскалъ моихъ лошадей (верховую и вьючную) и комфортъ былъ бы полный, еслибы не нестерпимая боль въ отмороженныхъ пальцахъ.

Такъ прошла ночь, разнообразившаяся присутствіемъ смѣнявшихся въ избѣ солдатъ, которыхъ, по просьбѣ моей, хозяйка пускала отогрѣваться. Ихъ помѣщалось нѣсколько

десятковъ, и они сплошной массой, не шевелясь и молча, стояли, занимая всю избу. У нѣкоторыхъ на груди были кресты, и всѣ эти испытанные люди безпокойно посматривали на ворчащую въ постели хозяйку.

На другой день оказалось немало ознобившихся, которыхъ мы сдали въ госпиталь, а сами послѣ обѣда отправились почевать на Фарсъ. Морозъ много уменьшился и, при изобиліи въ дровахъ, ночлегъ былъ отличный. На слѣдующій день, по дорогѣ, встрѣтился намъ верхне-абадзехскій отрядъ, уже подъ начальствомъ полковника Геймана, который шелъ, такъ сказать, для вступленія во владѣніе пройденныхъ нами мѣстъ. Снѣгъ валилъ обильно, засыпая дорогу, и мы только къ вечеру пришли въ свой лагерь на Фюнфтѣ, гдѣ каждому изъ насъ ожидалъ разогрѣтый мангалъ въ теплой, сухой палаткѣ.

Такимъ образомъ, за это время подготовленъ былъ другой четырехугольникъ къ выселенію. Каждый бокъ его равнялся приблизительно 30—40 верстамъ, а углы обозначались: на востокъ по Фарсу—Царской позиціей и станицей Нижне-Фарсской, и на западъ—Майкопомъ и рѣкой Бѣлой до устья рѣчки Фюнфта. На этомъ послѣднемъ мѣстѣ предназначалась въ слѣдующемъ году станица Абадзехская.

Въ истекшемъ году не потрачено много пороха, но за то, скоро и незамѣтно для туземныхъ племенъ, годъ этотъ отдѣлилъ дорогами и просѣлками земли верхнихъ абадзеховъ и подготовилъ занятіе болѣе трудныхъ мѣстъ: въ горной полосѣ—даховскаго общества, а по ту сторону рѣки Бѣлой—нижнихъ абадзеховъ. Первые (даховцы) пользовались недоступностью; вторые, укрытые чащей лѣсовъ, были многочисленны; какъ тѣ, такъ и другіе поддерживались убыхами и прочими племенами южнаго склона.

Новый 1862-й годъ мы встрѣтили тихо, въ засыпанныхъ

сяѣгомъ палаткахъ. Мои отмороженные ноги отказывались ходить, и я долженъ былъ сѣсть на лошадь, чтобы выѣхать къ ротамъ и поздравить ихъ съ праздникомъ.

II.

Послѣ новаго года, отрядъ оставался на той же позиціи, при устьѣ Фюнфта, и устраивалъ тамъ земляной редутъ на двѣ роты и на одно орудіе. Редутъ былъ сдѣланъ на скорую руку и на неудачно выбранномъ мѣстѣ, потому что внутренность редута, расположенная въ покатой ложинѣ, открыта была съ трехъ сторонъ для непріятельскихъ выстрѣловъ. Въ то же время устраивался и другой постъ, за грушевой рощей, около рѣки Бѣлой, близъ раззореннаго аула Хапачи-Хабль. Послѣдній постъ имѣлъ плетневую ограду и получилъ названіе отъ означеннаго аула. Оба поста находились одинъ отъ другаго на разстояніи трехъ верстъ, и для занятія этихъ пунктовъ назначались: на Фюнфтъ—командуемый мною полубаталіонъ, а на постъ Хапачи-Хабль—двѣ роты стрѣлковаго баталіона самурскаго полка.

Въ концѣ января, отрядъ, съ цѣлью исполнѣ развѣдочной, двинулся вверхъ по прибрежной долинѣ рѣки Бѣлой, къ каменному мосту, и остановился въ пяти верстахъ отъ него; мы же заняли посты. Нашъ редутъ оставался еще неокон-

ченнымъ и былъ засыпанъ глубокимъ снѣгомъ, поэтому мы расположились возлѣ него лагеремъ, приступивъ къ дальнѣйшему его устройству. вмѣсто воротъ сдѣлали рогатку, снѣгъ внутри редута собирали въ кучи, вывели изъ лѣса длинныя бревна и устроили вышку. Между тѣмъ, въ отрядѣ слышны были орудійныя выстрѣлы, и проходящія изъ отряда колонны сообщали намъ, что абадзехи подвозятъ орудія, по ту сторону Бѣлой, и оттуда каждый день стрѣляютъ въ лагерь.

Самая слабая сторона у воюющихъ племенъ была ихъ артилерія: она почти никогда не дѣлала намъ вреда. И въ этотъ разъ, кажется, вся канонада кончилась тѣмъ, что ядро контузило спящаго горниста ставропольскаго полка. Онъ, впрочемъ, обязанъ цѣлостью своей головы—туго набитой перстью папахѣ, которую зацѣпило ядро, вкатившееся рикшетомъ въ палатку.

Усилившіеся морозы и глубокій снѣгъ дѣлали безопаснымъ нашъ небольшой лагерь, ничѣмъ неприкрытый. Абадзехи къ намъ болѣе не ходили, кромѣ знакомаго намъ князька изъ сосѣдняго аула, по имени Исса. Онъ часто навѣщалъ лагерь, продавалъ сѣно, ячмень, домашнихъ птицъ и выказывалъ къ намъ расположеніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и высматривалъ нашу слабую сторону,—манера общепринятая въ туземной тактикѣ.

5-го февраля, къ вечеру, прибылъ весь отрядъ, возвращавшійся въ Майкопъ. Мы впоследствии узнали, что войска собирались къ ханскому броду, на рѣкѣ Бѣлой, ниже Майкопа, для прорубки по ту сторону трудно доступнаго лѣса, подъ личнымъ наблюденіемъ графа Евдокимова, который, по своему обыкновенію, выдвинулъ нашъ отрядъ къ каменному мосту лишь для отвлеченія противника отъ настоящей своей цѣли—сдѣлать просѣку по направленію къ рѣкѣ Пшехѣ.

По уходѣ переночевавшего возлѣ насъ отряда, мы оста-

лись въ уединеніи на неопредѣленное время. Находиться долѣе внѣ редута было опасно, и поэтому пришлось поторопиться очисткою еще неубраннаго въ немъ снѣга, что, съ помощью подъемныхъ лошадей, сдѣлали мы скоро; затѣмъ, устроившись—хотя тѣсно, но, по возможности, удобно для того, чтобы люди безъ затрудненія могли выбѣгать изъ палатокъ на банкеты, въ случаѣ тревоги, мы зажили сообразно съ обстоятельствами. Крошечный нашъ редутъ позволялъ каждую минуту слѣдить за внутреннимъ порядкомъ, и это дало возможность установить полную исправность въ отправленіи служебныхъ обязанностей, какъ по охранѣ самага редута, такъ и при ежедневныхъ развѣдкахъ въ ближайшихъ къ редуту закрытыхъ мѣстахъ. Для этой надобности, ежедневно, послѣ осмотра съ вышки окрестностей, люди строились къ утренней зарѣ, по окончаніи которой, караульная рота становилась на банкеты, а очередная выходила изъ редута со всѣми предосторожностями, имѣя впереди разсыпанную цѣпь. Такимъ образомъ, рота осматривала ближайшія балки и, оставивъ для прикрытія водопоя одинъ взводъ, возвращалась въ редутъ, гдѣ уже производилась общая уборка. Все дѣлалось непринужденно, сознательно, и этотъ точный порядокъ не стѣснялъ людей, а напротивъ, не давалъ имъ скучать. Абадзехи, хотя не показывались — вѣроятно для усиленія нашей бдительности—но, какъ надобно полагать, находились въ окрестностяхъ, что замѣчалось по дыму, стлавшемуся въ отдаленныхъ балкахъ, и по лаю собакъ, доносившемуся по ночамъ.

Въ половинѣ феврала, однообразіе нашей жизни немного нарушилось: ночью, слышался на полянѣ передъ редутомъ конскій топотъ, и вскорѣ въ темнотѣ, слабо освѣщенной снѣгомъ, мы увидѣли приближающагося всадника, который остановился, слѣзъ съ лошади, подтянулъ поводья, по азіятско-

му обычаю, чтобы лошадь стояла неподвижно, и, подойдя ближе, вполголоса отозвался: „мой кунакъ!“ Ему крикнули: „гайда сюда!“ и когда онъ, подходя къ воротамъ, увидѣлъ наведенныя на него часовыми ружья, то сталъ вновь повторять дрожащимъ голосомъ, что онъ кунакъ. Я узналъ дѣйствительно своего кунака, который часто посѣщалъ меня прежде, зналъ немного порусски и способствовалъ покупкѣ сѣна. Приказавъ ему оставить оружіе у воротъ, я его ввелъ къ себѣ въ палатку и спросилъ: зачѣмъ онъ пришелъ. Онъ мнѣ ломаннымъ языкомъ объяснилъ, что большой отрядъ нашихъ войскъ двинулся къ ханскому броду, что тамъ находится самъ графъ (горцы называли графа Евдокимова—просто графомъ) и что здѣшніе абадзехи, предводимые прибывшимъ въ сосѣдній аулъ шапсугскимъ княземъ Сеферъ-беемъ, хотятъ напасть на насъ во время обхода или водопоя. При этомъ, онъ сообщилъ, что абадзехамъ извѣстно отъ бѣглаго солдата (ставропольскаго полка) что нашъ редутъ сдѣланъ такъ непроченъ изъ мерзлой земли, что нужно весьма немного усилія, чтобы его разрушить. По словамъ его, абадзехи собираются сдѣлать нападеніе, какъ только уменьшится снѣгъ. При этомъ, онъ вызвался доставить въ Майкопъ „кагасъ“, т. е. бумагу, если я въ чемъ нуждаюсь. Я заподозрилъ, что мой кунакъ былъ подосланъ съ какой нибудь цѣлью, и поэтому отвѣчалъ ему, что мы ни въ чемъ не нуждаемся, а абадзеховъ не боимся. За оказанную услугу я далъ ему приличный „пешкешъ“ серебряными деньгами. Мой кунакъ разсыпался въ благодарности, и навязывая свои услуги на будущее время, въ сопровожденіи меня отправился до воротъ.

Возвратившись въ палатку, я началъ убѣждаться, что абадзехи дѣйствительно что нибудь задумываютъ противу насъ—быть можетъ, въ видѣ отвлеченія отъ ханскаго брода—и во всякомъ случаѣ, въ огражденіе нашихъ лошадей,

которыхъ съ ротными было около 40, и также въ охраненіе людей отъ всякихъ случайностей, я счелъ необходимымъ принять противодѣйствующія мѣры.

На другой день, съ разсвѣтомъ, въ окрестностяхъ, покрытыхъ утреннимъ полумракомъ, было тихо, и ничего подозрительнаго не оказывалось. Осмотръ прилежащихъ балокъ я пріостановилъ, приказавъ лошадей напоить попозже, во рву, гдѣ было много свѣжей устоявшейся воды, а для пищи людямъ приготовить воду изъ снѣга. Между тѣмъ, назначена была команда съ кирками и лопатами для разработки тропы прямо изъ редута къ Фюнфту, текущему внизъ. Такимъ образомъ, мы не рисковали болѣе поить лошадей и набирать воду на прежнемъ мѣстѣ, которое находилось въ 400 шагахъ отъ редута, съ прилегающими тамъ балками и извилинами, легко могущими скрыть самую значительную засаду.

Хотя по близости моста надъ берегомъ рѣчки и устроена была караульня изъ плетня, но караула туда не высылалось, изъ опасенія подвергнуть людей бесполезному истребленію.

Черезъ часа два тропа была окончена, по которой къ вечеру напоили въ одиночку лошадей и набрали для себя воды. Этимъ путемъ набиралась вода и впослѣдствіи.

Что засада затѣивалась дѣйствительно, можно было заключить изъ того, что около 9-ти часовъ утра были видны одиночные люди, въ кустахъ надъ балкой, спускающейся къ водопою.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, подошелъ къ редуту Исса, съ двумя своими работниками, несшими кое-что на продажу. Я вышелъ къ нему за ворота и замѣтилъ, что Исса хотѣлъ только высмотрѣть, что у насъ дѣлается, такъ какъ продукты, принесенные имъ на продажу, составляли пустяки. Въ это время часовой на вышкѣ крикнулъ: „татары!“ и, какъ

по волшебному мановенію, дежурная рота заняла мѣста на банкетѣ, а другая выстроилась резервомъ внутри редута. Исса поблѣднѣлъ, и потомъ, когда я его успокоилъ, произнесъ одобрительно: „у, джигиты!“ Дѣло было въ томъ, что часовой увидѣлъ десятка два конныхъ татаръ, проскакавшихъ въ верстѣ отъ насъ между кустами. Я спросилъ, что это за люди? Исса отвѣчалъ: „моя не знаетъ; абадзехъ другой ауль.“ Я думаю, что данный образчикъ нашей исправности имѣлъ вліяніе на дальнѣйшія предпріятія противъ насъ абадзеховъ. Исса ушелъ, и больше я его не видѣлъ.

На другой день, только-что я вошелъ въ палатку послѣ утренней зари, какъ слышался съ вышки голосъ часоваго: „татары!“ „Гдѣ?“ спросилъ я, выходя изъ палатки. „Напали на обходъ самурцевъ; много конныхъ и пѣшихъ.“ Вслѣдъ за этимъ слышались тамъ два орудіенные выстрѣла. „Ну, что видишь?“ спрашивалъ я. „Бѣгутъ наши на помощь изъ редута,“ продолжалъ часовой на вышкѣ. Я уже надѣлъ шапку и хотѣлъ крикнуть дежурной ротѣ: „въ ружье!“ какъ часовой съ вышки продолжалъ: „татары уходятъ. Конные поскакали къ каменному мосту, а пѣшіе бѣгутъ въ лѣсъ.“ Наши офицеры полѣзли на вышку и тоже видѣли удаляющіяся непріятельскія партіи. Потомъ все утихло, и черезъ два часа пришла рота самурцевъ съ раненымъ и съ докторомъ Панфиловичемъ, бывшимъ на хапачи-хабльскомъ посту. Мы узнали, что во время обхода абадзехи въ большомъ сборищѣ напали на роту, и нѣсколько человекъ нашихъ убили, въ томъ числѣ и ротнаго командира поручика Анастасьева.

Докторъ остался съ раненымъ въ нашемъ редутѣ, а рота самурцевъ возвратилась на свой постъ. Погода между тѣмъ каждый день дѣлалась теплѣе, и снѣгъ почти совсѣмъ стаялъ. Въ обходъ ходить мы не имѣли надобности, только изрѣдка рота посылалась въ старый лагерь за дровами, соблюдая при

этомъ полный порядокъ, какъ въ колоннѣ, такъ и въ разсыпанной впереди цѣпи. Надосугѣ мы упражнялись и въ разныхъ военныхъ хитростяхъ, какъ напимѣръ: къ вечеру, передъ зарей, шелъ взводъ въ 40 человекъ къ караульнѣ возлѣ моста, и въ сумеркахъ, незамѣтнымъ образомъ, по рѣчкѣ, опять возвращался въ редутъ; или высылался полувзводъ въ секретъ, впереди той стороны редута, выходящей на поляну, съ которой непріятелю было видно все наше внутреннее расположеніе—особенно ночью, когда освѣщались палатки огнями. Секретъ этотъ сначала прикрывалъ людей, выходившихъ изъ редута по своей надобности; потомъ, когда темнѣло, въ одиночку самъ возвращался въ редутъ, оставляя противниковъ въ убѣжденіи, что онъ тамъ лежитъ всю ночь.

Я не ошибся, что абадзехи наблюдаютъ за каждымъ нашимъ шагомъ, потому что черезъ нѣсколько дней опять пришелъ мой лазутчикъ, но уже днемъ, изъ ближайшихъ кустовъ, и сообщилъ, что абадзехи, разрушивъ все мосты, какіе были на дорогѣ, собираются въ большомъ числѣ ночью напасть на нашу мостовую караульню. Я подозрѣвалъ, что этимъ извѣстіемъ мой лазутчикъ скорѣе хотѣлъ устранить для своихъ земляковъ препятствіе, чѣмъ предупредить караулъ отъ готовившейся опасности, и поэтому отвѣчалъ: „пусть себѣ нападаютъ; тамъ караулъ большой, а солдатъ—джигиты!“ „Моя бельдыюхъ! твоя лучше знаетъ,“ пролепеталъ кунакъ, и съ тѣмъ ушелъ, получивъ, разумѣется, приличный пешкешъ.

На другой день, въ два часа пополудни, часовой на вышкѣ замѣтилъ большую партію пѣшихъ татаръ, переходившихъ въ верстѣ отъ нашего редута черезъ Фюнфть. Они шли длинной вереницей со стороны каменнаго моста, и перейдя рѣчку, поднимались на возвышенности, огибающія съ востока нашу позицію, и потомъ удаляющіяся на сѣверъ, къ семикольняной горѣ. Съ партіей много шло व्यюковъ, и мѣстами

ѣхали конные—вѣроятно, старшины. Я спросилъ артиллериста:

— Достанетъ ли твое орудіе?

— Хватить! отвѣчалъ онъ.

— А ну-ка, попробуй!

Изловчившійся артиллеристъ досталъ зарядъ, навелъ орудіе и, оставивъ ногу, приложилъ пальникъ къ трубкѣ. Орудіе грохнуло, а черезъ нѣсколько секундъ татары замѣтались въ стороны подъ рѣзкимъ свистомъ ядра. Заряженное орудіе опять накатили, и второй выстрѣлъ свалилъ лошадь. Татары суетливо поспѣшили на гору, а наши солдаты загудѣли одобрительно. Еще сдѣлали два выстрѣла, и на этомъ канонада прекратилась. Партія состояла приблизительно изъ 400 пѣшихъ, которые скрылись за высотами, въ лѣсистыхъ балкахъ.

Наша обстановка принимала характеръ все болѣе воинственный. Вечеромъ въ занятыхъ татарами балкахъ, гдѣ были и раскинутыя сакли, свѣтились большіе огни, а днемъ виднѣлись конные разъѣзды. Одинъ изъ такихъ разъѣздовъ, состоящій изъ двухъ конныхъ, вздумалъ подъѣхать къ намъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Я приказалъ одному изъ караульныхъ на батареѣ поставить прицѣлъ на 900 шаговъ и, приложившись съ подставки, пустить имъ пулю. Секунды двѣ послѣ выстрѣла, всадники ѣхали спокойно; потомъ, какъ будто кто ихъ пугнулъ: оба кинулись въ сторону, подгоняя лошадей учащенными ударами плетей, а одинъ потерялъ при этомъ папаху, за которой вынужденъ былъ вернуться, слѣзть съ лошади, чтобы ее поднять, и уже пѣшкомъ, таща за собой лошадь, бѣгомъ удралъ въ кусты, вызвавъ у нашихъ солдатиковъ общій хохотъ.

Днемъ сосѣдство враждебнаго сборища абадзеховъ было намъ развлеченіемъ; но, съ наступленіемъ ночи, можно было

ожидать, что они начнутъ стрѣлять по редуту, пользуясь пересѣченностью окружающихъ мѣстъ, могущихъ служить удобнымъ прикрытіемъ. Видно, однакожъ, что они боялись наткнуться на секретъ и поэтому оставляли насъ въ покоѣ; въ противномъ случаѣ, мы подвергались бы большому неудобству—при тѣснотѣ и открытости своего расположенія.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько ночей совершенно спокойно, хотя не разъ, сядя за ужинъ, въ палаткѣ, со свѣтомъ, далеко виднѣвшимся съ поля, невольно возбуждался вопросъ: окончимъ ли мы свою трапезу безъ тревоги? Кстати сказать, что наши съѣстные запасы совершенно истощились, и столъ накрывался безъ ножей и вилокъ, съ одними ложками для жидкаго супа, съ запахомъ свиннаго сала. Тѣмъ не менѣе, въ веселыхъ рѣчахъ недостатка не было, и мы расходились, не думая о своихъ неудобствахъ. Ночью, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, я не раздѣвался—что дѣлали и солдаты; но сонъ отъ этого не терялъ значенія, и въ редутѣ водворялась тишина полная—подъ прикрытіемъ бодрствующихъ на банкетѣ часовыхъ и караульныхъ при орудіи.

Въ одну изъ этихъ ночей, въ концѣ февраля, меня вызвалъ фельдфебель караульной роты и вполголоса передалъ, что на мосту слышенъ стукъ. Ночь была совершенно темная. Мы съ нимъ поспѣшили на батарею и стали слушать: тамъ раздавался едва долетающій, глухой стукъ сбрасываемаго съ моста накатника, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по пороху плетня можно было узнать, что разбираютъ и караульную. Сперва я хотѣлъ выстрѣлить по нимъ изъ орудія, кстати и артиллеристъ тутъ стоялъ; но потомъ напелъ лучшимъ оставить орудіе на случай, а велѣлъ 20-ти стрѣлкамъ, бывшимъ въ караулѣ на батарее, поставить прицѣлы хотя приблизительно на 400 шаговъ и навести ружья по пороху на караульную. По командѣ „пли!“ залпъ раздался въ ночной тишинѣ, и вслѣдъ за

этимъ дежурная рота вбѣжала по мѣстамъ на банкеты, а часовые начали стрѣлять. Я насилу ихъ успокоилъ; но оказалось, что они стрѣляли по лошадиному топоту, который удался отъ редута.

Мы стали слушать: тишина водворилась полная, и на мосту тоже все затихло.

На другой день, рано утромъ, я взялъ роту и пошелъ къ мосту: тамъ весь накатникъ былъ сброшенъ въ воду, но балки уцѣлѣли, а караульня только немного была попорчена. Мы собрали по рѣчкѣ весь накатникъ, который не могъ далеко отплыть по случаю мелководья, и я приказалъ всю эту мостовую настилку уложить возлѣ редута, подобравъ ее и перенумеровавъ каждую штуку, съ тѣмъ, чтобы скоро и безъ труда можно было настлатъ мостъ, когда это потребуется.

Я очень былъ радъ, что абадзехамъ не удалось сдѣлать намъ существеннаго вреда, и это меня убѣдило, что они насъ боятся; но, тѣмъ не менѣе, ихъ сборище не оставляло своихъ покушеній на редутъ, какъ я вскорѣ узналъ отъ своего лазутчика. Онъ пришелъ опять ночью и сообщилъ, что на дняхъ привезутъ намъ изъ Майкопа сухари и провизію, что у насъ ихъ нѣтъ, и что абадзехи, въ числѣ 800 человекъ, ждутъ этой колонны около семиколѣнной горы.

— Тащи чурекъ скоро-скоро не пошелъ! добавилъ онъ. Твоя солдатъ пропалъ. Абадзехъ гамусомъ сюда садись. Ей-богу, моя правду скажи.

Я ему говорилъ, что у насъ сухарей много, и что мы не ждемъ никакой колонны.

— Моя хорошо знаетъ, продолжалъ онъ. Солдатъ тащи чурекъ, придетъ.

Я видѣлъ, что въ его словахъ есть что-нибудь истинное и хотѣлъ написать въ Майкопъ, въ предупрежденіе вы-

сылки колонны, но онъ отвѣчалъ, что ни за что письма не понесетъ.

— Моя башка пропалъ! Черкесть уруби.

Спустя нѣсколько дней, именно 2-го марта, поутру, день былъ теплый, и солнце ярко освѣщало весеннюю природу. На вышкѣ послышался голосъ:

— Колонна идетъ!

Мы все вышли на батарею и стали всматриваться въ семиколѣнную гору, на которой солдаты замѣтили блескъ ружей.

Скоро мы увидѣли темную полосу, спускающуюся съ горы по зигзагамъ, и потомъ, черезъ нѣсколько времени, подъ горой, за фруктовой рощей, сталъ показываться дымъ. Колонна шла, дѣйствительно. У насъ зашевелились: дежурная рота стала въ ружье, я сѣлъ на своего застоявшагося верховаго коня, и мы пошли навстрѣчу. Верстахъ въ 3-хъ, при выходѣ лѣсистаго ущелья изъ восточныхъ высотъ на поляну, мы увидѣли со стороны фруктовой рощи вышедшую уже на открытое мѣсто стрѣлковую цѣпь, передъ которой татары, пѣшіе и конные, отстрѣливаясь, отступали. Уже не было сомнѣнія, что колонна идетъ къ намъ, и когда она подошла ближе, мы узнали апшеронцевъ, и въ цѣпи разъѣзжающаго на сѣрой лошади ихъ командира, майора Шеманскаго.

Татары, замѣтивъ насъ подходящими съ тыла, подались въ ущелье, а мы заняли гору, открывъ по нимъ перестрѣлку. Потомъ, когда колонна повернула къ редуту, мы пошли вслѣдъ за ней, преслѣдуемые только ружейнымъ огнемъ съ оставленныхъ нами высотъ.

Оказалось, что, дѣйствительно, колонна эта привезла на вьюкахъ сухари и провизію, но не для насъ, а для самурцевъ, у которыхъ съѣстные припасы были на исходѣ.

Постоявъ немного около нашего редута, колонна тронулась за Фюнфѣтъ, на хапачи-хабльскій постъ, къ самурцамъ, и въ грушевой рощѣ имѣла небольшую перестрѣлку съ частью перебѣжавшихъ туда татаръ, а остальные, въ большомъ сборищѣ, остались на ближайшихъ высотахъ. По нимъ изъ нашего редута сдѣлано было два орудійныхъ выстрѣла—по отдаленности бесполезныхъ,—и потомъ все притихло; но абадзехи съ высотъ не уходили, расположившись тамъ, какъ стая хищныхъ птицъ, ожидающихъ добычи. Оттуда конные всадники уѣзжали и опять пріѣзжали,—видно было, что они рассчитываютъ сопровождать колонну обратно. Я совѣтовалъ маіору Шеманскому заночевать у самурцевъ, такъ какъ ихъ постъ былъ вмѣстительнѣе, и попробовать съ утра переправиться на ту сторону Бѣлой, т. е. на лѣвый ея берегъ, по которому дорога была болѣе открыта, и притомъ, миновалась бы семиколѣнная гора; но онъ получилъ распоряженіе—въ тотъ же день возвратиться, и рѣшился слѣдовать назадъ по старой дорогѣ.

Пока апшеронцы ходили на хапачи-хабльскій постъ, нѣкоторые ихъ офицеры оставались обѣдать у насъ, въ томъ числѣ одинъ изъ ротныхъ командировъ, хорошій мой знакомый, поручикъ Ясинскій.

Когда баталіонъ возвратился съ поста и сталъ собираться въ обратный путь, Ясинскій, прощаясь со мною, заплакалъ. Я спросилъ о причинѣ, и онъ со слезами объяснилъ, что сожалѣетъ объ насъ, остающихся въ редутѣ, говоря:

— Вы кругомъ въ опасности. Богъ знаетъ, увидимся ли мы еще разъ.

И дѣйствительно, мы больше не увидѣлись. Онъ сожалѣлъ о насъ, а черезъ часа два самъ погибъ, при занятіи подъема на семиколѣнной горѣ. Тамъ же убитъ и капитанъ Яковлевъ, который, во время ухода колонны, возвратился въ

нашъ редутъ—забрать пьянаго стрѣлка своей роты. Я ему сказалъ, что стрѣлокъ у насъ будетъ цѣль и сытъ.

— Нѣтъ! сказалъ капитанъ, сажая шатающагося стрѣлка на свою верховую лошадь. Безопаснѣе его отсюда взять.

Съ апшеронцами мы отправили всѣхъ своихъ подъемныхъ и ротныхъ лошадей. Мой адъютантъ и докторъ Панфиловичъ также уѣхали.

Колонна, бывшая теперь безъ тяжестей, имѣя только порожнихъ лошадей, построившись по кавказскому обыкновенію въ видѣ карре, смѣло пошла впередъ съ цѣпами со всѣхъ сторонъ.

Маіоръ Шеманскій думалъ держаться лѣвѣе высотъ, къ которымъ подходила дорога, и куда татары направились по гребню, а у семиколѣнной горы хотѣлъ перейти черезъ Бѣлую въ бродъ. Я видѣлъ, какъ колонна своротила съ дороги влѣво и пошла цѣликомъ; я думалъ, что движеніе это обойдется безъ особеннаго дѣла; скорѣе рассчитывалъ на ночную тревогу въ редутѣ, потому что часть татаръ осталась на высотахъ противъ насъ.

Намъ нужны были дрова, и я послалъ за ними одну роту въ старый лагерь; потомъ, увѣрившись, что наблюдающая партія не думаетъ беспокоить нашихъ, пошелъ въ палатку—отдохнуть до ночи.

Вставъ и выйдя на батарею, спустя часа три по уходѣ апшеронцевъ, я посмотрѣлъ на семиколѣнную гору: тамъ дымъ стлался, какъ мгла. Я спросилъ часовыхъ: слышны ли были выстрѣлы? Они отвѣчали, что за фруктовой рощей сначала можно было разобрать ружейную пальбу, а потомъ ничего не было слышно.

Скоро стемнѣло, и долго ночью по ближайшимъ высотамъ раздавались голоса перекликавшихся татаръ и скрипъ арбъ — вѣроятно, перевозившихъ раненыхъ.

Мой лазутчикъ не являлся болѣе, и мы не имѣли никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ дошла колонна.

Такъ прошло нѣсколько дней. Абадзехи попрежнему находились въ окрестностяхъ; по ночамъ раскладывали громадные огни, но къ редуту не подходили. Въ одинъ изъ этихъ дней, передъ вечеромъ, часовой съ выпки сообщилъ, что за Фюнфтомъ, по дорогѣ къ Царской позиціи, какіе-то конные *мотаются*; другіе подтвердили тоже самое.

Вскорѣ за грушевой рощей, на возвышенности, гдѣ было зимою нападеніе на рабочихъ, начала показываться конница, и собравшись тамъ въ большую массу — стояла неподвижно. Мы сначала думали, что это непріятель, такъ какъ съ той стороны никакого отряда въ то время не было; но потомъ, спустя четверть часа, послышался рожокъ, проигравшій „движеніе впередъ,“ и конница стала вытягиваться по направленію къ самурскому посту. Скоро все покрылось наступившими сумерками; по сигналамъ, часто повторяемымъ, можно было заключить, что и пѣхоты идетъ немало. Весь прибывшій отрядъ расположился на ночь около хапачи-хабльскаго поста; какъ это было видно по свѣту огней, мерцавшихъ за грушевой рощей. Мы не знали, что это за войска, и съ любопытствомъ ждали утра.

Съ разсвѣтомъ я поторопился навести мостъ, для чего дежурная рота, разобравъ его по частямъ, живо отнесла на рѣчку, и тамъ въ нѣсколько минутъ мостъ былъ готовъ. Только-что мы окончили работу, какъ подъѣхалъ съ казаками полковникъ Алкинъ, и тутъ я узналъ, что, по порученію графа Евдокимова, онъ идетъ съ легкимъ отрядомъ — провѣдать, что у насъ дѣлается, вмѣстѣ съ тѣмъ — осмотрѣть, въ какомъ состояніи находятся по дорогѣ мосты. При этомъ онъ мнѣ рассказалъ, что апшеронцы, при переходѣ черезъ семиколѣнную гору, имѣли большое дѣло съ окружившими ихъ со всѣхъ

сторонѣ абадзехами, но что они пробились молодецки, хотя почти всѣ офицеры были переранены.

Вслѣдъ за полковникомъ Алкинымъ прошелъ его отрядъ, состоявшій преимущественно изъ казачьихъ сотенъ и трехъ баталіоновъ пѣхоты севастопольскаго полка. Они скоро должны были возвратиться по той же дорогѣ, на Царскую позицію, гдѣ устраивалась станица.

Дѣйствительно, дня черезъ два, отрядъ этотъ опять проходилъ мимо насъ; я выѣхалъ съ рапортомъ къ полковнику Алкину, и онъ мнѣ говорилъ, что, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лазутчиковъ, абадзехи намѣревались напасть на нашъ редутъ, еслибы не пришли апшеронцы. При этомъ, совѣтовалъ быть осторожнымъ, такъ какъ кругомъ находятся сборища непріятеля. Затѣмъ, отрядъ ушелъ, и мы попрежнему остались въ уединеніи.

Между тѣмъ, войска наши, управившись на ханскомъ бродѣ, съ наступленіемъ весны начали выкуривать остатки егерукаевцевъ, махошевцевъ и другія племена, находившіяся еще въ лѣсистыхъ мѣстахъ, охваченныхъ нашими просѣками. Большею частью, уходящія партіи пробирались къ каменному мосту по высотамъ мимо насъ, и по ночамъ вездѣ свѣтилось зарево на ихъ ночлегахъ. Любопытно было видѣть эти ночныя освѣщенія, раскинутыя по всѣмъ окрестнымъ высотамъ, напоминающія—не потѣшные огни, а великую драму народной войны. Наши часовые внимательно прислушивались къ далекому говору, изрѣдка долетавшему до насъ съ дуновеніемъ весенняго вѣтра, и зорко всматривались въ прилегающія къ редуту мѣста, покрытыя мракомъ ночи. Но эти ночи проходили тихо и благополучно. Никто насъ не беспокоилъ, и никто изъ вооруженныхъ татаръ не подходилъ къ редуту; только раза два, на зарѣ — сначала подростокъ мальчикъ съ чуреками, а потомъ, на слѣдующій день, взрос-

лый татаринъ съ мѣшкомъ пшеницы — подходили къ редуту, предлагая свою продажу. И тотъ, и другой заставляли насъ во время утренней зари, когда, кромѣ часовыхъ на банкетяхъ, стояла выстроившись дежурная рота, которая по окончаніи молитвы занимала посты.

Оба эти посѣтителя, смотря по ничтожности принесеннаго продукта и по выбранному для этого времени, можно полагать, были посланы — поближе разсмотрѣть порядокъ нашей охраны. Но у насъ этотъ порядокъ не имѣлъ ни одной слабой стороны и уподоблялся порядку на военномъ кораблѣ, гдѣ по командѣ производится каждое движеніе. И самъ редутъ, по своей формѣ, похожъ былъ на мелкобортное судно, имѣя вмѣсто мачты — вышку. Недоставало только подвижности, безъ которой наши солдаты, при однообразной жизни, получили настроеніе къ ночнымъ видѣніямъ. Такъ на примѣръ, въ одну изъ ночей, часовые утверждали, что они видѣли на многихъ палаткахъ и на вышкѣ огненные шарики. Толкователи этихъ видѣній предсказывали впереди большія дѣла и потери — что, впрочемъ, можно было ожидать и безъ огненныхъ шариковъ.

Въ половинѣ марта посѣтилъ насъ, съ небольшою легкой колонной, начальникъ отряда, полковникъ Горшковъ, и передалъ мнѣ, что полубаталіонъ перейдетъ на постъ къ двумъ ротамъ самурцевъ.

Черезъ нѣсколько дней насъ смѣнили двѣ роты грузинскаго гренадерскаго резервнаго баталіона, а мы перешли на хапачи-хабльскій постъ, куда прибыли еще двѣ роты кубанцевъ.

Весна уже была въ полной прелести, цвѣтущая фруктовая роща вѣяла ароматомъ, вездѣ проглядывала зелень, и теплый воздухъ наполнялся щебетаньемъ птицъ. Мы приступили къ обработкѣ огородовъ, въ ожиданіи, пока начнется

возведеніе ограды для Абадзехской станицы. Эти работы входили въ кругъ занятій ниже-абадзехскаго отряда, войска котораго—частью у ханскаго брода, возводили станицу, а частью еще очищали махошевскіе лѣса отъ неторопливыхъ къ выселенію враждебныхъ намъ племенъ.

Находясь на хапачи-хабльскомъ посту, мы имѣли случай убѣдиться, какъ абадзехи точно знали о каждомъ нашемъ движеніи—посредствомъ нашихъ же лазутчиковъ.

Это было спустя нѣсколько дней послѣ нашего прихода къ самурцамъ. Абадзехи, среди темной ночи, подвезли орудія, по ту сторону Бѣлой, и начали стрѣлять въ нашъ постъ. Ядра ихъ перелетали, и я не приказалъ отвѣчать своимъ орудіямъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

На другой день явился къ намъ лазутчикъ изъ Майкопа, съ запиской отъ полковника Горшкова, въ которой говорилось, что ему извѣстно о ночной стрѣльбѣ по нашему посту, и что онъ завтра самъ прибудетъ къ намъ. Лазутчикъ, какъ явился скрытно, такъ и исчезъ между кустами незамѣтно.

Между тѣмъ, на другой день, съ ранняго утра, мы увидѣли, по ту сторону рѣки Бѣлой, вереницы конныхъ татаръ, которые, выдвигаясь по частямъ изъ курджиискаго ущелья, строились на плоскости, за мелкими пролѣсками и въ лощинахъ. Сборище было большое, и они расположились лицомъ къ майкопской прибрежной дорогѣ; изъ этого было ясно, что они знали даже направленіе, по которому полковникъ Горшковъ собирался слѣдовать. Стрѣлять по нимъ было бесполезно, потому что они стояли внѣ орудійнаго выстрѣла, и притомъ выстрѣлами нашими можно бы было ускорить приходъ полковника Горшкова и подвергнуть его колонну видной опасности, тѣмъ болѣе, что, по случаю полноводья въ рѣкѣ, ни нашимъ ротамъ нельзя было бы подоспѣть на под-

держку, ни пѣнимъ частямъ прибывающей колонны, при надобности, переправиться на нашъ берегъ. Все это крайне насъ беспокоило, и каждый изъ насъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, смотрѣлъ въ отдаленіе по побережью рѣки. Татары также стояли линіями, неподвижно, не слѣзая съ лошадей; солнце, между тѣмъ, поднялось высоко, и можно было надѣяться, что колонна не прибудетъ. Такъ и случилось. Полковникъ Горшковъ настолько былъ знакомъ съ туземной тактикой, что, предугадывая затѣю абадзеховъ, не пришелъ и на другой день, заставивъ ихъ прокараулить болѣе сутокъ, такъ, что они къ вечеру слѣдующаго дня разѣхались по домамъ. На третій же день, послѣ обѣда, полковникъ Горшковъ прибылъ съ небольшой колонной, составленной изъ частей всѣхъ трехъ родовъ оружія, и расположился противъ нашего поста, по ту сторону рѣки Бѣлой. Сейчасъ же два конныхъ милиціонера переправились на нашъ берегъ, и я съ ними, на своей лошади, отправился къ начальнику отряда. Вода была глубока, и моя непривычная лошадь съ большимъ трудомъ преодолѣвала сильное теченіе рѣки, и только слѣдуя за опытными провожатыми, я переправился благополучно. Полковникъ Горшковъ принялъ меня, усѣвшись надъ берегомъ, въ тѣни вѣтвистаго куста, и во время моего разсказа подсмѣивался надъ неудавшейся затѣей абадзеховъ. Затѣмъ, послѣ двухчасоваго отдыха, колонна ушла обратно, а я, получивъ нѣкоторыя распоряженія, съ тѣми же провожатыми отправился на свой постъ, откуда долженъ былъ надняхъ выступить, съ своимъ полубаталіономъ, въ даховскій отрядъ, къ полковнику Гейману, а на наше мѣсто должны были придти другія части, для постройки Абадзехской станицы.

Пріятно было намъ вырваться изъ оборонительнаго постоваго заключенія, и наши солдатики быстро пошли круж-

ной дорогой черезъ Майкопъ, станицу Фарсскую, къ верховьямъ рѣчки Псефира, гдѣ, между Царской позиціей и укрѣпленіемъ Хамкеты собирался даховскій отрядъ. Полковникъ Гейманъ мнѣ былъ знакомый человѣкъ, и я былъ весьма радъ попасть подъ его команду. Въ скоромъ времени, именно 26-го апрѣля, отрядъ, составленный изъ баталіоновъ севастопольскаго полка и нѣсколькихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, съ горными орудіями, выступилъ черезъ Царскую позицію по открытому откосу возвышенностей, къ недоступному даховскому обществу.

Недоступность этого общества заключалась въ томъ, что оно находилось въ котловинѣ, прилегающей съ юга къ безлюднымъ отрогамъ главнаго кавказскаго хребта, и съ остальныхъ сторонъ окружено было лѣсистыми высотами, довольно отлогими съ внѣшней стороны, но недоступно крутыми во внутрь страны, куда проходили по тѣснымъ ущельямъ трудныя сообщенія—съ запада, только вверхъ по рѣкѣ Бѣлой, у каменнаго моста, съ сѣвера—со стороны Царской позиціи, куда теперь направлялся отрядъ, и съ востока, съ верховьевъ рѣчки Ходза, куда рекогносцировалъ полковникъ Лихутинъ. Притомъ, само общество славилось воинственностью, и на его поддержку всегда были готовы остальные племена, въ особенности абадзехи.

Отрядъ, послѣ одного перехода, остановился на перевалѣ подъема, среди лѣистой мѣстности, противъ тѣснаго ущелья, круто спускающагося въ даховскую котловину. Вслѣдъ за отрядомъ, пріѣхалъ безъ предварительной огласки графъ Евдокимовъ, по обыкновенію маскировавшій невѣдомымъ своимъ отсутствіемъ цѣль предвзятаго движенія. Быть можетъ, поэтому, даховцы, не ожидая скорого движенія, не сдѣлали и отпора при занятіи перевала. Графъ, послѣ своего пріѣзда, тотчасъ же сдѣлалъ рекогносцировку съ нѣсколькими бата-

ліонами къ узкому лѣсистому спуску, куда непріятель успѣлъ уже собраться, и послѣ довольно сильной перестрѣлки, гдѣ мы потеряли двухъ офицеровъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ, къ вечеру возвратился въ лагерь.

Теперь, разумѣется, непріятель сосредоточивалъ всѣ свои главныя силы въ отрекогносцированномъ ущельи.

На другой день, съ разсвѣтомъ, колонна изъ 8-ми баталіоновъ, подъ командой начальника отряда, полковника Геймана, пошла гребнемъ, по лѣсистымъ высотамъ, вправо, на западъ и, разсыпавъ цѣпи, начала прорубать просѣку, направляясь по тропѣ, ведущей этимъ гребнемъ къ каменному мосту. Даховцы немедленно передвинули большинство своихъ силъ навстрѣчу работавшей колоннѣ, и завязали на цѣлый день усиленную перестрѣлку. Между тѣмъ, въ продолженіи работъ наши устроили на просѣкѣ засѣку на два баталіона, съ горными орудіями, и рабочія войска отступили къ вечеру, подъ прикрытіемъ этой засѣки, безъ выстрѣла. Теперь татары положительо убѣдились въ предпринятомъ нами направленіи и, въ свою очередь, приступили къ устройству заваловъ по узкому гребню, ведущему къ каменному мосту, предполагая, вѣроятно, что отрядъ оттуда будетъ стараться проникнуть въ даховское общество, чрезъ ущелье, вверхъ по рѣкѣ Бѣлой.

На другой день колонна продолжала начатую просѣку, куда и графъ ѣздилъ осматривать мѣстность, и здѣсь-то мы имѣли отличное дѣло. Татары, въ большихъ массахъ, стали обходить нашихъ рабочихъ справа, по глубокой лѣистой балкѣ. Они стали замѣтны противъ двухъ ротъ самурскаго стрѣлковаго баталіона, стоявшихъ на склонѣ гребня, въ цѣпи, подъ командою штабсъ-капитана Звозкова. Самурцы, увидѣвъ массу движущихся папахъ внизу, бросились, съ крикомъ „ура“, въ балку, и, поддерживаемые цѣпями другихъ

частей, гнали озадаченнаго непріятеля вдоль всей балки, работая штыками и прикладами; при этомъ татары оставили множество тѣлъ и оружія.

Во время осмотра просѣки, графъ Евдокимовъ замѣтилъ, что съ гребня, около засѣки, сквозь рѣдкія оставшіяся надъ кручей деревья, мѣстами виднѣется глубокая даховская котловина, и что спускъ къ ней проходитъ по каменистому, мало заросшему грунту, не болѣе какъ подъ 45° уклона.

На слѣдующій день, оставивъ на позиціи командуемый мною полубаталіонъ и еще два другіе съ лишними тяжестями, графъ Евдокимовъ, съ остальными войсками отряда, пошелъ гребнемъ, по вновь прорубленной просѣкѣ и, дойдя до засѣки, гдѣ виднѣлась даховская котловина, повернулъ цѣлымъ отрядомъ въ кручу. Солдаты спускались сидя, какъ на салазкахъ, а для лошадей и орудій мѣстами продѣлывали на скорую руку тропки. Спустившись ниже, гдѣ уклонъ постепенно становился менѣе крутъ, солдаты построились въ колонны и, подъ звуки музыки севастопольскаго полка, отрядъ стройно, въ боевомъ порядкѣ, началъ спускаться въ котловину.

Переполохъ среди жительскихъ ауловъ былъ страшный; всѣ почти защитники были въ лѣсу, на гребнѣ, около просѣки, и даховская котловина досталась намъ безъ всякой потери.

По занятіи даховскаго общества, продѣланъ былъ спускъ по ущелью, противъ прежней позиціи, отправлены въ отрядъ остававшіеся тяжести, устроенъ при входѣ въ ущелье укрѣпленный постъ, и побѣдоносный графъ уѣхалъ въ Ставрополь.

Вслѣдъ за этимъ, нашъ полубаталіонъ передвинутъ былъ на каменный мостъ, въ распоряженіе командира гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, полковника Виберга, который

командовалъ небольшой колонной изъ частей абадзехскаго отряда, выдвинутой вверхъ, по правому берегу рѣки Бѣлой, для прикрытія даховскаго отряда, съ правой его стороны, а потомъ—для устройства по этому берегу постовъ и разработки дороги отъ каменнаго моста до Абадзехской станицы.

Все пространство отъ рѣки Лабы до рѣки Бѣлой, съ жилыми трупцами между верховьями этихъ рѣкъ, было окончательно покорено и подготовлено къ заселенію нашими станицами.

На каменномъ мосту мы стояли недолго, и затѣмъ, работая, начали подаваться къ Абадзехской станицѣ.

Время шло мирно, лишь съ небольшими одиночными перестрѣлками; въ даховскомъ отрядѣ сначала работы шли не особенно тревожно, пока, наконецъ, полковникъ Гейманъ, управившись съ дорогами и постами, началъ расширять кругъ своихъ дѣйствій къ сторонѣ верховьевъ рѣки Пшехи. Между послѣдней и рѣкой Бѣлой, среди трупцовъ, поросшихъ сплошными лѣсами, до самыхъ мѣстъ впаденія этихъ рѣкъ въ Кубань, оставалось еще нетронутымъ густое населеніе, къ которому присоединились верхніе абадзехи, даховцы и прочія мелкія общества, ограждая какъ бы стѣной непріятельскія земли по сѣверному склону горъ до самаго моря.

Каменный мостъ считался у горцевъ какой-то недоступной твердыней, гдѣ бывшій ихъ властелинъ, Магометъ-Аминъ, присланный Шамилемъ изъ Дагестана и постепенно забравшій въ свои руки всѣ племена черкесской вольницы, совершалъ тамъ, въ выстроенномъ на берегу рѣки судилищѣ, свой судъ и расправу—сталкивая приговоренныхъ съ берега въ кручу, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ ширину около двухъ сажень. Оба берега соединяются надъ про-

пастью слоемъ узкаго плитняка. Мостъ этотъ находится у самаго входа въ отвѣсное скалистое ущелье, по которому пробита тропа въ даховское общество.

Къ концу мая, наша колонна, продолжая работать, пошла къ бывшему хапачи-хабльскому посту, возлѣ котораго уже возводилась ограда подѣ Абадзехскую станицу. Въ это время наши войска абадзехскаго отряда сосредоточивались къ предстоящему движенію въ курджипское ущелье. Въ составѣ колонны поступали: гренадерскій и 19-й стрѣлковый баталіоны, апшеронскій стрѣлковый баталіонъ, двѣ роты самурцевъ, нашъ полубаталіонъ и еще одинъ баталіонъ кубанскаго полка, съ двумя горными орудіями, а также драгуны нижегородскаго и, сколько помнится, тверскаго полковъ. Драгунамъ пришлось еще до рекогносцировки переправиться за рѣку Бѣлую—въ то время чрезвычайно быструю и глубокую—въ погоню за партіей горцевъ, которая, въ числѣ 600 конныхъ, замѣчена была на переправѣ въ 2—3-хъ верстахъ ниже нашего лагернаго расположенія.

Пустившіеся въ карьеръ эскадроны, въ виду всего отряда, успѣли догнать партію на зарѣчной равнинѣ, у небольшого оврага, прикрытаго опушкой лѣса; горцы спѣшились и залегли въ оврагѣ за деревьями, открывъ учащенный огонь, вскорѣ покрывшій пороховымъ дымомъ всю озолоченную заходящимъ солнцемъ равнину. Драгуны тоже спѣшились и съ разсыпанной цѣпью начали подходить къ оврагу, но горцы, не дождавшись штыковъ, ускакали въ курджипскія трущобы.

26-го мая, съ разсвѣтомъ, рекогносцировочныя войска собрались на берегу рѣки, и пѣхотныя части, поочередно садясь на драгунскихъ лошадей, въ сопровожденіи конвоировавшихъ драгунъ, начали переправу черезъ рѣку, глубину которой мѣстами пришлось переплывать. Не обошлось при этомъ безъ случаевъ паденія солдатъ въ воду, а также возни

съ перевозкой на лошадяхъ двухъ горныхъ орудій; но въ результатъ все обошлось благополучно, и отрядъ, стряхнувшись отъ набравшейся въ одежду воды, къ вечеру сталъ бивакомъ на лѣсистыхъ высотахъ, отдѣляющихъ курджипское ущелье.

Въ тотъ день непріятеля было мало, и онъ только въ одиночку скакалъ по разнымъ направлєніямъ съ бѣлыми значками на длинныхъ копьяхъ (призывъ къ газавату). Въ тотъ день и во время ночлега не было ни одного выстрѣла. На слѣдующее утро, когда уже совершенно разсвѣло, отрядъ пошелъ дальше, къ Курджипсу, до котораго оставалось нѣсколько верстъ.

Дорожка, по которой мы слѣдовали, проходила по плато и по узкимъ прогалинамъ, окаймленнымъ съ правой стороны чащей густаго лѣса, а съ лѣвой — обрывомъ, спускающимся въ извилистую глубокую балку, прорѣзывающую мѣстность до самой курджипской долины. Спустившись въ эту послѣднюю безъ всякихъ препятствій, отрядъ расположился около рѣчки приваломъ, оставивъ въ лѣсу, на высотахъ, одинъ баталіонъ кубанскаго полка.

Все было тихо, и только изрѣдка видно было, какъ одиночные горцы, конные и пѣшіе, перебѣгали узкую долину правѣе насъ, къ пройденнымъ высотамъ.

Съ нами былъ начальникъ отряда полковникъ Горшковъ и начальникъ всѣхъ войскъ, дѣйствующихъ противъ абадзеховъ, генералъ Тихоцкій, которые, осмотрѣвъ мѣсто, стали закусывать, а офицеры гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, расположившись подъ тѣнью большаго куста, вполголоса беззаботно напѣвали хоромъ отрывки изъ итальянскихъ оперъ.

Мы пробыли тамъ около 1½ часа, и ничего особеннаго не видѣли: мрачный лѣсъ тянулся вдоль по обѣ стороны долины — и только.

При обратномъ слѣдованіи, полубаталіонъ, бывшій въ головѣ правой боковой цѣпи, теперь оказался въ лѣвой и въ хвостѣ оной, а арріергардную цѣпь составляли двѣ роты 19-го стрѣлковаго баталіона.

Лѣвой боковой цѣпью командовалъ подполковникъ Фридериксъ, такъ какъ командуемаго имъ баталіона двѣ роты самурцевъ шли въ головѣ этой цѣпи. Онъ ѣхалъ въ хвостѣ, съ нами, и настаивалъ идти медленнѣе, чтобы не разорваться съ резервной цѣпью; но та, поднявшись на первую возвышенность, пошла безпрепятственно, и мы, отдѣленные отъ нея крутизной, поросшей лѣсомъ, не могли видѣть, что отстаемъ.

Поднявшись на высоту и войдя въ узкія прогалины, откуда уже баталіонъ кубанцевъ ушелъ, присоединившись къ колоннѣ, мы очутились одни, не видя передъ собою и головныхъ частей лѣвой цѣпи, вслѣдъ за которой, услыхавъ повторяемые сигналы „движеніе впередъ“, уѣхалъ и подполковникъ Фридериксъ.

Я приказалъ прибавить шагъ и лѣвофланговой въ цѣпи ротѣ занять тыльную нашу сторону; затѣмъ, не успѣли мы миновать перелѣсокъ и войти въ длинную узкую прогалину, какъ лѣвая боковая цѣпь внезапно отшатнулась отъ опушки лѣса, но, поддержанная резервомъ, снова бросилась къ опушкѣ, изъ которой встрѣчена была густымъ непріятельскимъ огнемъ; потомъ, и съ тыла посыпались выстрѣлы со стороны пройденнаго уже перелѣска.

Наши роты, отстрѣливаясь, начали отступать, тѣсясь въ узкой прогалинѣ, подъ выстрѣлами почти въ упоръ.

Не было возможности податься въ чащу лѣса, по случаю густоты зарослей, изъ которыхъ невидимые горцы сыпали выстрѣлами, какъ градомъ.

Я спѣшилъ и отправилъ свою лошадь съ горнистомъ

впередъ; туда же и раненые направлялись—то съ рабочими, то въ одиночку; и хотя одна рота самурцевъ прислана была намъ въ подмогу, но она увеличивала только тѣсноту, затрудняющую и безъ того отступленіе по коридорообразнымъ прогалинамъ.

Я уже хотѣлъ свернуть въ балку, хотя глубокую, но просторную, по которой легко можно было обогнуть гору и присоединиться къ отряду; но, пройдя до угла прогаины, я увидѣлъ, что на небольшой полянѣ ожидаетъ насъ отрядъ въ боевомъ порядкѣ; при этомъ, вышли изъ балки и двѣ стрѣлковые роты, бывшія въ арріергардной цѣпи.

Горцы частью насъ опередили и уже завязали съ отрядомъ перестрѣлку, занявъ противъ поляны недоступную для нашихъ чащу лѣса.

Съ прибытіемъ нашихъ ротъ еще болѣе усилился неприятельскій огонь, и нужна была картечь и учащенная стрѣльба нашихъ цѣпей, чтобы заставить горцевъ удалиться въ глубь чащи.

И такъ, осмотръ курджипскаго ущелья обошелся намъ не безъ потери: въ нашемъ полубаталіонѣ убито и ранено 28 человѣкъ, и раненъ одинъ офицеръ; а на полянѣ, въ другихъ частяхъ, тоже были потери, въ томъ числѣ у апшеронцевъ убитъ одинъ офицеръ.

На позиціи, гдѣ оставались выюки подъ прикрытіемъ драгунъ, отрядъ стоялъ недолго и въ тотъ же день спустился къ рѣкѣ Бѣлой. Переночевавъ тамъ, на другой день мы прибыли, по прибрежной дорогѣ, къ Майкопу и остановились лагеремъ на равнинѣ возлѣ города.

Въ сущности, Курджипсъ еще не былъ тронутъ, но только рекогносцированъ, и поэтому отрядъ, усиленный баталіонами пѣхоты и драгунами, въ составѣ двухъ полныхъ полковъ, 1-го іюня опять выступилъ къ Курджипсу—по зна-

комой уже дорогѣ—перейдя Бѣлую, черезъ деревянный мостъ, около Майкопа.

Первый переходъ сопровождался небольшими перестрѣлками въ лѣсу, сквозь который пришлось проходить по ту сторону рѣки, и который сплошной полосой тянется на юго-западъ до Курджипса и далѣе, оставляя вверху по лѣвому рѣчному побережью, мѣстами, обширныя поляны.

На другой день послѣ ночлега, сдѣланнаго на открытомъ берегу рѣки Бѣлой, мы подошли къ курджипскимъ высотамъ, уже знакомымъ намъ послѣ рекогносцировки и теперь усѣянными тысячами горцевъ.

Генераль Тихоцкій подозвалъ меня и, указавъ на высоты, приказалъ ихъ занять съ апшеронскимъ стрѣлковымъ, ставропольскимъ пѣхотнымъ баталіонами, вмѣстѣ съ моимъ полубаталіономъ; при этомъ передалъ, что драгуны пойдутъ на гору въ обходъ съ правой стороны перелѣсками.

Мнѣ не приходилось высказывать свое мнѣніе, хотя я видѣлъ, что задача эта весьма трудная; но подполковникъ Шеманскій, который уже далъ примѣръ своей неустрашимости (2-го марта) подѣхавшій также къ генералу Тихоцкому, сталъ говорить, что кромѣ потери людей ничего полезнаго изъ этого не выйдетъ, такъ какъ, независимо трудности штурмовать такую высокую крутизну, встрѣтится затрудненіе на горѣ, гдѣ чаща лѣса намъ уже извѣстна.

Генераль былъ вполне убѣжденъ въ необходимости занять эту гору; при этомъ я высказалъ также и свое мнѣніе, что можно гору обойти слѣва по балкѣ, какъ это подтвердилъ и начальникъ отряднаго штаба, тутъ же стоявшій, подполковникъ Комаровъ. Послѣ этого генераль, махнувъ рукою, приказалъ этимъ же самымъ частямъ занять лѣсъ, виднѣющійся съ лѣвой стороны, на поворотѣ балки. Рѣшено было, по инициативѣ подполковника Комарова, что мы, взявъ

влѣво, пройдемъ оврагомъ, незамѣченные съ горы не-пріятелемъ, къ повороту балки, и убѣдившись, что нѣтъ препятствій къ дальнѣйшему слѣдованію по балкѣ, дадимъ сигналъ хоровымъ барабаннымъ боемъ—„сборъ“.

Такъ и сдѣлали. Я былъ увѣренъ въ удобоисполнимости этого предпріятія, потому что во время прошлой рекогносцировки видна была вся, хотя волнистая, но открытая мѣстность этой балки отъ ея поворота вплоть до Курджиписы, и самъ поворотъ былъ болѣе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ отъ исходящаго сгиба горы, занятой горцами. Балка была болѣе узка только въ началѣ и при соединеніи ея съ курджипской долиной, гдѣ уже гора постепенно понижается.

Горцы съ горы не замѣтили движенія нашихъ 2½ баталіоновъ, и мы дошли лѣсомъ до поворота балки, встрѣтивъ только одного пѣшаго горца, который, вѣроятно, былъ въ лѣсу по своей надобности и удралъ, не сдѣлавъ и выстрѣла;—доказательство, что горцы не допускали мысли, чтобы отрядъ пошелъ иной дорогой, кромѣ указанной проводниками на рекогносцировку.

Занявъ опушку лѣса на условленномъ поворотѣ и видя дальнѣйшее удобство прохода по балкѣ, подполковникъ Комаровъ, который шелъ съ нами, приказалъ барабанщикамъ и горнистамъ всѣхъ трехъ частей ударить „сборъ“, а вслѣдъ затѣмъ, послышался гулъ несущихся къ намъ двухъ полковъ драгунъ, съ которыми скакалъ генераль Тихоцкій.

Горцы, увидя предпринятый обходъ горы, послѣ недолгой стрѣльбы по несущимся драгунамъ, изъ которыхъ оказался выбывшимъ изъ строя только одинъ человекъ, засуетились, и всѣ бросились бѣгомъ по горѣ въ курджипскую долину. Между тѣмъ, дождавшись пѣхоты, весь отрядъ безпрепятственно пошелъ по балкѣ и расположился бивакомъ на окраинѣ знакомой уже намъ долины.

День былъ жаркій, и люди, освѣжившись водою изъ рѣчки, приступили немедленно къ устройству засѣкъ изъ лѣса и завальчиковъ изъ камня, для цѣпей, а также занялись варкой пищи. Горцы не показывались, и только вечеромъ кое-гдѣ начали стрѣлять съ дальнихъ дистанцій по нашему биваку.

При вечерней зарѣ, солдаты набожно пропѣли „отче нашъ“, и потомъ еще многіе въ одиночку молились—кто какъ умѣлъ: тутъ за кустикомъ слышны были молитвы всѣхъ вѣроисповѣдашій;—солдаты всѣ были старые, опытные и знали, что пришли въ эту глухую трущобу не для того только, чтобы нѣкоторымъ изъ нихъ сложить свои кости, но также и для того, чтобы, съ вѣрою въ Бога, занять эту страну и устроить ее, насколько возможно, для будущаго населенія.

Утромъ, войска отряда, съ свѣжими силами, выступили въ курджипскую долину. Ночью, по лагерю были произведены орудіянные выстрѣлы, и изъ этого можно было заключить, что здѣсь-то и сосредоточены непріятельскія силы. И дѣйствительно, отрядъ, выступивъ утромъ въ глубь долины и оставивъ для охраненія бивака самурскій стрѣлковый баталіонъ и нашъ полубаталіонъ, съ частью кавалеріи, встрѣтилъ отчаянное сопротивленіе огромныхъ массъ горцевъ, которые, съ пронзительнымъ гикомъ и непрерывной пальбой, защищали всѣ доступы къ раскинутымъ въ лѣсу аульчикамъ. Тѣмъ не менѣе, послѣдніе были сожжены нашими войсками.

Горцы одной защитой не удовольствовались и вздумали напасть на нашъ лагерь. Нападеніе произведено было вечеромъ, когда отрядъ еще не окончилъ своего дѣла въ долинѣ Курджипса. Неожиданно, изъ ближайшаго лѣса, со стороны, гдѣ занимали лагерную цѣпь самурцы, значитель-

ная непріятельская партія бросилась безъ выстрѣла на лагерь, но, встрѣченная огнемъ цѣпи и видя бѣжавшія на поддержку, бывшія наготовѣ, роты, обманутая въ надеждѣ, застать войска врасплохъ, тотчасъ же дала тылъ и скрылась.

Къ вечеру все утихло; возвратившіяся войска пополнили патроны и, пожалѣвъ о своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищахъ, улеглись рядами, поротно, чтобы при первомъ сигналѣ опять постоять за свою боевую честь.

Между тѣмъ, когда уже стемнѣло, генераль Тихоцкій потребовалъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ частей и объявилъ, что ровно въ 12 часовъ ночи отрядъ выступаетъ обратно, и чтобы всѣ части, безъ малѣйшаго шума, къ тому времени были готовы; причемъ, и порядокъ слѣдованія былъ указанъ.

Тѣмъ, кто распоряжался, спать уже не приходилось, и каждая часть въ свое время была разбужена, лошади навьючены, и безмолвныя войска, часть за частью, убравъ ночные посты, стали подниматься по прежней дорогѣ на возвышенную покатость балки. Ввѣренный мнѣ полубаталіонъ встрѣтился при подъемѣ съ подполковникомъ Комаровымъ, который, чтобы не затруднять и безъ того тѣснившіяся у подъема войска, предложилъ идти за нимъ, по дорожкѣ влѣво. Мы пошли безпрепятственно, но потомъ, замѣтивъ, что удаляемся отъ направленія общей дороги, остановились и стали прислушиваться; оказалось, по доходящему до насъ пороху и тихому говору, что мы отдѣлены отъ отряда глубокой рывтиною.

Положеніе было незавидное; приходилось возвращаться опять въ долину и черезъ это отстать или наткнуться на горцевъ—отъ чего поднялась бы тревога, а затѣмъ и неудобное на этотъ разъ преслѣдованіе.

Подполковникъ Комаровъ ничуть не смутился въ эту критическую минуту, и доставъ изъ кармана сухарь, пре-

хладнокровно началъ его ѣсть. Оставалось одно—идти дальше, что мы и сдѣлали, и вскорѣ увидѣли, что рытвина уменьшается постепенно на-нѣтъ. Я вздохнулъ свободнѣе—успокоясь за свою часть; подполковникъ же Комаровъ, которому отвѣтственность предстояла больше моей, не выказалъ при этомъ никакого волненія, что и заставляетъ думать, что человекъ этотъ, дѣйствительно, хладнокровный и неустрашимый.

Къ разсвѣту мы уже были далеко, и только слышали позади, въ курджипской долинкѣ, сзывающіе клики горцевъ, которые не успѣли насъ преслѣдовать и дали возможность спокойно дойти до рѣки Бѣлой и переправиться черезъ нее, при помощи драгунскихъ лошадей, около вновь строящейся Абадзехской станицы.

Въ тотъ день я былъ дежурнымъ, и объ окончаніи переправы, начавшейся послѣ полудня, доложилъ генералу съ послѣдними вышедшими на нашъ берегъ драгунскими наѣздниками только позднею ночью.

Изъ Абадзехской станицы, уже по нашей сторонѣ, отрядъ возвратился къ Майкопу.

Здѣсь мы простояли до 10-го іюня, чтобы въ эти нѣсколько дней собраться къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ—на рѣку Пшеху. Съ этого времени абадзехскій отрядъ, переименованный въ пшехскій и дѣйствовавшій подъ этимъ названіемъ, сохранилъ свое названіе, какъ и даховскій, до окончательнаго покоренія западнаго Кавказа.

Нашему отряду предстоялъ кругъ дѣйствій—по всему пространству лѣсистой, густо населенной плоскости, и больше нежели даховскому отряду, дѣйствовавшему въ нагорной полосѣ; и поэтому, составъ пшехскаго отряда былъ болѣе значительный. У насъ однихъ стрѣлковыхъ частей было 6½ баталіоновъ, кромѣ нѣсколькихъ другихъ баталіоновъ,

а также многочисленная кавалерія — преимущественно драгуны.

Отрядъ соби́рался около вновь строящейся Ханской ста-
ницы, на рѣкѣ Бѣлой, въ 12-ти верстахъ отъ Майкопа, ко-
торый, кстати о немъ сказать, былъ въ то время центромъ
всякаго для войскъ сбыта и кипѣлъ ярморочною дѣятель-
ностью, а также нерѣдко былъ свидѣтелемъ разнохарактер-
ныхъ эпизодовъ, вытекавшихъ по обыкновенію изъ долгой
боевой жизни, съ выдающимися рыцарски-драматическими
случаями—давно уже улегшимися, которыхъ возбуждать, быть
можетъ, нескромно.

Въ этомъ движеніи графъ Евдокимовъ не участвовалъ,
такъ какъ предстоящая къ занятію мѣстность была ему уже
знакома; поэтому, отрядъ двинулся подъ командою генерала
Тихоцкаго.

Пройдя прорубленную въ началѣ года просѣку—черезъ
лѣсовой дѣсь, на разстояніи 3—4 веротъ параллельно тече-
нію рѣки Бѣлой, и устроивъ въ концѣ просѣки постъ на
рѣчкѣ Мишеко, отрядъ двинулся дальше по тому же направ-
ленію—для постройки втораго поста, въ трехъ верстахъ отъ
перваго.

Тутъ нашимъ глазамъ открылась лѣсная равнина, въ
концѣ которой, на протяженіи 6-ти верстъ къ западу, вид-
нѣлась Пшеха.

Вся эта равнина пестрѣла тысячами всадниковъ, поджи-
давшихъ нашего движенія; но отрядъ занялся устройствомъ
поста и расчисткой проходовъ къ рѣкѣ Бѣлой, для безопас-
наго добыванія воды.

Непріятельскія массы къ вечеру исчезли, и на слѣдую-
щій день, при движеніи части отряда къ Пшехѣ на реког-
носцировку, только небольшое число конныхъ джигитовъ
смѣло подъѣзжало къ нашимъ драгунскимъ наѣзdnикамъ,

прикрывавшимъ фронтъ колонны, завязывая съ ними перестрѣлку.

Подходя же къ Пшехѣ, огонь открылся и въ нашихъ боковыхъ цѣпяхъ по непріятелю, стрѣлявшему изъ лѣса.

Тутъ въ первый разъ полевые орудія, руководимыя графомъ Доливо-Добровольскимъ, участвовавшимъ въ этомъ движеніи, имѣли случай на походѣ обстрѣливать непріятеля, заставшаго въ опушкахъ лѣса, быстро переносясь съ позиціи на позицію по сторонамъ колонны, и этимъ скоро отбили татарамъ охоту продолжать дальнѣйшую перестрѣлку.

За то, дня черезъ два, когда весь отрядъ двинулся къ Пшехѣ, при занятіи противоположнаго, т. е. лѣваго берега рѣки, не обошлось безъ трескотни ружейнаго и артилерійскаго огня въ продолженіи цѣлаго дня; даже на устроенныя на томъ берегу засѣки, изъ пребрежнаго лѣса конные абадзехи цѣлыми массами производили атаки, подскакивая къ засѣкамъ почти въ упоръ,—и только залпы и картечь поворачивали ихъ назадъ.

Нашъ полубаталіонъ при занятіи Пшехи не былъ, временно оставаясь на послѣднемъ посту; но эта непрерывная пальба хорошо намъ была слышна.

Затѣмъ, всѣ непріятельскія сборища, вѣроятно видя безполезность своихъ усилій, разѣхались, и мѣсто, выбранное подъ Пшехскую станицу, на большой полянѣ по ту сторону рѣки, приняло видъ рабочей дѣятельности.

Часть войскъ приступила къ возведенію станичной ограды, со рвомъ и брустверомъ, а нѣсколько баталіоновъ выдѣлились для заготовленія сѣна въ восьми верстахъ ниже, по теченію Пшехи.

Нашъ полубаталіонъ тоже поступилъ на работы станичныхъ окоповъ, смѣнившись съ поста, и жизнь пошла однообразно, трудовая, по водворенію прибывшихъ казачьихъ

семействъ, которымъ помогали и въ заготовленіяхъ на зиму хозяйственныхъ запасовъ, и въ постройкѣ домовъ.

Пшеха, также какъ и другія тамошнія рѣки, текуція большею частью по низкимъ, лѣсистымъ мѣстамъ, имѣла климатъ нездоровый, и въ августѣ мѣсяцѣ пришлось нашимъ войскамъ немало переболѣть лихорадкой, такъ что самурскій стрѣлковый баталіонъ, котораго командиромъ уже я былъ назначенъ, имѣлъ въ строю здоровыхъ людей не болѣе четвертой части наличнаго состава. Бывало, конвоируя жителей на ихъ покосы, отведенные между Пшехой и Бѣлой, приходилось немало затрудняться, чтобы прикрыть вереницы житейскихъ повозокъ, въ сплошныхъ по дорогѣ перелѣскахъ, съ малочисленными ротами—иной разъ въ 20—30 человекъ. Въ этомъ случаѣ много помогала своей подвижностью, при охранѣ пути со стороны полянъ, постоянно сопутствовавшій самурцамъ дивизіонъ драгунъ.

При такихъ занятіяхъ, съ наступившей осенью станичные окопы были окончены, сѣно свезено въ складъ, и жилища поселянъ большею частью построены.

Здѣсь назначена была штабъ-квартира самурцевъ, почему мы, съ баталіономъ кубанскаго полка и своднымъ стрѣлковымъ полубаталіономъ, а также дивизіономъ драгунъ и нѣсколькими орудіями, остались на нѣкоторое время въ станицѣ, подъ командою подполковника Лагоріо, а прочія войска, подъ командою вновь назначеннаго начальникомъ пшехскаго отряда генерала Преображенскаго, двинулись вверхъ по лѣвому берегу Пшехи, для осмотра и расчистки мѣстъ подъ предполагаемыя по этой рѣкѣ станицы: Кубанскую, Апшеронскую и потомъ далѣе—Самурскую.

Еще до ухода отряда были произведены рекогносцировки вокругъ пшехской поляны, по прилегающему лѣсу, гдѣ оказавшіеся аульчики были сожжены—разумѣется, при силь-

ныхъ перестрѣлкахъ. Немного же далѣе, въ особенности по притокамъ малыхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Пшеху, татарскіе аулы оставались нетронутыми. Когда же отрядъ удалился, и только со стороны его поврежденіямъ долетали до Пшехской станицы далекіе орудійные выстрѣлы, въ одинъ прекрасный вечеръ явился въ станицу конный абадзехъ, закутанный до глазъ башлыкомъ, и предложилъ свои услуги—проводить насъ къ недалекому аулу по правую сторону Пшехи, къ владѣнію какой-то помѣщицы-княгини. Подполковникъ Лагорио взялъ самурцевъ, сводный полубаталіонъ и двѣ роты кубанцевъ, съ эскадрономъ драгунъ и горнымъ орудіемъ, и мы, до разсвѣта, двинулись лѣсомъ, съ таинственнымъ вожакомъ во главѣ.

Недоходя еще до аула, стало свѣтать, и проводникъ началъ убѣдительно просить поторопиться, чтобы захватить спящими всѣхъ жителей въ аулѣ, въ томъ числѣ и княгиню. Онъ, повидимому, руководствовался какимъ либо мщеніемъ и зналъ, что стоящій на дорогѣ неисправный ихъ пикетъ до разсвѣта уходитъ домой.

Драгуны пошли рысью, а вслѣдъ за ними, бѣгомъ—самурцы. При полумракѣ разсвѣта мы увидѣли на небольшой полянѣ, возлѣ лѣса, аульчикъ, въ которомъ жители, пробужденные лаемъ собакъ и топотомъ драгунъ, обскакивавшихъ аулъ по сторонамъ, выбѣгая изъ сакль, начали стрѣлять, а женщины съ крикомъ уходили въ лѣсъ, захватывая съ собою свое имущество.

Въ минуту аулъ былъ нашими занятъ и зажженъ, а потомъ, по настоянію того же проводника, мы пошли съ добычей—десятка двѣ разной скотины—но уже по другой, болѣе открытой дорогѣ, переправившись на лѣвый берегъ Пшехи въ бродъ. Это было сдѣлано съ цѣлью, чтобы собиравшіеся на выстрѣлы жители дальнѣйшихъ въ томъ же на-

правленіи ауловъ не воспрепятствовали нашему отступленію лѣсомъ;—разумѣется, тутъ заботился о своей цѣлости и тайственный проводникъ, нежелавшій получить случаевъ пулю отъ своихъ же. Безъ преслѣдованія, однакожь, не обошлось, но только до переправы, а тамъ мы пошли по полю до самой станицы.

Черезъ нѣсколько дней, княгиня сожженного аула прислала цословъ, прося возвратить ей княжескую шапку, захваченную нашими; причемъ, послы выражались, что „гяуръ“ вправѣ ихъ раззорять, какъ подобаетъ поступать съ непріателемъ, но что княгиня, какъ женщина, обращаясь къ великодушію побѣдителей, надѣется, что ся наслѣдственное украшеніе будетъ ей возвращено. Шапка эта отыскалась у одного драгуна—высокій колпакъ, густо обшитый серебряными галунами—и возвращена посланнымъ.

Въ исходѣ сентября пріѣхалъ графъ Евдокимовъ, для осмотра того, что было сдѣлано пшехскимъ отрядомъ.

Осматривая станичныя работы глазомъ знатока, на ходу, графъ взощелъ на южный брустверь, впереди палатокъ самурскаго баталіона, откуда виднѣлась вверхъ по лѣвому берегу Пшехи долина, покрытая синевою лѣса, простиравшагося въ даль, между постепенно возвышающимися горными отрогами. Тамъ теперь находился напѣ отрядъ. Графъ туда всматривался въ зрительную трубу, перекидываясь словами съ двумя кабардинцами, которые ему сопутствовали, и между тѣмъ, цовременамъ, взглядывалъ внизъ, за брустверь, какъ будто желалъ въ чемъ-то убѣдиться. Тамъ лежалъ, за рвомъ, распростертый самурецъ, котораго и я замѣтилъ, находясь тутъ же присутствующимъ. Я ожидалъ, что графъ сдѣлаетъ мнѣ замѣчаніе, если не больше, за недосмотръ—де за людьми, но обошлось тѣмъ, что графъ, вѣроятно убѣдившись, что солдатъ прохлаждается подвыпивши, пересталъ на него

и смотрѣть: черта умнаго начальника—не дѣлать шума изъ пустяковъ.

Пробывъ въ Пшехской станицѣ дня два, графъ отправился съ особо назначенной колонной—лично осмотрѣть пройденныя мѣста. Тамъ, на пути, абадзехи сдѣлали засаду. Подпустивъ колонну, на одной изъ полянъ, къ лѣсу, встрѣтили ее залпомъ, и затѣмъ бросились на боковую цѣпь въ шашки; причемъ, двѣ пули попали въ графскій экипажъ. Графъ тотчасъ сѣлъ на лошадь и, лично распоряжаясь отраженіемъ непріятеля, отбросилъ его обратно въ лѣсъ.

Въ первыхъ числахъ октября отрядъ, выполнившій задачу по осмотру мѣстъ вверхъ по Пшехѣ, а также сожженію по пути ауловъ, возвратился въ Пшехскую станицу—тогдашній базисъ раіона дальнѣйшихъ дѣйствій.

Затѣмъ, графъ уѣхалъ, а войска отряда, отдохнувъ немного въ станицѣ, вновь взялись за дѣло. Первоначально прорублены были просѣки: отъ станицы Пшехской къ рѣкѣ Пшишу, верстъ на 8—10, и обратно напрямикъ къ посту Мишеко; потомъ отрядъ, то въ полномъ составѣ, то по частямъ, приступилъ къ сожженію окрестныхъ ауловъ, гнѣздившихся среди вѣковаго лѣса по всѣмъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Пшеху по обѣ ея стороны на пространствѣ между рѣками Ппишемъ и Бѣлой.

Разумѣется, каждое изъ этихъ движеній не обходилось безъ упорнаго сопротивленія нижнихъ абадзеховъ, наполняя проходимые нами лѣса ежедневной ружейной трескотней и нерѣдко орудійными выстрѣлами, и обогрѣвая морозный воздухъ наступающей уже зимы пламенемъ горѣвшихъ ауловъ. При этомъ интересно было видѣть, какъ наши солдатики, обкуриваемые клубами дыма, ухищрялись, среди перестрѣлки съ назойливымъ непріятелемъ, подбивать пулями и курь, разлетавшихся во всѣ стороны изъ зажженныхъ сакль.

Между тѣмъ, несмотря на непримѣрную дѣятельность войскъ, съ ежедневно возрастающимъ успѣхомъ ихъ трудовъ, и дѣятельность въ краѣ по внутреннему устройству, съ возможнымъ уменьшеніемъ расходовъ — какъ напримѣръ, постройка капитальныхъ мостовъ черезъ рѣки Пшеху и Бѣлую, которые строились русскими артелями втрое дешевле предварительно исчисленныхъ смѣтъ, — все-таки злые языки недоброжелательныхъ людей злорадно перешептывались, что графъ Евдокимовъ будетъ замѣненъ другимъ, и что уже пошло объ этомъ представленіе. Но вслѣдъ за тѣмъ, пронесся радостный для войскъ слухъ, что Государь Императоръ находитъ Евдокимова незамѣнимымъ на Кавказѣ, и что предназначается главнокомандующимъ Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Эти слухи были мимолетные, скоро утихшіе, но все же притихло и злорадство, съ неудовлетворенными интересами немалаго количества людей.

При такой обстановкѣ закончился истекшій годъ — но не закончилась всеодолѣвающая дѣятельность выполнявшагося въ то время предпріятія.

III.

Новый, т. е. 1863-й годъ мы встрѣтили въ Пешехской ста-ницѣ, гдѣ войска отряда продолжали стоять лагеремъ вокругъ всѣхъ фасовъ ставичной ограды. Зима была не теплая, и нашимъ солдатикамъ, которые не успѣли вырыть себѣ землян-ки, приходилось терпѣть отъ холода болѣе чѣмъ на пози-ціи, гдѣ недостатка въ дровахъ не бывало. Тѣмъ не менѣе, горнисты и барабанщики не пропускали случая, переходя отъ избы къ избѣ, праздновать новый годъ, оглашая станицу не-премѣннымъ боемъ „полнаго похода.“

Нѣкоторые изъ офицеровъ, окончивъ свидѣтельствованіе казеннаго имуществва, заглядывали къ смотрителю магазина, у котораго вмѣстительная землянка, обшитая рогожами, да-вала возможность нѣсколько согрѣться и подкрѣпить себя разными хорошими напитками, которыми хозяинъ непрочъ былъ кой-кого угостить, но дѣлалъ это съ видимымъ созна-ніемъ какого-то одолженія къ бѣднымъ нсимущимъ офице-рамъ. Но великое дѣло—добро наживать!

Большинство офицеровъ предпочитало свое собственное общество, хотя и съ меньшими средствами.

Этимъ временемъ, начальникомъ пешехскаго отряда на-значенъ былъ полковникъ Офрейнъ, и на другой день послѣ новаго года войска опять взялись за дѣло, продолжая съ боемъ выкуривать сосѣднихъ абадзеховъ изъ безчисленнаго множества аульчиковъ, скрывавшихся въ чащахъ лѣса.

Не было дня, гдѣ бы мимо ушей не просвисталъ вражій свинецъ, и съ этимъ такъ свыклись, что всякая неблагопо-лучная случайность занимала настолько, насколько интере-суетъ кабинетнаго дѣльца завтрашняя погода.

Бывало, возвратившись въ палатку послѣ движеній въ

продолженіи цѣлаго дня и освободившись отъ одежды, пропитанной гарью и пороховымъ дымомъ, преспокойно берешься за приведеніе своихъ и служебныхъ дѣлъ въ порядокъ, на случай непоправимости ихъ въ слѣдующій день. И все же, это не утомляло и не наводило унынія, а напротивъ, малѣйшій пустячный случай вызывалъ смѣхъ и веселье, но отнюдь не мечты о будущемъ, о которомъ не было даже и мысли—какъ о предметѣ, къ нашему положенію неподходящемъ.

Въ половинѣ января, отрядъ опять побывалъ въ мѣстахъ уже пройденныхъ прошлою осенью—вверхъ по лѣвому берегу Пшехи, и, поработавъ кое-гдѣ надъ уширеніемъ просѣкъ, а также повыжигавъ на обратномъ пути нѣсколько болѣе отдаленныхъ ауловъ, причемъ производились и фуражировки, онъ сталъ лагеремъ въ 10-ти верстахъ недоходя до станицы Пшехской, для постройки ограды близъ Пшехи подъ станицу Кубанскую.

Работа цѣлымъ отрядомъ шла быстро: хворостъ поурочно подносился людьми, а частью подвозился на выюкахъ, и въ нѣсколько дней станичная плетневая ограда, въ 2 $\frac{1}{2}$ сажени высоты, приходила къ концу.

Тѣмъ временемъ, очередныя части ежедневно посылались въ окрестные лѣса—розыскивать фуражъ, часто попадавшійся сложеннымъ гдѣ нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, а также съ цѣлью—не окажутся ли еще гдѣ либо уцѣлѣвшіе жительскіе кутаны, которыми пшехскія окрестности въ особенности изобиловали.

Въ одной изъ такихъ экскурсій, самурскій стрѣлковый баталіонъ, слѣдуя черезъ дремучій безмолвный лѣсъ, съ полувзводомъ впереди въ видѣ развѣдочнаго авангарда, наткнулся на кочевье значительнаго бараньяго стада, караульщики котораго, озадаченные нечаянностью появленія солдатъ, почти въ упоръ сдѣлали нѣсколько безвредныхъ для насъ выстрѣ-

ловъ, и, въ свою очередь, почуявъ свистъ отвѣтныхъ пуль, безъ оглядки скрылись, оставивъ всю баранту намъ въ добычу.

Оказалось уже потомъ, черезъ лазутчиковъ, что захваченное стадо было послѣдней собственностью злополучной княгини, у которой прошлою осенью сожженъ былъ аулъ, во время нашего набѣга изъ Пшихской станицы, и взята ея княжеская шапка.

Тѣмъ не менѣе, солдатики нашего отряда за свои труды, теперь имѣли случай покунать вкусно свѣжей баранины.

Въ 20-хъ числахъ февраля, шесть баталіоновъ, подъ командою подполковника Лагоріо, оставались доканчивать ограду Кубанской станицы; остальные же войска отряда выступили въ Пшихскую станицу для приготовленія къ движенію навстрѣчу Его Высочеству, Главнокомандующему кавказскою арміею, слѣдовавшему по передовой линіи изъ адагумскаго отряда. И такъ, слухъ, столь обрадовавшій войска, теперь вполне оправдался.

Всѣ мы суетливо и заботливо начали хлопотать, чтобы повозможности обновить свою затасканную одежду, распушили сбившіяся въ комокъ папахи, украсили ихъ кокардами, и съ весельемъ въ душѣ выступили по сѣверозападной дорогѣ къ вновь строящейся Бжедуховской станицѣ, верстахъ въ 20-ти на правомъ берегу рѣки Пшипъ.

Нашъ легкій отрядъ, состоявшій преимущественно изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, съ частью драгунъ и нѣсколькихъ орудій, быстро двигался съ полковникомъ Офрейномъ во главѣ, съ его неотлучнымъ бѣлымъ значкомъ и отряднымъ штабомъ, который тогда составляли: подполковникъ Адлеръ—въ качествѣ начальника штаба, и поручики—Бораковский и Нечаевъ, изъ которыхъ первый былъ безотлучнымъ труженникомъ въ пшихскомъ отрядѣ до окончанія войны. Такъ на-

зываемыхъ „фазановъ“ у насъ вообще было мало, и они большею частью находились у Василія Александровича Геймана; на этотъ же разъ насъ посѣтили состоявшіе при штабѣ Дагестанской области: капитанъ Ломакинъ и поручикъ Узбашевъ, больше для того, чтобы повѣрить состояніе частей изъ той области.

Въ Бжедуховской станицѣ мы сдѣлали дневку, съ тѣмъ, чтобы расчистить по дорогѣ лѣсъ по ту сторону Пшиша, гдѣ на этой сторонѣ рѣки, на правомъ высокомъ ея берегу, огораживали станицу резервные баталіоны съ сводно-стрѣлковымъ полубаталіономъ. Лѣвый берегъ Пшиша, преимущественно низменный, сначала покрытъ полосой густаго лѣса, а потомъ тянутся равнины, по сторонамъ поросшія мелкимъ кустарникомъ, въ которомъ немало находилось джейрановъ, испуганныхъ нашими стрѣлковыми цѣпами; кустарникъ этотъ обрамляетъ дорогу до рѣчки Марты, на протяженіи одного перехода отъ станицы Бжедуховской.

На этой рѣчкѣ мы заночевали. Она того же вида, какъ и Пшишъ, т. е. извилиста, съ отвѣсными берегами, и течетъ по луговой почвѣ съ кос-гдѣ раскинутыми букетами вѣтвистыхъ деревьевъ.

Мы перешли ее въ бродъ и затѣмъ, на половинѣ дороги къ Псекупсу, оставили постъ, въ родѣ вагенбурга, съ надлежащимъ прикрытіемъ 2-хъ или 3-хъ баталіоновъ—хорошо не помню; но въ это число, вѣроятно помимо начальника отряда, хотѣли оставить также и самурскій стрѣлковый баталіонъ.

Это меня крайне огорчило, тѣмъ болѣе, что я всегда придерживался правила: самому не напрашиваться и не отказываться.

Тутъ мнѣ сама судьба помогла: у самурцевъ былъ убитый джейранъ, и вечеромъ полковникъ Офрейнъ прислалъ просить его для великокняжескаго стола.

Воспользовавшись этимъ случаемъ, я принялъ рѣшительный тонъ и категорически отвѣтилъ присланному адъютанту, что джейранъ тогда будетъ отданъ, когда самурцы не будутъ лишены чести идти навстрѣчу Его Высочеству.

Адъютантъ сомнѣвался въ рѣшимости моихъ словъ, но я ихъ съ точностью повторилъ, и съ тѣмъ присланный ушелъ.

Полковникъ Офрейнъ былъ начальникъ хорошій, не вздорный,—и самурскій стрѣлковый баталіонъ присоединился къ прочимъ стрѣлковымъ баталіонамъ, выступившимъ на Псекупсъ.

Хотя еще была ранняя весна, но уже снѣгъ стаялъ, и природа согрѣвалась живительными лучами солнца.

На полянѣ, гдѣ Псекупсъ течетъ среди густыхъ деревьевъ, около переправы, мы стали бивакомъ и приступили къ расчисткѣ лѣса по сторонамъ переправы, а саперная рота, бывшая съ нами, пробовала устроить мостъ на козлахъ; но эта работа положительно не удавалась, такъ какъ и времени было мало, и теченіе было быстрое, и довольно глубоко.

На той сторонѣ рѣки возвышался открытый курганъ, поросшій только у берега лѣсомъ, но на немъ въ тотъ день никто не показывался.

На другой же день, передъ вечеромъ, зарѣчная сторона оживилась, и мы узнали, что Его Высочество прибылъ съ частью войскъ адагумскаго отряда.

Графъ Евдокимовъ ѣхалъ съ Великимъ Княземъ, и по его распоряженію доставлены были лазутчиками два баркаса, для устройства переправы; но во время работъ эти баркасы быстрымъ теченіемъ воды были опрокинуты и снесены, такъ что вся надежда оставалась на устройство плотовъ. Для этой надобности, въ помощь къ саперамъ назначались очередныя части, которыя въ теченіи ночи смѣнялись нѣсколько разъ, и къ разсвѣту наступила очередь на ра-

боты и самурскому стрѣлковому баталіону. Тѣмъ не менѣе, устройство переправы не удавалось, и къ утру мы увидѣли, что Великій Князь, съ казачьимъ конвоемъ и свитой, приближается верхомъ къ берегу.

Баталіонъ сталъ въ ружье, выстроившись поротно въ одну линію, и на нашихъ глазахъ Его Высочество, на смѣломъ конѣ, во главѣ сопутствовавшихъ лицъ, началъ переправу въ бродъ къ нашему берегу.

Вода сильнымъ напоромъ залила лошадь по плеча, но переправа совершилась благополучно, и Его Высочество подѣхалъ къ нашимъ ротамъ съ милостивымъ привѣтствіемъ и съ Царскимъ „спасибо,“ отозвавшимся въ нашихъ рядахъ восторженнымъ „ура!“ По объѣздѣ ротъ, Его Императорскому Высочеству представились всѣ наши офицеры, и всѣ мы были восхищены и глубоко тронуты ласковымъ обращеніемъ съ каждымъ изъ насъ. Его Высочество, между прочимъ, уже зналъ, что въ тотъ день мы были безъ сухарей, которыхъ, по расчету времени, у насъ не хватило: излишніе оставались въ вагенбургѣ. Но кавказскіе солдаты не умѣютъ казаться голодными,—и мы бойко пошли вслѣдъ за Великимъ Княземъ, направившимся къ объѣзду остальныхъ частей нашего отряда, выстроеннаго на полянѣ.

Самурцамъ досталась первая честь встрѣчи, и это вполне удовлетворило наше военное самолюбіе.

Спустя полчаса, отрядъ двинулся по обратному пути. Впереди ѣхала кавалерія, и передъ ней, въ видѣ авангарда, милиція; по бокамъ—пѣшія дѣпи, въ числѣ которыхъ самурцы прикрывали лѣвую сторону. Въ стройномъ порядкѣ весь отрядъ быстро поднимался на пологую возвышенность, вверху которой къ дорогѣ примыкалъ лѣсъ.

Тамъ милиція встрѣтила партію конныхъ татаръ, сначала завязавшихъ перестрѣлку, а потомъ начавшихъ уxo-

дять. За ними понеслась въ атаку сотня милиціи, во главѣ съ полковникомъ Крымъ-Гирей-Гусаровымъ, но милиціонеры или не могли, или не хотѣли быстро гнать противника, такъ что предводительствовавшій полковникъ оказался впереди одинокимъ и былъ татарами окруженъ и изрубленъ. Разумѣется, все это произошло моментально, безъ возможности поддержки.

Когда прошли далѣе, то изъ полосы лѣса, тоже подходящей къ дорогѣ, открылся непріятельскій ружейный огонь, такъ что пули свистали около Великаго Князя и свиты.

Графъ Евдокимовъ тихо и быстро распоряжался прикрывавшими войсками, пославъ съ фронта въ лѣсъ 19-й стрѣлковый баталіонъ, который, подъ командою подполковника Экельна, молодецки бросился въ атаку и вмигъ оттѣснилъ татаръ, продолжавшихъ учащенно стрѣлять и отступавшихъ въ тоже время въ чащу лѣса.

На позиціи, возлѣ вагенбурга, войска сдѣлали приваль, гдѣ приготовленъ былъ великокняжескій завтракъ, и къ вечеру отрядъ, уже небезпокоймый непріателемъ, прибылъ на Марту, расположившись тамъ ночлегомъ. На слѣдующій день, именно 2-го марта, мы двигались въ томъ же порядкѣ, т. е. по той же диспозиціи, какъ и наканунѣ. Мѣстность была открытая, поросшая только мелкимъ кустарникомъ, и поэтому непріятелю неудобно было приближаться къ намъ. Отрядъ слѣдовалъ спокойно, по обширнымъ, слегка волнистымъ, бжедуховскимъ равнинамъ, согрѣваемымъ теплымъ весеннимъ солнцемъ. Непріятельскихъ ауловъ и слѣда не было, вѣроятно, по неудобству для защиты отъ нашихъ набѣговъ, и только, повидимому, спокойно здѣсь жили стада джейрановъ, тамъ и сямъ мелькавшихъ бѣлыми хвостами при приближеніи нашихъ цѣпей. Въ началѣ этого дня, мнѣ пришлось получить заслуженное замѣчаніе отъ начальника штаба арміи,

генерала Карцева, именно за наружную неисправность одного из фуруштатъ, замѣченнаго въ выучномъ обозѣ. Я былъ потребованъ изъ лѣвой боковой цѣпи, гдѣ слѣдовали роты баталіона, и, въ присутствіи всей великокняжеской свиты, выслушалъ немалую распекацію. Мнѣ было очень тягостно выслушивать неудовольствіе генерала, тѣмъ болѣе, что это могъ слышать и Его Высочество, ѣхавшій немного впереди; но я въ душѣ не пенялъ, зная, что генералъ Карцевъ, хотя вспыльчивый, но добрый человѣкъ, и что къ военнымъ людямъ лучше прилагать тотчасъ строгое внушеніе, чѣмъ въ послѣдствіи дѣлать зло, оставляя неисправность по службѣ безъ всякаго замѣчанія.

Къ вечеру мы приблизились къ Пшишу и вмѣстѣ съ тѣмъ къ полосѣ лѣса, прикрывающаго эту рѣку противъ Бжедуховской станицы. Съ правой стороны равнины, по которой шла дорога, на небольшихъ курганахъ, выдающихся изъ боковаго лѣса, показывались конные татары, производя выстрѣлы въ свиту Великаго Князя, которая, ѣхавши впереди съ Его Высочествомъ, пріостановилась. Къ этимъ курганамъ направились апшеронскій, а потомъ и ширванскій стрѣлковые баталіоны, бывшіе въ правой цѣпи, а самурцы, черезъ прискакавшаго адъютанта, потребованы были впередъ. Мы быстро пошли мимо Великаго Князя — рота за ротою, какъ были въ лѣвой боковой цѣпи, и начали вступать въ боевую линію, лѣвѣе гренадерскаго и 19-го стрѣлковаго баталіоновъ, уже выстроенныхъ передъ лѣсомъ съ фронта, имѣя въ интервалахъ четыре полевыхъ орудія.

Баталіоны поротно стояли въ 300-хъ шагахъ отъ лѣса, куда шла дорога, а изъ за землянаго уступа, вдоль опушки того лѣса, татары вели рѣдкую перестрѣлку. Начальникъ выстроенныхъ войскъ, какъ старшій, командиръ гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, полковникъ Вибергъ, поджи-

далъ нашихъ двухъ ротъ, которыя были еще позади; въ боевую же линію успѣла только войти головная рота, именно вторая (стрѣлковые баталіоны полковъ тогда были трехротнаго состава),—какъ вдругъ, къ нашей ротѣ прискакалъ на сѣромъ конѣ полковникъ Шестаковъ и крикнулъ „ура!“. Солдатамъ довольно было этого, чтобы воспламенить ихъ кровь, и самурцы бросились, а за ними и всѣ остальные. Опушка лѣса, загорѣвшаяся учащеннымъ огнемъ, вмигъ была занята; но дальше, въ лѣсу, встрѣтились завалы, въ особенности тамъ, куда бросились гренадерскій и 19-й стрѣлковый баталіоны. Тѣмъ не менѣе, стрѣлки выбили многочисленнаго непріятеля штыками, съ участіемъ и нашей 1-й роты, которая, слѣдуя послѣдней по своему номеру, приняла вправо и подоспѣла въ центръ.

Лѣсъ былъ густой, болотистый, гдѣ, гоняясь за уходящимъ непріятелемъ, разбившимся на кучки, войска только съ наступленіемъ поздняго вечера вышли изъ зарослей, и перейдя черезъ Пшишъ по легкому деревянному мосту, расположились лагеремъ въ станичной оградѣ.

Его Высочество Великій Князь лично навѣшивалъ раненымъ нижнимъ чинамъ знаки отличія военнаго ордена,—и долго въ лагерѣ слышался самодовольный говоръ, подъ вліяніемъ бывшаго дѣла и чарки спирта съ полуфунтовой порціей мяса, розданныхъ по приказанію Великаго Князя. Только за полночь, въ лагерѣ все утихло, чтобы подкрѣпиться сномъ къ движенію на слѣдующее утро.

На другой день войска выстроились въ одну линію за оградой станицы, и Его Высочество Главнокомандующій, обходя ихъ пѣшкомъ, лично удостоивалъ болѣе отличившихся нижнихъ чиновъ крестами, поздравляя ихъ кавалерами. Затѣмъ, отрядъ тронулся въ дальнѣйшій путь, по дорогѣ къ станицѣ Пшихской.

Дорога шла хотя преимущественно полянами, но по сторонамъ тянулся сплошной лѣсъ до самой Пшихской станицы, на разстояніи двадцативерстнаго слишкомъ перехода.

Въ окрестностяхъ вездѣ было тихо, и нашъ отрядъ, съ боковыми цѣпами по опушкѣ лѣса, быстро подвигался впередъ, при благопріятствующей весенней погодѣ. Великій Князь, обгоняя баталіоны, шедшіе по дорогѣ въ общей колоннѣ, въ головѣ которой былъ самурскій стрѣлковый баталіонъ, поровнявшись съ самурцами, изволилъ мнѣ замѣтить, что вчера баталіонъ рано бросился на „ура!“

Я умолчалъ о полковникѣ Шестаковѣ, находя неумѣстнымъ прибѣгать къ обвиненію другаго; къ тому же, самое замѣчаніе было такъ выражено, что я счелъ за великую честь для себя лично слышать мнѣніе Его Высочества о дѣйствіяхъ ввѣренной мнѣ части, и такимъ образомъ настоящій виновникъ нашей торопливости, ѣхавшій при свитѣ Великаго Князя въ числѣ сопутствующихъ, остался въ сторонѣ.

Конечно, полковникъ Шестаковъ, какъ командовавшій нѣкоторое время нашимъ отрядомъ (зимою, вмѣсто полковника Горшкова) хотѣлъ въ этомъ случаѣ посодѣйствовать намъ къ скорѣйшему успѣху, и если здѣсь я и упомянулъ о случившемся, такъ только къ слову, чтобы не упустить подробностей событія.

Недолго отрядъ шелъ въ затишьи: спустя нѣкоторое время, когда лѣсъ становился по сторонамъ гуще, начали слышаться ружейные выстрѣлы, и чѣмъ болѣе подавались мы впередъ, тѣмъ чаще становился непріятельскій огонь, съ отвѣтнымъ изъ нашихъ цѣпей, исключительно съ правой нашей стороны.

Лѣсъ тянулся до Шиша и далѣе густыми полосами, перерѣзанными во всѣ стороны множествомъ дорожекъ, хорошо знакомыхъ мѣстнымъ абадзехамъ, которые, оттѣсняемые

въ одномъ мѣстѣ, сосредоточивались въ другомъ, впереди, и осыпали пулями колонну изъ за большихъ деревьевъ, пока вновь подоспѣвавшими резервами не были выбиваемы.

Графъ Евдокимовъ самъ руководилъ прикрывавшими войсками, посылая въ прогалины и драгунъ, угрожавшихъ отрѣзать противника сзади; но, тѣмъ не менѣе, знакомые съ мѣстностью, татары поспѣвали вездѣ, гдѣ только выдавался лѣсъ къ полянамъ, по которымъ шелъ отрядъ; пули ихъ безпрерывно свистали то надъ колонною, то надъ Его Высочествомъ, ѣхавшимъ впереди самурцевъ.

Великій Князь, отдѣлившись отъ общей колонны, потребовалъ знакомъ руки—слѣдовать самурскому стрѣлковому баталіону за Его Особою въ густой взводной колоннѣ справа, и со вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ боя, подавая иной разъ знакъ пріостановиться, въ ожиданіи—не потребуется ли поддержка въ цѣпи, ведущей учащенный огонь съ группирующимся противникомъ; но неутомимый непріятель показывался въ другомъ мѣстѣ, производя учащенную пальбу, какъ будто весь лѣсъ извергалъ перемѣщающіеся взрывы „пальбы рядами.“

Такимъ образомъ продолжался путь до самыхъ вечернихъ сумерокъ, пока отрядъ не вступилъ въ Пшехскую станцію.

Видимо было, что абадзехи всѣми силами хотѣли доказать передъ Главнокомандующимъ затрудненія дальнѣйшихъ дѣйствій въ ихъ землѣ, быть можетъ, рассчитывая, что завоеванія окончатся предѣломъ Пшехи; но вышло наоборотъ, потому что, вмѣсто предполагаемаго пятилѣтія для окончанія покоренія западнаго Кавказа, таковое совершилось на четвертомъ году отъ предпринятаго начала.

Потери наши въ этотъ день, сравнительно съ обстоятельствами, были небольшія, и вечеромъ отрядъ шумно распо-

ложился лагеремъ по ту сторону станицы, лицомъ по дорогѣ къ верховьямъ лѣваго берега Пшехи, въ ожиданіи, что на другой день пойдемъ дальше сопровождать Его Высочество до соединенія съ даховскимъ отрядомъ, находившимся тогда въ горной полосѣ Пшехи, на правомъ ея берегу.

Между тѣмъ, заботливый командующій войсками всю ночь разсылалъ лазутчиковъ и получалъ со всѣхъ сторонъ достовѣрныя свѣдѣнія, что массы сплоченныхъ верхнихъ и нижнихъ абадзеховъ наполняютъ все пространство по предстоящему лѣсистому пути; по докладѣ обо всемъ этомъ Его Высочеству, рѣшено было, въ отстраненіе потерь, перемѣнить маршрутъ слѣдованія Великаго Князя.

Главкомандующій имѣлъ ночлегъ въ станицѣ, гдѣ поутру поздравилъ съ наградами нѣкоторыхъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, удостоенныхъ отъ каждой части, а затѣмъ, въ 11-ть часовъ дня, выѣхалъ по дорогѣ на Ханскую станицу въ Майкопъ.

Всѣ войска выстроены были на правомъ берегу Пшехи, за мостомъ, вдоль пути слѣдованія Его Высочества, и еще разъ привѣтствовали царственнаго своего Главкомандующаго продолжительнымъ „ура!“ Великій Князь, попрежнему, ѣхалъ верхомъ, на казачьемъ сѣдлѣ, и сопровождается драгунами, быстро удалися по вновь продѣланной зимою просѣлкѣ — но не надолго, потому что черезъ годъ войска опять имѣли честь провозглашать побѣдоносными кликами присутствіе Его Высочества среди тѣхъ же мѣстъ.

Здѣсь нельзя умолчать о выраженіи доброй души генерала Карцева, при всей вспыльчивости его темперамента. Именно, одинъ изъ юнкеровъ хотѣлъ было жаловаться, что не получилъ награды, и генераль Карцевъ, узнавшій объ этомъ, проѣзжая по фронту особо, позади Великаго Князя, спросилъ баталіоннаго командира: давалъ ли онъ разрѣ-

шеніе тому юнкеру жаловаться? На отрицательный же отвѣтъ—вызвалъ юнкера изъ фронта, и въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ приказалъ его арестовать строгимъ арестомъ на двѣ недѣли и отправить въ полкъ. Но, спустя полчаса, когда уже великокняжескій поѣздъ скрылся на просѣкѣ за горою, прискакалъ ординарецъ, съ приказаніемъ отъ генерала Карцева, что онъ, съ своей стороны, прощаетъ этому юнкеру. Доброе дѣло всѣхъ насъ порадовало и не омрачило впечатлѣнія дня.

Съ пріѣздомъ Великаго Князя, войска Кавказа, съ новыми силами, взялись за продолженіе своего дѣла еще съ большей энергіей, частью подкошенной непрерывнымъ утомленіемъ.

Въ первой половинѣ марта нашъ отрядъ двинулся вверхъ, по знакомому лѣвому берегу Пшехи, для возведенія ограды у Апшеронской станицы (въ одномъ переходѣ отъ станицы Кубанской). Тамъ уже не было тѣхъ громадныхъ непріятельскихъ сборищъ, которыя, утомленные напраснымъ ожиданіемъ въ опустошенныхъ мѣстахъ, наконецъ, разошлись, предоставляя ближайшимъ жителямъ отстаивать утрачиваемыя мѣста; поэтому, при движеніи нашемъ къ цѣли работъ, перестрѣлки были только незначительныя, а уже черезъ нѣсколько дней, при движеніи отряда—за исключеніемъ самурцевъ, которые оставались въ прикрытіи лагеря—дальше, для выбора мѣста подъ Самурскую станицу, сборище усилилось и преслѣдовало возвращавшіяся отрядъ до самаго нашего лагеря, насѣдая, по обыкновенію, съ отчаяннымъ гикомъ и бѣшенымъ самоотверженіемъ.

На этой позиціи, прикрытые засѣлками, мы встрѣтили первый день Пасхи—не шумно, какъ это бываетъ въ мирное время, а скромно и болѣе набожно, какъ бы въ покаяніе за несоблюденіе всѣхъ вообще праздниковъ, подходившихъ не-

кстати при трудахъ, жертвуемыхъ въ пользу будущности страны. Весна была еще вначалѣ, лишь съ зачатками почекъ на деревьяхъ, и только одни черные скворцы, своимъ пріятнымъ посвистываньемъ, напоминали весну и праздничный досугъ. Все же мы соблюдали обычай и поздравляли другъ друга, визитируя по палаткамъ, въ формѣ, введенной полковникомъ Вибергомъ—въ сюртукѣ и при всѣхъ орденахъ.

Станичная ограда (съ землянымъ брустверомъ и рвомъ) окончивалась, и большая часть отряда двинулась дальше, къ мѣсту, избранному подъ Самурскую станицу, куда направлялся черезъ лѣса, съ востока, и даховскій отрядъ, тоже возводившій станицы: Прусскую, Нижегородскую и другія. Для окончанія же работъ въ Аншеронской станицѣ осталось только нѣсколько баталіоновъ, въ томъ числѣ и самурскій, и мы мирно продолжали свои занятія, никѣмъ нетревожимые, такъ какъ окрестные горцы, видя бесполезность своихъ усилий, начали собирать „джамать“, для обсужденія необходимости выселенія. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, на открытой высотѣ, за лѣсомъ, видны были ихъ сборища, рѣшавшія дальнѣйшую свою участь, кишѣвшія, съ утра до вечера, какъ рой пчелъ, вылетѣвшихъ для пріисканія новоселья.

Въ концѣ апрѣля, освободившіяся отъ работъ войска ушли обратно въ станицу Пшехскую, собираясь къ новому движенію на рѣку Пшишъ, куда скоро потребовались и самурцы.

Къ сторонѣ Пшиша, только въ низовьяхъ его, по правому берегу, въ раіонѣ между станицами Пшехской и Бжедуховской, абадзехи были выкурены; но вверхъ по этой рѣкѣ остальные жители и не думали оставлять свои мѣста, а напротивъ, сами искали случая сдѣлать намъ вредъ, собираясь въ значительныя партіи и пробираясь въ новыя наши поселенія. Одна изъ такихъ партій, по показанію лазутчиковъ въ

тысячу человекъ, засѣла было въ лѣсу, около Кубанской станицы, поджидая колонну, ходившую по обыкновенію съ станичными жителями за дровами. Въ этотъ день проходилъ мимо станицы самурскій стрѣлковый баталіонъ, слѣдовавшій на соединеніе съ отрядомъ въ станицу Пшехскую, и колонна, собиравшаяся въ лѣсъ, по какому-то случаю запоздала выступить; горцы, увидя, вмѣсто колонны съ жителями, баталіонъ, стройно идущій съ боковыми цѣпами по долинѣ, мимо кургановъ, покрытыхъ лѣсомъ, гдѣ засѣла партія, высыпали кучами смотрѣть съ этихъ кургановъ на неожиданный баталіонъ, но, получивъ нѣсколько пуль, пущенныхъ на ходу изъ лѣвой нашей цѣпи, безъ выстрѣла постепенно скрылись. Между тѣмъ, и въ станицѣ увидѣли показавшуюся партію и подняли тревогу сигнальными орудійными выстрѣлами, но напрасно, потому что горцы болѣе не показывались. Бѣдные поселяне, которые готовились на жертву, остались въ цѣлости.

Въ Пшехской станицѣ мы узнали, что начальникомъ пшехскаго отряда назначенъ генералъ Зотовъ, который вскорѣ пріѣхалъ.

Въ числѣ войскъ, собранныхъ къ предстоящему движенію на Пшишъ, находились также въ составѣ этого отряда: гренадерскій, 19-й, апшеронскій, самурскій, ширванскій, и 1-й сводный стрѣлковые баталіоны, а также нѣкоторые баталіоны кубанскаго полка и резервные, разумѣется, съ артилеріей, и драгуны.

Въ первыхъ числахъ мая, помолившись Богу, отрядъ выступилъ по просьбѣ, проложенной зимою, и послѣ одного перехода сталъ на Пшишѣ, на правомъ его берегу.

Рѣка эта течетъ по луговой широкой низменности, извивался крутыми поворотами наподобіе спирали, и поэтому воды ея имѣютъ теченіе медленное, мѣстами глубокое; во-

обще, рѣка труднопроходимая по случаю отвѣсныхъ въ сажень и выше береговъ, а также топкого дна.

Мѣсто, гдѣ остановился отрядъ на низменности, противъ удобнаго брода, называлось анапской переправой.

Весь противоположный (лѣвый) край рѣчной низменности покрытъ былъ густымъ лѣсомъ, среди котораго тамъ и сямъ выглядывали заборы и крыши построекъ, обличавшихъ многолюдство населенія. Правый же берегъ луговой полосы, остававшійся у насъ въ тылу, болѣе высокъ, и оттуда картинно виднѣлась вся низменность Пшиша вверхъ по его теченію, усеѣнная въ отдаленіи красиво раскинутыми деревьями, представлявшими какъ бы фантастическій садъ.

Въ день занятія анапской переправы непріятель былъ въ незначительномъ числѣ, завязавъ перестрѣлку только вначалѣ съ передовыми частями, но съ слѣдующаго дня массы абадзеховъ начали собираться видимо-невидимо вдоль всего берега по ту сторону рѣки.

Предполагалось на тотъ берегъ сдѣлать рекогносцировку, и для этого уже назначены были войска; но, по случаю полученнаго извѣстія о пріѣздѣ графа Евдокимова, рекогносцировочный отрядъ, оставаясь въ готовности, выжидалъ его прибытія со дня на день.

Мы видѣли, что бой предстоитъ кровопролитный—тѣмъ болѣе, не зная мѣстности и имѣя дѣло почти со всѣмъ абадзехскимъ населеніемъ.

Непріятельскія скопища тоже, вѣроятно, знали о нашемъ намѣреніи—побывать въ ихъ средѣ, и ежедневно мы ихъ видѣли передъ собою въ тѣхъ же громадныхъ массахъ.

На третій день со дня нашего прихода пріѣхалъ графъ Евдокимовъ и тотчасъ же, взявъ самурскій баталіонъ, сдѣлалъ рекогносцировку по нашей сторонѣ вдоль береговой возвышенности къ югу, т. е. вверхъ по рѣкѣ.

Пройдя съ полверсты по этой возвышенности, разсыпанная цѣпь бѣгомъ заняла густой мелкій лѣсъ и нѣсколькими выстрѣлами спугнула бывшій тамъ конный непріятельскій пикетъ.

Этотъ лѣсъ, или лучше—перелѣсокъ, занималъ самую высокую точку береговыхъ возвышенностей, и графъ, остановившись тутъ, обозрѣлъ окрестности и назначилъ здѣсь же мѣсто для Пшишской станицы.

Затѣмъ, по возвращеніи съ рекогносцировки, послѣдовало приказаніе, что отрядъ, за исключеніемъ шести баталіоновъ, остающихся подъ командою полковника Виберга на указанномъ мѣстѣ для постройки Пшишской станицы, на другой день уходитъ черезъ станицу Пшихскую къ верховьямъ Пшихи. Все это сдѣлалось такъ быстро и неожиданно, что сборища абадзеховъ еще нѣсколько дней стояли на той сторонѣ, вѣроятно, въ крайнемъ недоумѣніи—что будетъ дальше.

Расположившись на возвышенности, мы были болѣе безопасны, и, не теряя времени, приступили къ возведенію земляной станичной ограды. А между тѣмъ графъ уѣхалъ, и остальные войска выступили по назначенію.

Черезъ нѣсколько дней потребовался для присоединенія къ отряду и самурскій стрѣлковый баталіонъ. Мы выступили налегкахъ, и когда прошли черезъ станицу Пшихскую и Кубанскую, не доходя станицы Апшеронской, намъ указали поворотъ подъ прямымъ угломъ вправо, гдѣ невдалекѣ войска генерала Зотова прорубали просѣку впередъ, по направленію къ верховьямъ Пшихи.

Присоединившись къ работамъ, мы рубили два дня вѣковой густой лѣсъ, нетревожимые особенно настойчиво горцами, которые вели только съ нашими цѣпами обыкновенную перестрѣлку. Видно было, что жители не знали дѣйствительной цѣли этой просѣки.

На третій день послѣ нашего прибытія, когда уже, по развѣдкѣ, немного осталось сплошнаго лѣса до находившихся впереди полянъ, отрядъ, бросивъ работы, выступилъ черезъ недорубленный лѣсъ впередъ.

Намъ предстояло пройти гору, покрытую вѣковымъ лѣсомъ, гдѣ можно было встрѣтить завалы, и поэтому, генералъ Зотовъ послалъ самурскій стрѣлковый баталіонъ лѣсомъ, безъ дороги, правѣе общей колонны, для обхода противника вслучаѣ надобности.

Горцы, вѣроятно, рассчитывая на медленность предпринятыхъ работъ, не собирались, и мы лѣсомъ взошли на гору безъ выстрѣла; только спускаясь на ту сторону горы, въ небольшихъ прогалинахъ, наткнулись на уходящихъ нѣсколькихъ конныхъ татаръ со стороны общей нашей колонны, гдѣ они, по всей вѣроятности, держали пикетъ.

Они, наткнувшись на нашу цѣпь, какъ джейраны, бросились въ лѣсъ, преслѣдуемые изъ цѣпи выстрѣлами; тѣмъ все и кончилось.

Весь отрядъ прошелъ лѣсъ благополучно, заночевалъ у спуска съ горы возлѣ небольшой рѣчки, и на другой день пошелъ уже по обширнымъ полянамъ, ведя по сторонамъ, съ собиравшимся на открытыхъ возвышенностяхъ непріателемъ, учащенную перестрѣлку.

Скоро мы увидѣли Шишишъ, возлѣ котораго на этой сторонѣ возвышался обширный курганъ, покрытый садовыми деревьями и заверченный нѣсколькими саклями.

Отрядъ прямо направился къ этому кургану, гдѣ по склонамъ его, подъ тѣнью большихъ деревьевъ, расположился бивакомъ. Оттуда, какъ на ладони, видны были кругомъ небольшія возвышенности, обрамлявшія низменность по ту сторону Шишиша и устьянныя среди зеленѣющаго на нихъ лѣса красивыми аульчиками.

Отдохнувъ два часа, самурскій стрѣлковый баталіонъ посланъ былъ на фуражировку, по ту сторону рѣки, имѣя часть драгунъ и два горныхъ орудія.

Пройдя низменность безъ выстрѣла, мы заняли ближайшую возвышенность около одного изъ аульчиковъ, и разставивъ прикрытіе, приступили косить свѣжій фуражъ и набирать его частью изъ только-что покинутыхъ сакль.

Горцы смотрѣли на нашу операцію съ ближайшихъ высотъ, отдѣленныхъ оврагомъ, разбѣгаясь при пущенной имъ повременамъ, въ видѣ гостинца, гранатъ.

Когда же фуражиры съ навьюченными лошадьми спустились на низменность, и баталіонъ съ орудіями, поротно въ одну линію, съ разсыпанною позади цѣпью, сталъ отступать—зажегши, разумѣется, сакли, то оставленныя нами высоты вмигъ были заняты горцами, и они, присѣвъ на окраинѣ этихъ высотъ, открыли по насъ учащенный ружейный огонь.

Наша цѣпь, стройно отступая, изрѣдка отстрѣливалась, съ участіемъ горныхъ орудій (собачекъ, посолдатски того времени) которыя съ выдержкою, поочередно, посылали горцамъ гранату—заставляя ихъ разбѣгаться при взрывѣ шипѣвшей чугулки.

По мѣрѣ отступленія самурцевъ, непріятельскіе стрѣлки начали спускаться на равнину, и нѣкоторые смѣльчаки стали перебѣгать впередъ, скрываясь кое-гдѣ за растущія деревья; замѣтивъ это, казаки, состоявшіе въ конвоѣ начальника отряда, бросились въ числѣ нѣсколькихъ конныхъ на передовыхъ смѣльчаковъ—и послѣднихъ какъ будто и не бывало.

Ночь прошла тихо, безъ выстрѣла, а на другой день весь отрядъ, за исключеніемъ самурцевъ, оставшихся въ прикрытіи лагеря, съ ранняго утра вышелъ за Пшишъ, постепенно выжигая всѣ аульчики, виднѣвшіеся въ окрестностяхъ;

разумѣется, вся эта операція сопровождалась ружейной пальбой, усиленной громомъ орудійныхъ выстрѣловъ, и послѣ полудня отрядъ возвратился, обозначивъ свой слѣдъ столбами дыма догоравшихъ сакль.

Мѣсто нашего расположенія называлось Хаджи, и тамъ, на горѣ, занимаемой отрядомъ, рѣшено было оставить четыре баталіона, съ орудіями, а остальные войска отряда должны были выступить на другой день, съ разсвѣтомъ, въ станицу Пшишскую. Намъ предстояло идти внизъ по Пшишѣ, мѣстами незнакомыми, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, болѣе 30-ти верстъ, и поэтому излишніе сухари и провизію мы передали остававшимся войскамъ, а сами, налегкахъ, съ раннимъ утромъ, двинулись съ Богомъ.

Теперь наша колонна была незначительна: 19-й стрѣлковый баталіонъ шелъ впереди, съ двумя горными орудіями; ширванцы составляли правую боковую цѣпь, самурцы—лѣвую, а въ арріергардѣ—резервный баталіонъ, съ дивизіономъ драгунъ и двумя горными орудіями (поручика Пащенко).

Пять верстъ мы шли открытыми мѣстами, надъ Пшишемъ, и непріятель насъ не беспокоилъ; затѣмъ, пройдя первый перелѣсокъ, въ арріергардѣ завязалась сильная перестрѣлка, задержавшая баталіонъ. Генераль Зотовъ тотчасъ же приказалъ замѣнить резервный баталіонъ самурцами, а первому занять лѣвую боковую цѣпь.

Принявъ насѣдавшего непріятеля, мы тронулись впередъ, удерживая натискъ разсвирѣпѣвшихъ горцевъ перекатными цѣпями. Скоро противникъ замѣтилъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло (наши пули Минье болѣе нагоняли страхъ, чѣмъ пули гладкоствольныхъ ружей) и горцы стали преслѣдовать осторожные, скрываясь за всевозможными закрытіями; но съ каждымъ часомъ ихъ набиралось все болѣе и болѣе, и пришлось нашимъ славнымъ „собачкамъ“ показать свои картечные зубы.

Мы уже порядочно устали, все время перебѣгая перекатными цѣпями, и генераль Зотовъ, воспользовавшись встрѣтившимся открытымъ мѣстомъ, расположился возлѣ Пшиша для привала. Горцы тоже устали и вели только рѣдкую перестрѣлку съ нашею цѣпью и съ боковою—ширванцами. Здѣсь людямъ сварили кашу, и какъ солнце уже сильно припекало, то данъ былъ отдыхъ болѣе двухъ часовъ.

Затѣмъ, ставъ въ ружье, тѣмъ же порядкомъ мы пошли дальше. 19-й стрѣлковый баталіонъ встрѣтилъ на дорогѣ завалы и выбилъ оттуда засѣвшихъ горцевъ, но они всѣми силами насѣдали только на арріергардъ, и частью на ширванцевъ, со стороны которыхъ мѣстами подходилъ къ дорогѣ лѣсъ. Вся дорога прорѣзывалась перелѣсками и небольшими аульчиками, которые зажигались на ходу выюнными коноводами, со стрѣльбою въ разлетающихся куръ, и намъ приходилось проходить черезъ пожарища, выдающія глаза клубами дыма и припекающія насъ пламенемъ, и безъ того разогрѣтыхъ движеніемъ и жаркимъ солнцемъ.

Теперь горцы, подкрѣпленные подоспѣвшими со всѣхъ сторонъ партіями, еще настойчивѣе преслѣдовали наши цѣпи, перебѣгавшія съ позиціи на позицію—каждая, въ свою очередь, встрѣчая натискъ гикавшихъ горцевъ густымъ ружейнымъ огнемъ шаговъ на 150 и ближе; горныя орудія, руководимыя поручикомъ Пащенкою, тѣмъ же порядкомъ вели перекатную пальбу картечными зарядами, такъ что, бывало, какъ гаркнетъ орудіе, и запылится въ непріятельской цѣпи сотня пыльных столбиковъ—смотришь, и есть повалившіеся; но горцы большею частью скрывались въ перелѣскахъ, гдѣ и тамъ, навѣрно, ложилось ихъ немало.

Въ одномъ изъ такихъ лѣсныхъ перешейковъ, когда очередная смѣна стрѣлковъ, стоя на полянѣ, не давала возможности выдти горцамъ изъ занятого ими послѣ насъ пе-

релѣска, одинъ изъ храбрецовъ выскочилъ верхомъ на дорогу, и тутъ же, вмѣстѣ съ конемъ, былъ сраженъ, осыпанный картечью; къ нему высунулся изъ лѣса пѣшій джигитъ, тоже свалившійся отъ прицѣльныхъ нашихъ выстрѣловъ; затѣмъ, еще накинулись на убитыхъ три человека, вѣроятно, снятъ оружіе, и тѣ легли подъ пулями, посылавшимися изъ цѣпи, такъ, что образовалась цѣлая куча убитыхъ. А между тѣмъ, цѣпь наша, по свистку, въ свою очередь, бѣгомъ отбѣжала назадъ, предоставляя новой смѣнѣ встрѣтить мѣткой пальбой тоже перебѣжавшихъ черезъ поляну горцевъ.

Такимъ образомъ продолжалось отступленіе въ теченіи цѣлаго дня, въ непрерывной пальбѣ, ружейной и орудійной, такъ что у насъ недостало патроновъ и зарядовъ, и пришлось занимать ихъ въ другихъ частяхъ и въ головномъ артилерійскомъ взводѣ.

Жажда была нестерпимая, а изъ Пишиа воды нельзя было достать, по случаю крутизны береговъ, и только косгдѣ, проходя по дорогѣ черезъ зажженные аульчики, солдатамъ доводилось, пятому-десятому, на бѣгу хлебнуть пригоршней попадавшуюся въ родникахъ водицу. У меня въ карманахъ оказался лимонъ, и я его держалъ, какъ драгоценность, посасывая изрѣдка, чтобы освѣжить засохшіе ротъ и губы.

Къ сумеркамъ, приближаясь уже къ Пишишской станицѣ, непріятель сталъ насѣдать слабѣе, и когда совсѣмъ стемнѣло, мы поднялись безъ выстрѣла на прибрежную возвышенность, гдѣ оставалось не болѣе двухъ верстъ до Пишишской станицы. Тамъ, на горѣ, прежде чѣмъ дальше идти, невольно всѣ присѣли, чтобы хоть немного освѣжиться вечернимъ, охладившимся воздухомъ, и мнѣ пришлось нечаянно, въ темнотѣ наступившаго сумрака, услышать лучшую награду за труды самурцевъ, въ словахъ драгунскихъ солдатъ, которыми

они—тутъ же лежа при своихъ усталыхъ лошадяхъ—восхваляли нашъ баталіонъ, говоря, между прочимъ: „спасибо молодцамъ самурцамъ; еслибы не они, то намъ жутко пришлось бы съ прежними“.

Странно, что при такомъ сильномъ боѣ и въ продолженіи цѣлаго дня у насъ въ баталіонѣ ранено только два офицера (капитанъ Терлепкій и поручикъ Чарусевъ 1-й) и четыре нижнихъ чина, не считая, разумѣется, легкихъ контузій, которыя почти каждый изъ насъ получилъ; одежда же у большинства солдатъ была прострѣлена, а у иныхъ—полы представляли собою рѣшето. Самъ Богъ насъ хранилъ, и самурскимъ стрѣлкамъ день 31-го мая будетъ надолго памятенъ.

Генераль Зотовъ, обходя на другой день наши роты съ начальническимъ „спасибо“, удивлялся, что мы отдѣлались такъ дешево. Великое дѣло—судьба; по много содѣйствуетъ къ сохраненію людей и порядокъ, который зачастую нарушаютъ сами же начальники необдуманностью, а чаще неумѣньемъ.

Черезъ нѣсколько дней направленъ былъ къ Хадыжамъ полковникъ Вибергъ, съ тремя баталіонами, въ томъ числѣ съ гренадерскимъ и апшеронскимъ стрѣлковыми, для снятія оставленныхъ тамъ войскъ, которыя, по испытанной затруднительности сообщенія съ ними, оказались въ томъ пунктѣ пока бесполезными.

Колонна полковника Виберга двигалась по проселочнымъ дорогамъ, черезъ лѣса, прямо на Кубанскую станицу, и оттуда по нашему пути въ Хадыжи и обратно надъ Пшишемъ, въ станицу Пшишескую. Теперь, хотя горы тревожили колонну, но уже гораздо въ меньшей мѣрѣ; видно было по всему, что они начали изнуряться непрерывнымъ боемъ, причинявшимъ имъ каждый разъ большія потери.

При такихъ обстоятельствахъ, въ скоромъ времени разнесся слухъ, что горцы просятъ у начальника даховскаго отряда на шесть недѣль перемирія, а затѣмъ и нижніе абадзехи вошли съ просьбой о томъ же. Они, вѣроятно, думали, что и дѣйствія отрядовъ прекратятся; но не такъ случилось.

Въ скоромъ времени нашъ отрядъ выступилъ, подъ командою генерала Зотова, для постройки Тверской станицы, на половинѣ дороги къ Хадыжамъ. Въ станицѣ Шишской остались: гренадерскій и самурскій стрѣлковыя баталіоны, а также дивизіонъ тверскихъ драгунъ, подъ командою капитана Арцишевскаго. Жители, предназначенные къ заселенію Шишской станицы, уже начали прибывать, и мы занялись содѣйствіемъ имъ въ работахъ и по заготовленію на зиму фуража, ежедневно высылая изъ нѣхотныхъ частей рабочихъ, и конвоируя ихъ транспорты совмѣстно съ драгунами на фуражировки.

Много было труда войскамъ вообще, и въ особенности драгунамъ, при выполненіи подобнаго рода службы, требовавшей и сопровожденія фуражировъ, и выполненія развѣдочной службы, и конвоированія нарочныхъ, такъ что ихъ добрые кони много похудѣли; а все-таки, бывало, гдѣ иной разъ оказывалось не по силамъ при атакѣ на малыхъ казачьихъ лошадяхъ, драгуны, на своихъ рослыхъ коняхъ, какъ борзые, растягивались, во всю прыть налетали съ сильнымъ взмахомъ сабель,—и горцы, при всемъ своемъ азартѣ, давали тылъ.

Время настало чисто хозяйственное; занятія были хотя трудовыя, но не требовавшія пороку, потому что абадзехи, объявивъ желаніе перемирія, нигдѣ не показывались съ боевымъ кликомъ; напротивъ, было видно, что и они хлопотали о пріобрѣтеніи запасовъ на черный день. Нѣкоторые одиночныя семейства изрѣдка выходили изъ за Шиша, же-

лая переселиться на Кубань. Все шло мирно, хотя все-таки войска наши за Пшишъ не переходили, гдѣ многочисленное населеніе еще оставалось въ нерѣшительности на счетъ будущаго.

Между тѣмъ, въ нашемъ отрядѣ послѣдовала перемѣна въ начальствѣ: генераль Зотовъ уѣхалъ, а начальникомъ ппехскаго отряда назначенъ былъ командиръ нижегородскаго драгунскаго полка, полковникъ Граббе. Николай Павловичъ, проѣздомъ изъ Майкопа въ отрядъ, остановился въ Пшишской станицѣ, и я тутъ имѣлъ удовольствіе представиться и познакомиться съ нимъ. Его обходительность сразу привлекала расположеніе каждаго—что, вообще, въ войскахъ кавказскихъ подчиненные любятъ, и начальникъ съ такими пріемами всегда можетъ рассчитывать на полную исполнтельность служебнаго люда. Къ этому же времени прибылъ и полковой командиръ вновь населявшихся по Пшишу станицъ и, съ тактомъ отеческой заботливости, началъ распрашивать поселянъ о томъ, о семъ, довольны ли они военнымъ-де начальствомъ? „Ни, пане!“ тѣ отвѣчали, и пошли, кланяясь въ поясъ, заявлять, что и то дурно, и другое нехорошо, и все, разумѣется, было записано и подано въ рапортѣ начальнику отряда, какъ знакомому человѣку: знай-де вы, прочіе, нашу административную власть! Но полковникъ Граббе передалъ мнѣ этотъ рапортъ для пояснительныхъ отмѣтокъ, и вся затѣя оказалась напрасной.

Полковникъ Граббе на другой день уѣхалъ къ своему отряду—къ возводимой станицѣ Тверской; но его пребываніе въ Пшишской мнѣ и теперь помнится по одному случаю, именно: начальникъ отряда, съ сопутствующимъ ему полковникомъ Экельномъ (командиръ 19-го стрѣлковаго баталіона) въ день своего пріѣзда ужиналъ у меня въ палаткѣ. Въ Пшишской станицѣ никакихъ признаковъ ресторана

не было, и я приказалъ своему старому, неотлучно служившему при мнѣ деньщику—получше все приготовить. Это слово „получше“ и было причиной полнаго фіаско моего угощенія, потому что ветеранъ-деньщикъ, чтобы сварить получше, прибѣгнулъ, по обыкновенію, къ имѣвшемуся у него на этотъ случай способу, т. е. къ предварительному опорожненію нѣсколькихъ рюмокъ спиртуознаго, и тогда, красный какъ буракъ, солилъ до немилосердія, и уже былъ неизмѣнно увѣренъ, что можно подавать хоть „снаралу“. Благо, что оставался супъ отъ обѣда, котораго мой артистъ не успѣлъ подправить, а то пришлось бы хоть посылать на ротную кухню. Впрочемъ, и это не удивило бы Николая Павловича, какъ стараго кавказца.

Недолго, затѣмъ, пришлось намъ оставаться въ Пишешской станицѣ—нашей штабъ-квартирѣ до самаго выступленія изъ Кубанской области, и самурцы присоединились къ отряду. Теперь тамъ и узнать не было возможности прежнихъ лѣсовъ и перелѣсковъ, покрывавшихъ дорогу, по которой мы, 31-го мая, на каждомъ шагу осыпавы были вражьи свинцомъ: вездѣ оказались открытыя мѣста, очищенныя нашими топорами, предоставлявшія всякія удобства жителямъ Тверской станицы.

Спустя нѣсколько дней, отрядъ двинулся вверхъ по Пишешу дальше, для дорожныхъ работъ и подчистки ближайшихъ къ дорогѣ роцъ. Тутъ мы были свидѣтелями громаднаго „джамата“, который собирался въ виду лагеря, возлѣ стараго вѣтвистаго дерева.

Абадзехскій народъ собирался со всѣхъ сторонъ тысячами, и группируясь особыми кучками, выбиралъ представителей, которые, въ свою очередь, собирались подъ большое дерево для совѣщанія, какъ имъ быть на будущее время.

Ихъ стѣснилось слишкомъ много за Пишешемъ, и еще

много оставалось невыселенныхъ по нашей, т. е. по правой сторонѣ рѣки. Они хорошо знали, что выселеніе не замедлитъ, поэтому вопросъ дня имѣлъ для нихъ большое значеніе.

Все они, большею частью зажиточные, богато одѣтые, понуро смотрѣли на нашъ лагерь, предоставляя свою судьбу рѣшатъ избраннымъ, горячо говорившимъ среди представителей подъ тѣнистымъ деревомъ; тамъ засѣдали сѣдобородые старики и моллы, побывавшіе въ Меккѣ, отличавшіеся бѣлыми чалмами.

Самурекій стрѣлковый баталіонъ, по приказанію начальника отряда, выдвинутъ былъ съ двумя полевыми орудіями и сталъ лицомъ къ джамату.

Мы стояли около нихъ близко, поротно въ колоннахъ въ одну линію, съ орудіями въ интервалѣ и одной ротой позади артилеріи.

Горцы свирѣпо посматривали на мѣдныя, блестящія при яркомъ освѣщеніи солнца пушки, при которыхъ готовая стояла прислуга, и на наши неподвижныя колонны, бѣлые околыши которыхъ, вѣроятно, имъ были знакомы.

Мы простояли нѣсколько часовъ, пока рѣшался народный вопросъ. Наконецъ, постепенно, джаматъ разѣхался, оставивъ только немногихъ, которые заинтересовались побывать и въ лагерѣ.

Здѣсь случился эпизодъ съ драматической развязкой: именно, старый казакъ, отецъ похищенной у него дочери—во время набѣга въ прошломъ году горцевъ на одну изъ старыхъ станицъ—пришелъ въ отрядъ съ цѣлью: авось, Богъ милостивый ему поможетъ отыскать злодѣя, котораго онъ, защищаясь при набѣгѣ, замѣтилъ и хорошо помнитъ. Такъ и случилось. Старикъ, расхаживая по лагерю, гдѣ появились и нѣкоторые горцы, увидѣлъ своего ненавистника и стремглавъ бросился къ начальнику отряда — объявить свою радость,

кланяясь въ ноги. Начальникъ отряда приказалъ казакамъ тотчасъ взять горца, по указанію старика, что и было выполнено—со сценой выстрѣла изъ пистолета, къ счастью промахнувшись, и покушенія къ побѣгу. Казаки все же завладѣли горцемъ и посадили его подѣ стражу; причемъ, начальникъ отряда объявилъ другимъ горцамъ, что не выпуститъ заарестованнаго, пока родственники не возвратятъ дѣвку.

Старикъ былъ въ восторгѣ и, въ ожиданіи своей дочки, остался въ лагерѣ.

Тутъ я увидѣлъ прежняго своего кунака, который въ прошломъ году сообщалъ мнѣ все свѣдѣнія на фюнфтскомъ посту, и теперь былъ раненъ двумя ружейными пулями, и на все вопросы большею частью отвѣчалъ: „моя не знаетъ.“ Видно было, что исходъ совѣщаній джамата держался горцами въ секретѣ.

Черезъ нѣсколько дней мы переплы въ Хадыжи. Начальникъ отряда уѣхалъ по дѣламъ въ Майкопъ, и какъ нѣкоторые другіе, старшіе баталіонные командиры были въ отлучкѣ, то поручено мнѣ было временно завѣдывать отрядомъ.

Въ это время родственники заарестованнаго горца сообщили, что везутъ дочь стараго казака на обмѣнъ съ ихъ аманатомъ.

Тогда исполнялъ должность начальника отряднаго штаба младшій штабъ-офицеръ самурскаго стрѣлковаго баталіона майоръ Данилевскій, и мы съ нимъ, и прочими офицерами штаба, расположеннаго наверху при рѣчной возвышенности, гдѣ въ маѣ останавливался генералъ Зотовъ съ войсками, а теперь кругомъ по склону расположены были баталіоны отряда, встрѣтили поѣздъ съ казачкой. По дорогѣ на лагерную гору группировались солдаты—

смотрѣть на казачку, какъ на диковинку, и она бѣдная, сконфуженная, удерживаемая впереди на сѣдлѣ здоровымъ горцемъ, охватившимъ ея станъ одной рукою, ѣхала верхомъ впереди нѣсколькихъ конныхъ татаръ. Солдаты шумѣли, негодуя, и слѣшили посмотреть на свиданіе казачки съ отцомъ, что, разумѣется, составляло главный эффектъ, и бѣдная дочка, въ слезахъ спущенная съ лошади, бросилась въ ноги старику-отцу, который, обнимая ее, приговаривалъ разные ласкательныя слова, выражавшія душевныя его чувства.

Горцы торопили отдать имъ аманата — и его привели за конвоемъ, сдали родственникамъ, въ молчаніи пожимавшимъ ему руку, повѣряя тщательно и переданное его оружіе, а затѣмъ, сѣли на лошадей и, съ азартомъ шлепая ихъ плетью, безъ оглядки поспѣшили убраться.

По возвращеніи начальника отряда, войска по частямъ посланы были развѣдывать и сжигать попадавшіеся аулы на пространствѣ между Пшишемъ и оставшейся позади насъ Пшехою. Поляны большею частью были обработаны, украшенные раскинутыми небольшими аульчиками, которые сожигались при ничтожныхъ лишь перестрѣлкахъ съ бродящими горцами, а всѣ остальные жители успѣли уже выбратъ за Пшишъ.

Эти развѣдки, при хорошей осенней погодѣ, были скорѣе прогулкой, чѣмъ трудомъ, и мы провели нѣсколько дней въ своихъ передвиженіяхъ въ родѣ охоты.

Интересно было видѣть, какъ у окрестныхъ горцевъ тщательно и уютно выбирались мѣста для постройки ихъ сакль: если онѣ находились не при рѣчкахъ, то непременно гдѣ нибудь по близости, подъ тѣнистымъ деревомъ, находился и чистенькій родникъ, а самыя сакли, всегда опрятныя и хорошо обстроеныя, высматривали на подобіе помѣщицкихъ двориковъ что не мѣшало, впрочемъ,

предавать ихъ огню, зная, что хищные ихъ владѣльцы могли бы возвращаться въ свои пріюты для грабежей.

Между тѣмъ, даховскій отрядъ тоже приближался къ намъ изъ верховьевъ Пшехи, выкуривая по пути слѣдованія неторопливыхъ горцевъ, и къ концу сентября Василій Александровичъ Гейманъ, впереди своего боевого отряда, съ свѣтлосинимъ значкомъ, атрибутомъ въ то время каждого изъ начальниковъ отряда, пройдя мимо нашего хадыжинскаго лагеря, расположился за Пшишемъ впереди насъ. Это была страсть Василя Александровича — боевое первенство. Полковникъ Граббе хотя имѣлъ старшинство въ чинѣ, но смотрѣлъ на это не съ мелочной точки и не выказывалъ претензій на какое либо вмѣшательство къ стороннему отряду. И войска обоихъ нашихъ отрядовъ уже какъ-то отвыкли одни отъ другихъ, не видѣвшись около двухъ лѣтъ, и теперь держались особнякомъ, подъ вліяніемъ самолюбивыхъ чувствъ сореизованія. Тамъ находились, въ числѣ нашихъ оппонентовъ, стрѣлковые баталіоны: 21-й, кабардинскій, 3-й сводный, баталіоны севастопольскаго полка и нѣкоторые резервные, а также горная артилерія и драгуны.

Теперь намъ предстояло общими силами идти къ перевалу главнаго кавказскаго хребта, который въ виду нашемъ заманчиво рисовался, значительно понижаясь по мѣрѣ приближенія къ Черному морю.

Къ концу же сентября пріѣхалъ и графъ Евдокимовъ, расположившись при пшехскомъ отрядѣ, и на другой день сдѣлалъ рекогносцировку, съ самурскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, вверхъ по правому берегу Пшиша, гдѣ съ открытой возвышенности хорошо виднѣлись всѣ окрестности и переваль—цѣль предстоявшаго движенія.

Графъ, остановившись, долго всматривался въ зрительную трубу на выдающуюся у перевала гору, которую ему ука-

звали тутъ же стоявшіе два кабардинца, и, обратившись къ присутствовавшему топографу, спросилъ:

— Можно ли, почтеннѣйшій, опредѣлить разстояніе до этой горы?

— Невозможно, ваше сіятельство, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ! вскрикнулъ разсерженный графъ: имѣя двѣ точки извѣстными, вы не можете опредѣлить третьей видимой?

— Нѣтъ способныхъ для этого пунктовъ, отвѣтилъ, запинаясь, топографъ.

— А это что? указалъ графъ на Хадыжи.

— Другой нѣтъ, ваше сіятельство.

— Посмотрите дальше. При этомъ графъ указалъ на остроконечную гору, въ пяти верстахъ по равнинѣ надъ Пшишемъ, ниже Хадыжей.

Сконфуженный топографъ согласился, что можно опредѣлить „требуемое разстояніе,“ и графъ, приказавъ поспѣшить съ работой, возвратился въ Хадыжи.

Наконецъ, когда обезпечили линію постовъ и станицъ по Пшишу, а также Хадыжи—тогдашній базисъ предпринимавшихся дѣйствій—пѣшими частями и кавалеріей, желанное движеніе началось 1-го октября. При этомъ, предварительно высланъ былъ авангардъ изъ четырехъ баталіоновъ, въ томъ числѣ и самурскаго, подъ командою полковника Мерхелевича, тогда командира кубанскаго полка.

Мы выступили дня за два раньше отряда, съ тѣмъ, чтобы въ десяти верстахъ, гдѣ дорога подходитъ къ Пшишу, вытекающему изъ ущелья, очистить лѣсъ и заготовить матеріалъ для постройки поста.

Вся эта задача выполнена была къ приходу отряда, не встрѣчая отпора горцевъ, и затѣмъ, уже въ общемъ составѣ, мы пошли дальше, имѣя въ авангардѣ часть даховскаго отряда, подъ командою полковника Геймана. Пшишъ и здѣсь

имѣлъ извилистое теченіе, по такому же ломанному ущелью, сжатому между крутыми лѣсистыми высотами. Наше движеніе по этому ущелью шло медленно, съ остановками—для расчистки мѣстами лѣса и разработки дороги, а также заготовленія матеріаловъ на постройку постовъ, предположенныхъ черезъ каждыя 4—5 верстъ. Погода намъ благопріятствовала, и теплое, осеннее солнце, позлащая лучами встрѣчающіяся поляны и еще зеленѣющій дубнякъ на вершинахъ горъ, согрѣвало и насъ, при постоянныхъ работахъ, требовавшихъ иногда перехода черезъ рѣку въ бродъ.

Слѣдуя такимъ образомъ, мы встрѣтили на пути отвѣсную шиферную скалу, упершуюся въ рѣку. Нужно было одолѣть это препятствіе, такъ какъ не всегда Пишишъ былъ доступенъ въ бродъ; иной разъ воды его поднимались высоко. Специалисты требовали времени и пороха, чтобы пробить дорогу; но графъ не согласился на отлагательство; и обратившись къ баталіоннымъ командирамъ, присутствовавшимъ при осмотрѣ скалы, спросилъ: „кто видѣлъ дамбу въ западныхъ губерніяхъ?“ Оказался побывавшимъ тамъ полковникъ Полторацкій (командиръ ширванскаго стрѣлковаго баталіона), и графъ поручилъ ему немедленно устроить дамбу по рѣкѣ, вдоль шиферной скалы, давъ въ его распоряженіе пять баталіоновъ и трехдневный срокъ.

Отрядъ, между тѣмъ, пошелъ дальше, переправившись въ бродъ, а къ назначенному времени, быть можетъ, къ конфузу специалистовъ, дамба была готова (изъ вязаныхъ fascines съ камнями черезъ рядъ). И что ни говорили потомъ про ея непрочность, но она все время стояла благополучно, при самой сильной водѣ, поднимавшейся съ необыкновенной быстротою иной разъ въ сажень и болѣе.

Дорога все время пролагалась по лѣвому берегу Пишиша, по которой вслѣдъ за отрядомъ выстроены были тыль-

ными войсками три поста. Недоходя же до урочища Гойтхъ (у перевала) авангардные части имѣли дѣло, а затѣмъ, на томъ самомъ мѣстѣ, при впаденіи въ Пшишъ правымъ притокомъ рѣчки Сеже, вытекающей изнутри горъ и образующей соединенными ущельями развѣтвленную площадь, отрядъ остановился возлѣ небольшого ауличика.

Окрестная мѣстность высматривала тутъ сурово; кругомъ—высокія горы, и температура воздуха замѣтно понизилась. Даховскій отрядъ на другой день занялъ Гойтхъ, гдѣ начались съ шапсугами перестрѣлки, а пшехскій приступилъ къ разработкѣ въ обѣ стороны дорогъ. При этомъ, и графъ, побывавъ на Гойтхѣ, уѣхалъ въ Ставрополь.

Для удобства въ работахъ, самурскій стрѣлковый баталіонъ, апшеронцы и еще одинъ резервный баталіонъ передвинуты были версты три назадъ и стали по дорогѣ особой колонной, между отрядомъ и послѣднимъ постомъ, виднѣвшимся въ двухъ верстахъ, на колѣнѣ Пшиша. Около нашей позиціи было нѣсколько сакль, въ которыхъ жители оставались, занимаясь мастерствомъ, и насъ не дичились. За то, по высотамъ, къ сторонѣ перевала, между рѣдкимъ лѣсомъ, постоянно замѣтны были враждебные люди, вѣроятно, наблюдавшіе за нами, а иной разъ ихъ собиралось по тысячѣ и болѣе; но какъ это было слишкомъ высоко, болѣе чѣмъ на самый дальній ружейный выстрѣлъ, то мы не обращали на нихъ вниманія, соблюдая и безъ того военныя предосторожности. Мастеровые изъ сакль говорили, что это шапсуги — а хотя бы и абадзехи, для насъ было безразлично, и мы продолжали свое дѣло, разрабатывая по полугорѣ новую дорогу надъ Пшишемъ, къ сторонѣ отряда, такъ какъ старая была слишкомъ низменная и при полноводьи рѣчки недоступна.

Работами руководили саперы, по указанію капита-

на Черкасова, и время шло однообразно, развлекаемое лишь колоннами, ходившими изъ отряда въ Хадыжи за провіантомъ, съ которыми получались разные новости, и между прочимъ свѣдѣнія, что на Гойтхѣ почти ежедневно происходили перестрѣлки.

Такъ шли дни, при погодѣ, хотя постоянно хорошей, но замѣтно охлаждавшейся, и по утрамъ морозцы заставляли раскладывать огни, чтобы людямъ отогрѣться.

Наконецъ, явилось разнообразіе. Наканунѣ михайлова дня я получилъ записку отъ начальника отряда, чтобы съ самурцами и апшеронцами, какъ стемнѣетъ, прибыть въ отрядъ, по возможности, незамѣтно.

Исполнивъ это, мы узнали, что въ трехъ верстахъ отъ Гойтха, у южнаго склона, гдѣ постоянно держались непріятельскія партіи, теперь находилось шесть орудій, руководимыхъ эмигрантами, и большое скопище горцевъ.

Отрядъ выступилъ до свѣта, и еще не занималась заря, какъ мы прибыли къ лагерю даховскаго отряда, на Гойтхѣ. Николай Павловичъ послалъ къ полковнику Гейману адъютанта, чтобы сообщить о нашемъ движеніи, предлагая и даховскимъ войскамъ принять участіе—слѣва, по тропѣ, ведущей къ мѣсту нахождения непріятеля, куда мы шли правѣ, по возвышенностямъ. Войска даховскаго отряда, пробужденныя второпяхъ, начали обгонять наши баталіоны, слѣдовавшіе одинъ за другимъ по небольшой дорожкѣ, между кустарниками; гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, подъ командою подполковника Комарова (полковникъ Вибергъ уже былъ назначенъ командиромъ вновь формируемаго черноморскаго полка) шедшій въ головѣ нашей колонны, прибавилъ шагу и почти бѣгомъ бросился впередъ, чтобы захватить непріятеля врасплохъ. Но уже разсвѣтъ началъ бѣлѣть, и непріятельскіе пикеты подняли тревогу, а затѣмъ и эмигранты

съ орудіями, безъ оглядки, пустились на уходъ, внизъ по склону, въ долину Туапсе, взорвавъ по дорогѣ и складъ зарядовъ, имѣвшійся у нихъ на склонѣ. Партіи горцевъ тоже, подъ вліяніемъ общаго страха, отстрѣливаясь отъ набѣжавшихъ стрѣлковъ, разсѣялись по пересѣченной оврагами мѣстности, и уже изъ за труднодоступныхъ возвышенностей продолжали съ нами перестрѣлку. На мѣстѣ непріятельскаго бивака остались только шалаши и кое-какіе продовольственные запасы. Здѣсь отрядъ, отдохнувъ часа два, перестрѣливаясь съ горцами и уничтоживъ ихъ постройки, повернулъ назадъ, слѣдуя низомъ, по лѣсистой балкѣ, къ Гойтху, куда раньше насъ ушли войска даховскаго отряда, къ полковому празднику севастопольцевъ.

Самурскій стрѣлковый баталіонъ, слѣдуя въ арріергардѣ, продолжалъ съ горцами перестрѣлку, которые наконецъ осмѣлились насъ преслѣдовать почти до самаго Гойтха.

Въ гойтхскомъ лагерѣ мы заночевали, угощенные севастопольцами, а въ ставкѣ полковника Геймана долго еще ночью продолжали праздничное пиршество, запивая шампанскимъ, лившимся рѣкою, и неудавшійся набѣгъ.

Спустя недѣли двѣ послѣ этого, когда уже гойтхское укрѣпленіе было окончено, и помѣщенъ въ немъ гарнизономъ резервный баталіонъ съ орудіями, даховскій отрядъ ушелъ въ свой раіонъ за Пшеху на зимовку, а пшехскій, тоже построившій постъ на развѣтвленной площади при сліяніи рѣки Пшиша съ притокомъ Сеже, двинулся вверхъ по этому притоку, для истребленія тамъ гнѣздившихся еще непріятельскихъ ауловъ.

Всѣ наши стрѣлковые баталіоны были присоединены къ этому движенію, за исключеніемъ самурцевъ, которымъ приказано было слѣдовать на гойтхскую позицію и ждать тамъ возвращенія отряда уже съ верховья Пшиша, подплывающа-

го къ Гойтху съ востока, т. е. со стороны, куда пошелъ отрядъ.

Погода стала измѣняться: сѣршя, тяжелыя тучи, нагоняемыя восточнымъ вѣтромъ, заволокли небо, и усилившійся холодъ заставлялъ почувствовать скорое приближеніе зимы. Поэтому войска, расположенныя по постамъ въ тѣсномъ, теперь еще болѣе замкнутомъ, мрачномъ ущельи, начали заботиться о приспособленіяхъ къ зимовкѣ, а мы, снявпшсь съ опустѣлой позиціи, гдѣ уже окончены были дорожныя работы, перешли къ Гойтху. Воды въ рѣчкахъ еще были малы, такъ что, вступая на гойтхскую площадь черезъ какую-то незначительную рѣченку, впадающую западнымъ притокомъ въ Пшишъ, мы и не подозрѣвали, что она скоро послужитъ намъ препятствіемъ къ тыльному сообщенію. И дѣйствительно, ночью, въ день нашего прихода, пошелъ мокрый снѣгъ съ дождемъ, а къ утру уже вода сдѣлалась непроходимой, сорвавъ и бывшій на этой рѣчкѣ мостикъ. Цѣлый день ненастье прибавляло воды, которая и въ Пшишѣ, тутъ же протекающемъ изъ своего верховья по ущелью, откуда ожидался нашъ отрядъ, стала замѣтно подыматься. Вся площадь была покрыта стоками лившагося дождя и мокраго снѣга, такъ что наши палатки и коновязи стояли въ водѣ. Хорошо еще, что мы успѣли съ утра, на скорую руку, разбить штабныя палатки, прибывшія съ нами, и войсковыя, кое-какъ окопанныя бывшими при нихъ рабочими, а то солдатамъ тамъ негдѣ было бы и пріютиться.

Къ вечеру пріѣхалъ начальникъ отряда, промокшій весь при переправѣ черезъ Пшишъ, и помѣстился пока въ моей тоже мокрой палаткѣ, закуренной парами отъ поданнаго самовара. Николай Павловичъ былъ привыченъ къ походнымъ случайностямъ и беспокоился болѣе о войскахъ, которыя, впрочемъ, хотя съ великимъ трудомъ и рискомъ, но все-таки переправились благополучно.

Между тѣмъ, къ утру, снѣгъ, покрывшій все окрестности, пересталъ идти, а за то, холодъ еще болѣе усилился, и несчастныя наши подъемныя лошади дрожали на коновязяхъ, какъ осеннія листья. Корма вовсе не было, и хотя пробовали посылать фуражировъ по окрестнымъ, снѣжнымъ высотамъ, но нигдѣ даже соломенныхъ крышъ не оказалось.

Дѣло было критическое, тѣмъ болѣе, что рѣчка, прорѣзывающая сообщеніе къ Хадыжамъ, попрежнему оставалась недоступной: неимовѣрная быстрота не давала возможности приступить къ устройству какого-либо моста, а между тѣмъ, дрожащія отъ холода лошади начали падать одна за другой, такъ что фурштатскій унтеръ-офицеръ только и дѣлалъ, что приходилъ съ докладомъ: „такой-то меринъ палъ!“ Въ продолженіи сутокъ, въ самурскомъ баталіонѣ пало 17-ть лошадей, что было и въ прочихъ частяхъ—болѣе или менѣе около этого числа. Къ счастью нашему, что вода въ рѣчкѣ, преграждавшей намъ дорогу, начала уменьшаться, и мы, оставивъ лишнія тяжести въ укрѣпленіи и переправившись почти вплавь, черезъ все еще глубокую и быструю воду, поплелись по разработанной дорогѣ — утокая по колѣна въ грязи.

Добравшись до Хадыжей, войска отряда расположились лагеремъ на равнинѣ по лѣвому берегу Пишиа и имѣли возможность осушиться при разяснившейся и потеплѣвшей погодѣ.

Отсюда гренадерскій стрѣлковый баталіонъ ушелъ въ Закавказье, потребованный къ своей дивизіи, а остальные части отряда перешли на зимовку пятью верстами ниже, по лѣвому берегу Пишиа.

Генералъ Граббе (уже произведенный въ генералы въ одно время съ Гейманомъ) уѣхалъ въ Майкопъ, поручивъ мнѣ, какъ старшему на этотъ случай, устроиться въ лагерь-

номъ расположеніи и, между прочимъ, развѣдать ближайшія окрестности по дорогѣ къ землѣ за-пшишскихъ абадзеховъ.

Наши солдаты скоро устроились, подѣлавъ себѣ теплыя землянки, и испытанные труды и невзгоды были позабыты. При этомъ, мы имѣли всѣ жизненные припасы изъ Хадыжей, гдѣ находились продовольственные склады и лазаретъ, въ который, впрочемъ, наши солдаты шли только по принужденію, крайне не долюбивая лазаретовъ, вообще въ то время мало приспособленныхъ къ удобству больныхъ. Да, кромѣ того, благодаря Бога, случаевъ заболѣванія у насъ было немного.

Затѣмъ, когда люди, окончивъ свои на зиму приспособленія, отдохнули, мы пошли зондировать окрестности съ шестью ротами самурцевъ и ширванцевъ.

Дорога, которая вела въ глубь страны, сначала шла черезъ окраину лѣса, потомъ, выйдя на большую поляну, опять прорѣзывала поперечный лѣсъ, въ которомъ помѣщался жилой аульчикъ, и наконецъ дальше открывались безлѣсныя, волнистыя поля.

Въ аулѣ, при нашемъ появленіи, никакой тревоги не произошло, а напротивъ, жители смотрѣли равнодушно, какъ будто имъ дѣла до насъ не было; потомъ мы начали рубить лѣсъ по дорогѣ возлѣ ихъ сакль, и на это никто изъ нихъ не обращалъ вниманія, — даже мальчишки, сначала вышедшіе поглазѣть на насъ, потомъ разошлись. Прорубивъ по сторонамъ дороги стройный ольховый лѣсъ, мы къ вечеру возвратились, никѣмъ нетревожимые, домой, а на слѣдующій день опять пошли докончивать работу, съ тѣмъ же равнодушнымъ отношеніемъ къ намъ жителей. Обо всемъ этомъ я донесъ генералу Граббе письмомъ (по введенному обыкновенію графомъ Евдокимовымъ — замѣнять всю распорядительную съ нимъ переписку письмами, избѣгая официальной сжатости и буквальности).

Въ скоромъ времени прїѣхалъ генераль Граббе, и съ нѣсколькими баталіонами сдѣлалъ рекогносцировку—дальше, по той же дорогѣ, гдѣ мы видѣли безлѣсныя поляны, и гдѣ теперь, какъ и прежде, пройдя слишкомъ 18-ть верстъ и переночевавъ около небольшого аульчика, мы никакого сопротивленія не встрѣтили. Ясно было, что нижшіе абадзехи не хотятъ драться; но какое ихъ было рѣшеніе въ отношеніи переселенія—оставалось неизвѣстнымъ.

Между тѣмъ, суровая зима наступила; снѣгъ, шедшій по временамъ, наконецъ покрылъ землю въ поларшина и мѣстами больше; усиливающіеся морозы дошли напоследокъ до 30-ти градусовъ, и съ рискомъ приходилось выходить изъ палатки, чтобы не отморозить носъ, при холодѣ, захватывавшемъ дыханіе.

Всѣ мы ходили не иначе, какъ обвязанные башлыками, а колонны, посылаемыя въ Хадыжи за провіантомъ, теперь уже не переправлялись чрезъ бывшій въ Хадыжахъ паромъ, а шли по льду, какъ по Невѣ. Даже птицы мерзли налету, и много было случаевъ замерзанія жителей на дорогахъ между станциями. Къ этой бѣдѣ присоединилась у насъ еще другая опасность, именно: собиравшіяся по обыкновенію въ лагерь стаями собаки, отъ чрезмѣрныхъ холодовъ, начали бѣситься, неразъ уже бросаясь на людей. Нужно было принять мѣры, и мы устроили облаву: охотники вышли въ поле за лагерь, а затѣмъ, всю массу накопившихся собакъ погнали изъ лагерь, и несчастные псы — сбродъ всякой дряни — больше не возвращались.

Наступившіе праздники застали насъ или въ землянкахъ, или въ согрѣтыхъ палаткахъ, одиноко, безъ житейскихъ развлеченій—благо что носъ, руки и ноги цѣлы и неотморожены. Впрочемъ, офицеры, имѣвшіе въ ближайшихъ станцияхъ свои семейства, уѣхали къ нимъ.

Такъ прошелъ суровый періодъ зимы, а съ половины января погода немного смягчилась, но все-таки подували мятели, и снѣгъ припадалъ частенько.

Сообщеніе по ущелью съ Гойтхомъ давно уже прекратилось, хотя нуженъ былъ туда подвозъ провіанта, для будущихъ военныхъ дѣйствій—съ ранней весною.

Графъ приказалъ поспѣшить съ перевозкою запасовъ на передовые пункты, предложивъ эту операцію войскамъ за плату—разумѣется, съ цѣлью пополнить павшихъ лошадей, на которыхъ не хотѣлъ выдавать свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, и волкъ былъ сытъ, и козы цѣлы.

Мы поустроили сани, и отъ всѣхъ баталіоновъ составилъ порядочный обозъ.

Въ первый рейсъ пошелъ апшеронскій стрѣлковый баталіонъ, но, отойдя верстъ пять отъ Хадыжей, выбиваясь изъ силъ въ снѣгу по поясъ и осыпаемый поднявшеюся метелью, воротился назадъ.

Генераль Граббе, находившійся въ то время въ Хадыжахъ, приказалъ на другой день идти самурцамъ. Наши солдаты перекрестились и пошли въ путь, со всякими продовольственными припасами. Я шелъ впереди, вмѣстѣ съ сапернымъ капитаномъ Черкасовымъ, имѣя за собою горниста и баталіонъ въ отдѣленіяхъ. Снѣгъ былъ выше колѣнъ, а мѣстами и въ поясъ, и мы безъ малѣйшаго признака дороги, ощупывая длинными палками глубину снѣга, подавались впередъ, время отъ времени приказывая горнисту протрубить „фельдмаршъ“, по которому люди, тонувшіе въ снѣгу и пріискивавшіе болѣе удобныя мѣста, опять собирались вплотную, протаптывая широкую дорогу, укатываемую позади тройками съ тяжелыми возами.

Такимъ образомъ, первый переходъ удался намъ благополучно, и всѣ мы, крайне утомленные, не дойдя до перваго

поста, заночевали возлѣ рѣчки въ затишной лощинѣ, гдѣ было вдоволь сухаго валежника на костры. Здѣсь, при пылающихъ огняхъ и смягчившемся къ вечеру морозѣ, мы провели ночлегъ—походному отличный, подкрѣпившій наши силы.

На другой день, тѣмъ же порядкомъ мы пролагали дорогу дальше, и только къ вечеру, уже въ сумеркахъ, добрались до поляны за вторымъ постомъ, гдѣ можно было расположиться съ обозомъ. Тутъ насъ догналъ на тройкѣ съ колокольчикомъ полковникъ Мерхелевичъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ дистанціоннымъ комисіонеромъ, чтобы освѣдомиться, по порученію генерала Граббе, о нашемъ положеніи. Они были въ восторгѣ отъ дороги, выглаженной не хуже подмосковской, и съ нами заночевали.

Для большаго удобства, я приказалъ разбить солдатскую палатку, изъ числа имѣвшихся на случай въ нашемъ обозѣ; и наши гости, въ своихъ огромныхъ медвѣжьихъ шубахъ, на разостланномъ поверхъ снѣга сѣнѣ, просторно улеглись совмѣстно съ хозяиномъ, помѣстившимся съ краю, въ своемъ походномъ пальтишкѣ.

Холодная ночь на открытой полянѣ, обдуваемой вѣтромъ, заставила насъ встать пораньше и, напившись чаю, посѣтители покатали обратно, а мы, продолжая слѣдовать на походѣ, время отъ времени поигрывая „фельдмаршъ“, дошли засвѣтло до третьяго поста, гдѣ предназначался провіантскій складъ. Оттуда, напрямикъ, по выючной дорогѣ черезъ гору, было также недалеко до Гойтха, какъ и по разработанной дорогѣ до четвертаго поста, при впаденіи рѣки Сеже въ Пшишъ.

Теперь дѣло было сдѣлано, и мы, переночевавъ, легко и быстро пошли назадъ по выглаженной дорогѣ, по которой войсковыя тройки, уже безъ пѣшаго прикрытія, а лишь съ небольшимъ казачьимъ конвоемъ, начали совершать ежедневные рейсы, давъ своимъ частямъ возможность на зарабо-

танные деньги закупить новых лошадей и поправить хорошим кормом настоящих, трудовых, сократив при том и казенные расходы, вообще въ подобных случаяхъ простиравшіеся до возможно-большихъ размѣровъ.

Въ половинѣ февраля, погода много потеплѣла: смягченный снѣгъ слегся и мѣстами началъ таять, рѣчки вскрылись, и повсюду сообщенія сдѣлались, по нуждѣ, доступны. Даховскій отрядъ этимъ временемъ прошелъ мимо Хадыжей на Гойтхъ, а черезъ нѣсколько дней выступилъ и пехескій отрядъ въ земли нижнихъ абадзеховъ.

Повсюду, гдѣ мы проходили, встрѣчались аулы, уже очищенные жителями, и нерѣдко они покидали свои жилища на нашихъ глазахъ, удаляясь безмолвно вереницами къ морю. Во всѣхъ случаяхъ встрѣчавшіеся по пути аулы, часто большіе и построенные на открытыхъ мѣстахъ, сожигались, закуривая пирамидальнымъ дымомъ все небо, по ночамъ освѣщаемое догорающимъ пожарищемъ.

Графъ Евдокимовъ къ этому времени прибылъ въ Пшипскую станицу и напряженно ждалъ результатовъ движенія нашего отряда, вѣроятно, не надѣясь на такую легкую уступчивость столь многочисленныхъ за-пшипскихъ абадзеховъ. Но теперь ему хорошо были видны, съ высокаго берега Пшипской станицы, признаки распространявшагося истребительнаго огня, и не могла его душа не порадоваться — не какъ частнаго человѣка, а какъ командующаго войсками, которому ввѣрена была судьба предпріятія.

Теперь уже не было сомнѣнія въ скоромъ окончаніи войны: хотя абадзехи одиночно стрѣляли иной разъ въ нашихъ, но всѣ ихъ массы спѣшно шли къ перевалу, преимущественно по дорогѣ, поднимавшейся изъ верховьевъ Псекупса, какъ самой удобной. И дѣйствительно, когда, послѣ долгихъ маршей, отрядъ сталъ уже приближаться къ пере-

валу, то, пройдя извилистыя верховья этой рѣки и постепенно поднимаясь на возвышенности, гдѣ главный кавказскій хребетъ значительно здѣсь понижается, онъ безъ затрудненія и скоро прошелъ его вершину, встрѣчая по дорогѣ павшихъ лошадей и мѣстами разную мелочь переселенцевъ; при спускѣ же по южному склону въ долину рѣки Туапсе, мѣста были болѣе крутыя, изрытыя глубокими ущельями и пересѣченныя скалистыми гребнями. Тамъ, по пути, намъ попадались кочевья абадзехскихъ таборовъ, изъ которыхъ, не стѣсняясь присутствіемъ женщинъ съ дѣтьми и со всѣмъ ихъ скарбомъ, раздавались въ насъ выстрѣлы, какъ бы прощальное привѣтствіе—на что, разумѣется, наши не отвѣчали.

Спустившись внизъ, отрядъ расположился лагеремъ около западнаго притока рѣки Туапсе, и здѣсь мы имѣли случай у проходящихъ выселенцевъ покупать лошадей и всякую скотину по баснословно дешевымъ цѣнамъ, напримѣръ: лошадь за пять рублей, барана за 20 коп. и прочее хозяйственное имущество, лишнее при предстоявшей посадкѣ на суда, почти за безцѣнокъ.

Тутъ намъ пришлось разстаться съ пехескимъ отрядомъ, котораго самурцы были постоянными спутниками, и въ послѣднее время около мѣсяца раздѣляли съ его войсками непрерывныя движенія по снѣгу и по водамъ, истаптывая землю нижнихъ абадзеховъ вдоль и поперекъ, по горамъ и лѣсамъ, всегда во главѣ съ чернымъ, памятнымъ для насъ значкомъ спокойнаго и распорядительнаго начальника, у котораго и исполнители заслуживали полного уваженія. (Бывшій за начальника штаба маіоръ, потомъ подполковникъ, Данилевскій, еще съ осени принялъ ширванскій стрѣлковый баталіонъ, вмѣсто полковника Полторацкаго, получившаго другое назначеніе, а главныя штабныя обязанности несъ безотлучный поручикъ Бораковскій).

Графъ приказалъ отправить къ генералу Гейману 19-й стрѣлковый или самурскій баталіоны, и выпало на нашу долю идти докончивать дѣло съ Василиємъ Александровичемъ.

Навьючивъ своихъ лошадей и разобравъ составленные въ козлы ружья, мы спустились въ долину Туапсе, и пройдя эту рѣку нѣсколько разъ въ бродѣ, остановились, какъ было приказано, около вновь устроеннаго постика, недоходя верстѣ пять до развалинъ Вельяминовскаго укрѣпленія, гдѣ возлѣ моря стоялъ даховскій отрядъ.

Графъ уже успѣлъ здѣсь побывать, и теперь отрядъ собирался на поиски между верховьями рѣкъ Туапсе и Псезуапе, впадающихъ въ море—первая у вышесказаннаго Вельяминовскаго укрѣпленія, а вторая у бывшаго форта Лазаревскаго.

Недолго намъ пришлось ждать, и дня черезъ два прибылъ генералъ Гейманъ, съ своими войсками, за которыми мы стали на первый разъ въ арріергардѣ и двинулись вверхъ по рѣкѣ Туапсе.

Въ даховскомъ отрядѣ штабъ былъ тоже небольшой, во главѣ съ капитаномъ гвардіи Сергѣемъ Михайловичемъ Духовскимъ, съ которымъ я еще не имѣлъ чести быть знакомымъ.

Наше движеніе продолжалось нѣсколько дней по труднымъ, крутымъ высотамъ, между упомянутыми рѣками, гдѣ происходили и перестрѣлки, по обыкновенію окончивавшіяся сожженіемъ встрѣчаемыхъ ауловъ, и, наконецъ, главные силы, по рѣкѣ Ашице, а отдѣлившаяся колонна, подъ командой подполковника Клугенау, внизъ по Псезуапе, возвратились къ морю и стали лагеремъ около каменныхъ стѣнъ бывшаго Лазаревскаго форта.

Во время этого движенія были сильныя перестрѣлки въ колоннѣ подполковника Клугенау съ задѣтыми по дорогѣ

хакучами, а при слѣдованіи главныхъ силъ большею частью препятствовали быстрыя и глубокія воды рѣчки Аппше, черезъ которую приходилось нѣсколько разъ переходить почти вплавь.

На Псезуаше сообщили генералу Гейману, что убыхи при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи будутъ драться, и что теперь они собраны, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, у каптановой рощи, по прибрежной дорогѣ къ устью рѣки Сочи. Это ускорило наше выступленіе, и генераль Гейманъ, передавъ приказаніе къ движенію впередъ, сдѣлалъ и соотвѣтственную диспозицію, по которой отрядъ имѣлъ слѣдовать тремя колоннами: центральной, подъ личной командой начальника отряда, лѣвой, подъ командой подполковника Клугенау—въ обходъ слѣва, и правой со всѣмъ обозомъ, во главѣ съ самурцами, которые должны были стараться захватить непріятеля по прибрежью съ фланга. Эти приказанія я получилъ наканунѣ выступленія лично отъ генерала Геймана, и на другой день, съ утра, всѣ колонны выступили въ одно время. Лѣвая и центральная шли по береговымъ высотамъ, вдоль моря, а правая—по узкому прибрежью, у подошвы этихъ высотъ, тянувшихся стѣной надъ моремъ.

Пройдя около восьми верстъ прибрежьемъ, усѣянномъ камнями, выбрасываемыми волнами, мы замѣтили передъ собою, по ту сторону исходящей къ морю балки, на противоположной береговой ея высотѣ, около развалинъ древняго монастыря, скучившихся горцевъ, впереди которыхъ разбросаны были деревья по склону къ балкѣ, а со стороны горъ, съ праваго фланга непріятельской позиціи, прикрывала ее каштановая роща. Намъ приказано было соображаться съ движеніемъ центральной колонны, которая не была намъ видна снизу, гдѣ мы шли у подошвы береговыхъ высотъ, и поэтому, при встрѣчавшихся въ кручѣ рывтинахъ, доступныхъ

къ подъему на гору, я посылалъ одиночныхъ стрѣлковъ слѣдить за движеніемъ центральной колонны.

Такимъ образомъ, мы подошли на ружейный выстрѣлъ къ непріятельской позиціи и остановились, ожидая условнаго сигнала атаки. Центральная колонна тоже стягивалась на высотѣ, передъ балкой, а горцы по нашему разсыпанному полувзводу (подъ командой прапорщика Межинскаго) открыли рѣдкій ружейный огонь. Баталіонъ стоялъ въ полувзводныхъ колоннахъ (по тѣснотѣ мѣста) рота за ротою, а за нами—рота саперъ, подъ командою капитана Бирюкова. Для насъ былъ недоступенъ флангъ непріятеля, расположеннаго на горѣ, фронтомъ къ балкѣ, имѣя сбоку отвѣсную скалу, внизъ къ узкому побережью, по которому теперь намъ предстояло—только спѣшить вдоль этого отвѣса, чтобы, найдя доступъ къ подъему на гору, повернуть непріятелю въ тылъ. Между тѣмъ, горныя орудія центральной колонны открыли огонь, и мы двинулись по каменистому побережью, спѣша впередъ. При входѣ въ устье поперечной балки, черезъ которую уже пробѣжали и подымались на гору охотники кабардинскаго полка и стрѣлки севастопольскаго полка, непріятель открылъ учащенный огонь, и пули градомъ посыпались изъ за большихъ по склону деревьевъ и стѣнокъ развалинъ. Тамъ, впрочемъ, между горцами поднялась суета, какъ бы къ отступленію; однакожъ, передовые убыхи стойко продолжали учащенную пальбу, подъ огнемъ которой начали подыматься вслѣдъ за стрѣлками и ротныя колонны севастопольцевъ, а правѣ ихъ—самурцы, миновавъ балку, бросились въ прибрежный проходъ, у подошвы скалы, гдѣ неожиданно встрѣтился заваль, состоявшій изъ баркаса, поставленнаго поперекъ берега и насыпаннаго поверхъ камнями. Наши скучившіеся солдаты дружнымъ напоромъ сразу свернули баркасъ въ сторону, продолжая спѣшить по побережью, по которому впе-

реди насъ, длинной вереницей, бѣгомъ уходили горцы вдоль всего виднѣющагося побережья.

Дѣло шло нѣсколько минутъ—и уже кончилось. Видно было, что горцевъ болѣе поторопила лѣвая обходная колонна, иначе, хотя самурцы и успѣли бы зайти имъ въ тылъ, но они, не будучи отрѣзанными со стороны горъ, не имѣли бы надобности спѣшить отступленіемъ и вдобавокъ бѣжать по камнямъ вдоль всего открытаго побережья. Во всякомъ случаѣ, честь дня принадлежитъ войскамъ центральной колонны.

Генераль Гейманъ, обгоняя насъ, спросилъ: есть ли у насъ раненные? и узнавъ, что ихъ нѣтъ, сказалъ: „ну, слава Богу“, добавивъ, что у севастопольцевъ есть потери. Затѣмъ, мы пошли вслѣдъ за генераломъ до мѣста, избраннаго для ночлега — въ устьѣ встрѣтившагося ущелья, возлѣ небольшой рѣчки.

При слѣдованіи по морскому побережью намъ попадались у берега турецкія кочермы, на которыхъ турки подсмѣивались, повторяя: „черкесъ гамме кашты, джигить іохъ!“.

Тѣмъ кончилось дѣло 18-го марта, послѣ котораго, по обыкновенію, много было толковъ и пересудовъ, восхвалявшихъ и обвинявшихъ то тѣхъ, то другихъ, не преминувъ, разумѣется, и самурцевъ—„не успѣли-де во флангъ“. Мы бы не во флангъ зашли, который былъ на отвѣсной скалѣ, а пожалуй, въ тылъ, еслибы не были такъ прытки у горцевъ ноги. Во всякомъ случаѣ, эти обвиненія, ошибочно выраженные словомъ „во флангъ“, были неизбѣжны, тѣмъ болѣе, что онѣ относились къ необобщенной еще части, и поэтому наши офицеры не считали нужнымъ принимать ихъ къ сердцу.

Въ тотъ же день самурцы ходили въ глубь ущелья на фуражировку, собирая, по нуждѣ, солому съ житейскихъ

крышъ, гдѣ горцы, собравшись на командующихъ высотахъ, начали было пострѣливать въ фуражировъ; но наша рота (вторая, подъ командой капитана Суворова) шедшая по гребню этихъ высотъ, скоро пугнула смѣльчаковъ, и они только издали посматривали на свои разрушаемыя сакли, потомъ, по обыкновенію, объатыя пламенемъ.

На другой день, уже безъ выстрѣла, отрядъ прибылъ на рѣку Шахе и остановился лагеремъ у развалинъ Головинскаго форта. Здѣсь саперы приступили къ постройкѣ временнаго моста. Рѣка Шахе хотя обыкновенно была проходима въ бродъ, но по веснѣ, въ особенности во время сильныхъ дождей, воды ея иной разъ возвышались настолько, что быстро заливали все широкое каменистое русло рѣки, ворочая камни и снося съ побережья карчи.

22-го марта, окончивъ мостъ и оставивъ въ стѣнахъ Головинскаго форта постъ изъ одной роты, отрядъ собрался къ дальнѣйшему слѣдованію къ укрѣпленію Навагинскому.

Большая часть войскъ уже перешла черезъ мостъ, когда генераль Гейманъ потребовалъ меня и приказалъ сейчасъ же отправиться съ баталіономъ въ Лазаревскій постъ налегкахъ, забрать тамъ небольшую колонну, которая пробралась изъ Вельяминовскаго укрѣпленія и состояла преимущественно изъ выписныхъ самурцевъ, и спѣшить назадъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день присоединиться къ отряду. Для этого, ранцы и выюки приказано было оставить на позиціи, возлѣ Головинскаго поста.

Мы поспѣшили исполнить это порученіе и успѣли бы присоединиться къ отряду въ тотъ же день, потому что въ оба конца приходилось сдѣлать не болѣе 32-хъ верстъ, но насъ задержала прибывшая колонна на переправѣ, возлѣ Лазаревскаго поста. Дождь, продолжавшійся съ ночи, постоянно усиливался, и рѣка Псезуапѣ становилась труднопрохо-

димой въ бродъ; нужно было перевозить людей на лошадахъ, которыхъ я нѣсколько взялъ для случая, хотя многіе изъ самурцевъ, увидѣвъ своихъ на противоположномъ берегу, поспѣшили малыми группами въ бродъ, держа другъ друга подъ руки; нѣкоторые изъ нихъ были сбиты водою, въ томъ числѣ одинъ офицеръ (прапорщикъ Калишевъ), котораго вода свернула съ конемъ и понесла было къ морю, но всѣхъ ихъ успѣли спасти, и переправа кончилась благополучно. За то, мундирная одежда, соль и другіе продукты, доставленные намъ съ этой колонной, большею частью побывали въ водѣ.

Когда мы пошли назадъ, дождь усилился, съ вѣтромъ, и съ моря понесло волны, которыя съ грохотомъ пѣнились по каменистому берегу и мѣстами совершенно заливали дорогу. Подойдя къ Головинскому посту, мы увидѣли свои палатки, разбитыя остававшимися людьми, но отряда уже не было. Лагерь нашъ кругомъ былъ залитъ дождевой водою, и въ полуверстѣ шумѣла рѣка Шахе, какъ будто бы громадный водопадъ. Мнѣ сообщили, что въ скоромъ времени послѣ переправы послѣднихъ частей отряда, снесло два мостовыхъ козла, и что остальной мостъ трещить отъ напора воды.

Были уже сумерки, и пришлось всѣ заботы отложить до утра. Ночью я получилъ записку отъ генерала Геймана, въ которой было сказано, что если мостъ еще цѣлъ, то поспѣшить переправиться сегодня же, такъ какъ за ночь онъ можетъ быть снесенъ прибывающимъ полноводьемъ. Записку принесъ молодой татаринъ изъ числа милиціонеровъ, состоявшихъ при генералѣ; онъ былъ совершенно раздѣтый и перешелъ по мосту, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ снесло два козла, переплылъ, цѣпляясь за висѣвшія связи. Онъ весь дрожалъ отъ холода и просилъ скорѣе дать ему отвѣтъ. Я въ нѣсколькихъ словахъ уведомилъ штабъ, для доклада генералу,

о состояніи моста, приче́мъ добави́лъ, что мы съ утра немедленно приступи́мъ къ почи́нкѣ, и что во всяко́мъ случа́ѣ я буду стараться какъ можно скорѣ́е присоеди́ниться къ отря́ду. Ночь была темная, и поэ́тому, на случа́й помощи нарочному при переправѣ́, пошло́ съ ни́мъ нѣско́лько стрѣ́лковъ; онъ такимъ же образо́мъ, какъ и пре́жде, перебра́лся на ту сторону, а возвра́тившіеся стрѣ́лки сообщи́ли, что вода при́бываетъ, и что несомы́мъ теченіе́мъ карчи́ стуча́тъ объ мосто́вые козлы́.

Съ разсвѣ́томъ мы уви́дѣли, что весь мостъ́ былъ́ сне́сень, и остава́лись то́лько прибре́жные козлы́. Люди вы́шли на работу́ и нача́ли дѣ́лать новы́е козлы́, но не было́ возмо́жности ни одного́ изъ ни́хъ поста́вить: вода́ рвала́ ихъ изъ ру́къ и уноси́ла въ море́. Въ скоро́мъ време́ни поплы́ли и послѣ́дніе козлы́, ка́кіе еще́ остава́лись о́коло бере́га. Предста́ло то́лько одно́—загото́вить необходи́мый лѣ́съ и присту́пить къ устройству́ моста́, когда́ вода́ спаде́тъ. Это́тъ день и слѣ́дующій, т. е. 23-е и 24-е числа́, были́ употребле́ны на загото́вленіе козелъ́, перево́динъ и проча́я, поста́влены были́ пикеты́, и люди́ таскали́ на себѣ́ необходи́мый лѣ́съ съ разсто́янія о́коло полуверсты́ отъ переправы́. Между́ тѣ́мъ, дождь́ прекрати́лся, и горцы́ понемно́гу нача́ли къ намъ́ собира́ться съ прода́жей разны́хъ съѣ́стныхъ продукто́въ, въ кото́рыхъ мы́ весьма́ нужда́лись, въ особеннóсти въ кормъ́ для лоша́дей; одинъ́ изъ числа́ горцевъ́, конный́, на бѣ́лой невзра́чной лошади́, вызва́лся достави́ть въ отря́дъ бума́гу. Я написа́лъ о происше́дшемъ и поѣ́халъ́ взгляну́ть, гдѣ́ онъ́ буде́тъ пере́правля́ться. Онъ́, отѣ́хавъ ша́говъ сто́ выше́ бывша́го нашего́ моста́, спусти́лся въ самую́ глубо́кую воду́ и понесе́ся по бы́строму́ теченію́, какъ́ стрѣ́ла; на по́верхности́ воды́ видны́ были́ то́лько головы́—его́ и его́ лошади́; ка́залось, что онъ́ утоне́тъ, но, про́плывъ ша́говъ триста́, лоша́дь толчка́ми нача́ла за́-

держиваться, упираясь против напора воды и, повернувшись в сторону, остановилась на глубинѣ по брюхо. Горецъ обернулся, поклонился, снявъ шапку и, ударивъ своего добраго коня, поѣхалъ беззаботно дальше. Бумаги въ отрядѣ одна-кожъ онъ не доставилъ.

На слѣдующее утро, т. е. 25-го числа, работы были достаточно подготовлены къ постройкѣ моста, но на скорую возможность выполнить это не было никакой надежды, потому что вода нисколько не убавлялась. Я былъ на берегу и думалъ о неловкомъ своемъ положеніи, тѣмъ болѣе зная, что генераль будетъ беспокоиться, и что причину всего этого могутъ отнести не въ пользу мою.

Въ это время на противоположной сторонѣ я замѣтилъ трехъ конныхъ горцевъ, которые, разъѣзжая по берегу, искали брода; передній совсѣмъ раздѣлся и отдалъ свое платье и оружіе двумъ заднимъ, а самъ, осторожно подаваясь въ воду, направился къ морю, гдѣ теченіе рѣки, въ перемежку съ морскими волнами, было шире. Они ѣхали одинъ за другимъ, по неглубокой водѣ, рѣдко гдѣ доходящей лошади по брюхо, и часто поворачивали въ разныя направленія, избѣгая глубокихъ мѣстъ. Имъ предстояло переправиться еще черезъ главное русло, которое отличалось отъ прочаго теченія чрезвычайной быстротою, образующей на срединѣ впадину; послѣ нѣкоторой нерѣшительности, они и тутъ проѣхали хорошо, имѣя воду только до половины лошадинаго плеча. Для пѣшихъ это было глубоко, тѣмъ болѣе при такомъ сильномъ напорѣ, но нужно было пользоваться случаемъ, и я рѣшился переправиться въ бродъ. Прибывшіе горцы намъ сообщили, что отрядъ пошелъ къ Сочи, но что въ разстояніи трехчасовой ходьбы, именно въ Варданѣ, стоятъ солдаты. Я догадался, что, по заботливости начальника отряда, войска эти оставлены — поджидать насъ, и поэтому нуж-

но было торопиться во что бы ни стало, чтобы ихъ не задерживать.

Безъ проводниковъ рисковать было безразсудно, и я обратился къ пріѣзжимъ горцамъ съ предложеніемъ проводить насъ черезъ рѣку. Они долго отказывались, не желая принимать никакой платы, потому что это были князья, какъ они себя называли—что, впрочемъ, видно было по ихъ обращенію и богатому оружію; но, наконецъ, согласились. Имъ было обѣщано три золотыхъ — на расходы для найма необходимыхъ людей изъ числа горцевъ, безъ которыхъ они не хотѣли приступать къ переправѣ. Этотъ благовидный предлогъ примирилъ ихъ гордость съ желаніемъ не лишиться предлагаемаго металла, и они согласились намъ услужить—полагаю, болѣе изъ за вниманія и угощенія, которыя имъ оказали наши офицеры въ лагерѣ.

Нечего было медлить, и мы живо собрались. Въ часъ пополудни баталіонъ уже стоялъ со всѣми тяжестями возлѣ переправы. Одинъ изъ проводниковъ привелъ изъ окрестностей до десяти пѣшихъ шалсуговъ, которыхъ разставили по берегу, внизъ по теченію, и наши солдаты, построенные въ отдѣленіяхъ, съ патронташами на ранцахъ и ружьями черезъ плечо, взявшись подъ руки, пошли за проводниками сначала по водѣ неглубокой, по колѣна, а потомъ все глубже; въ самомъ же быстромъ мѣстѣ вода была по грудь. Отъ сильнаго напора люди разрывались и должны были идти весьма медленно, упираясь противъ теченія, отъ быстроты котораго кружилась голова. Съ перваго же раза сорвался въ переднемъ отдѣленіи фланговый рядовой со значкомъ, но его тутъ же подхватилъ проводникъ и втащилъ въ свое мѣсто.

Шумъ воды и ревъ морскихъ волнъ, вливавшихся въ рѣку, не позволяли слышать голосовъ, и нужно было постоянно осматриваться, чтобы видѣть—не тонетъ ли кто сзади.

Офицеры ѣхали сбоку, наблюдая за солдатами, и неразъ вода сбивала цѣлые ряды, но всегда ихъ спасали преимущественно съ помощью подоспѣвавшихъ горцевъ. Труднѣе всего было на поворотахъ, которые проводники указывали для избѣжанія глубокихъ мѣстъ, и черезъ это приходилось часто идти противъ теченія, заливавшего глаза.

Когда мы вышли на противоположный берегъ, каждый изъ насъ, думаю, вздохнулъ свободно; удовольствіе виднѣлось и на лицахъ горцевъ, и они, размѣнявшись съ нами пожатіемъ руки и получивъ съ величайшей уклончивостью три по-луимперіала, изъявили желаніе провожать насъ до отряда, предоставляя свои услуги на всякій могущій встрѣтиться случай во время слѣдованія. Пѣшіе горцы, которые, пораздѣвшись, много помогали нашимъ выюкамъ, слѣдовавшимъ за баталіономъ, теперь дрожали отъ холода, но денегъ не просили; я имъ роздалъ по серебряному абазу, и они были весьма довольны.

Переправа наша продолжалась около двухъ часовъ, такъ что только въ четвергомъ часу мы тронулись дальше. Пере-зябшіе въ холодной водѣ, люди и лошади шли быстро, хотя по дурному береговому пути, и къ вечеру мы были въ Варданѣ, гдѣ дожидаль насъ подполковникъ Лутохинъ, съ тремя баталіонами и двумя орудіями.

Здѣсь мы переночевали въ небольшой котловинѣ, зеленой по обѣ стороны рѣчки, вверху которой, по прибрежью, среди густыхъ деревьевъ, виднѣлись опустѣлыя постройки торговыхъ и богатыхъ убуховъ, у которыхъ, по рассказамъ нашихъ проводниковъ, велась здѣсь главная приморская торговля, чему и теперь свидѣтельствовали большіе якоря, лежавшіе у берега моря.

Слѣдуя берегомъ дальше, по такой же узкой полосѣ, какъ и прежде, тѣснившейся между морскими волнами и от-

вѣсными береговыми высотами, уже покрытыми зеленою лиственнымъ деревьямъ, мы кое-гдѣ встрѣчали въ небольшихъ бухтахъ кочерму или двѣ-три, поджидавшія черкесскихъ выселенцевъ, которые мѣстами уже нагружались. Весь извилистый берегъ (общаго характера по всему южному склону)—то вдаваясь скалистыми мысами въ море, то образуя небольшие заливы, причиняетъ путнику, слѣдующему по прибрежью, невольное ожиданіе встрѣтить что нибудь новое за каждымъ новымъ поворотомъ; но тогда чаще всего любопытство окончивалось разнаго вида каменьями, усевавшими побережье въ перемежку съ кусками пемзы, выбрасываемой волнами, да безбрежной далью морскихъ водъ—и только.

Прибывъ на Сочу, мы остановились на правомъ ея берегу, а на той сторонѣ, за полосой прирѣчной площади, суживающейся въ глубь ущелья, на возвышенности около моря, находились развалины съ уцѣлѣвшими стѣнами Навагинскаго укрѣпленія, внизу котораго бѣлѣлись палатки побѣдоносно пришедшихъ войскъ. Невольно вспоминалось о тѣхъ, которые въ былое время уединенно высматривали, со взведеннымъ куркомъ, изъ за этихъ самыхъ стѣнъ, гдѣ не переводились болѣзни и лишенія.

Явившись къ генералу Гейману и передавъ о случившейся съ нами задержкѣ, мы занялись собою, такъ какъ предполагалось простоять здѣсь долго. О предстоявшемъ приѣздѣ Его Высочества Главнокомандующаго намъ не было извѣстно, хотя вслѣдъ за нами и прибылъ графъ Евдокимовъ; а вскорѣ затѣмъ, именно 31-го марта, къ ночи, мы увидѣли пароходъ, остановившійся противъ Навагинскаго укрѣпленія. На морѣ была сильная буря; сѣрыя волны, шедшія одна за другою, какъ громадныя стѣны, съ трескомъ ударялись вдоль всего берега, вливая шипящую пѣну далеко на побережье. У насъ догадались, что на пароходѣ

прибыль Великій Князь, и на другой день, съ утра, войска выстроились на прибрежной площади. Графъ Евдокимовъ предварительно выѣхалъ поблагодарить войска за ихъ боевые труды, и проѣзжая по фронту, передъ каждой частью повторялъ, снимая шапку: „моя сѣдая голова кланяется вамъ, братцы!“ Солдаты, съ переполненными чувствами, отвѣчали ему дружнымъ „ура“, переходившимъ отъ баталіона къ баталіону, по пути графа, вокругъ всей выстроенной линіи.

Затѣмъ, всѣ наши взоры обращены были на пароходъ, стоявшій почти въ верстѣ отъ берега. Но буря не стихала, и не было никакой возможности высадиться, поэтому графъ приказалъ войскамъ разойтись и быть готовыми, а самъ, подойдя къ берегу, велѣлъ имѣвшійся тамъ баркасъ спускать на воду. Начальникъ отряда какъ ни старался отклонить графа отъ столь видимой опасности, но старый ветеранъ, уже сѣвшій на баркасъ, настоятельно требовалъ плыть къ пароходу. Матросы начали было стаскивать съ берега баркасъ, какъ графъ, лично убѣдившись, наконецъ, въ силѣ громадныхъ волнъ, пополамъ съ пескомъ, сдался и оставилъ свое намѣреніе. На берегу были и турецкіе лодочники, которые тоже пробовали услужить на своихъ легкихъ лодкахъ, но каждый разъ бушующее море возвращало ихъ назадъ.

Такъ прошло нѣсколько часовъ, какъ вдругъ показалась на пѣнистыхъ волнахъ небольшая шлюпка, на которой плылъ состоявшій при Его Высочествѣ подполковникъ Батьяновъ. Шлюпка эта долго металась по прибрежнымъ волнамъ, и ее выбросило бы, еслибы не удалось матросамъ схватить ее и вытащить на берегъ. Тутъ мы, между прочимъ, узнали, что на пароходѣ не было извѣстно, гдѣ нашъ отрядъ находится, и что только по бивачнымъ огнямъ удостоѣрились въ нашемъ расположеніи около Навагинскъ

укрѣпленія. При этомъ передано было, чтобы войскамъ не готовиться до особаго приказанія.

Между тѣмъ, къ вечеру волненіе немного стихло, и графъ Евдокимовъ, съ генераломъ Гейманомъ, отправились на баркасѣ къ пароходу, а на слѣдующій день, хотя море еще волновалось, мы имѣли честь представиться Ею Высочеству, оглашая милостивое Ею привѣтствіе и задушевное „спасибо“ неумолкаемымъ „ура“, восторженно разносившимся по всей линіи колоннъ, при боѣ полного похода и эха, повторявшагося въ окрестныхъ лѣсахъ и горахъ. По объѣздѣ войскъ, Ею Высочество пропустилъ ихъ поротно церемоніальнымъ маршемъ, и наши солдаты, хотя изматые трудами, постарались показать себя полнымъ, широкимъ шагомъ и заслужить лестное „хорошо, спасибо!“

Въ тотъ же день Ею Высочество въ стѣнахъ укрѣпленія удостоилъ награжденіемъ представленныхъ отъ частей офицеровъ и нижнихъ чиновъ. У насъ получили слѣдующіе чины: подпоручики Баркаловъ и Ассѣвъ, а юнкеръ Булгаковъ—съ двумя золотыми крестами—чинъ прапорщика. Ею Высочество лично раздавалъ награды, проходя по рядамъ выстроенныхъ счастливицевъ,—и любопытно было видѣть, какъ младшихъ степеней кресты, изукрашенные яркими ленточками, бантами и мечами, красиво блестѣли на подносахъ, какъ дорогіе конфекты, но не бальные, а боевые, до которыхъ добраться можно только черезъ пороховой дымъ и свинцовыя пули. Затѣмъ, поздравивъ удостоенныхъ съ наградами и отпустивъ ихъ къ своимъ мѣстамъ, Ею Высочество, въ сопровожденіи сопутствовавшей свиты, поѣхалъ осматривать лагерное расположеніе войскъ. Мы находились на правомъ берегу Сочи, черезъ которую устроенъ былъ саперами на скорую руку мостикъ для пѣшеходовъ; онъ былъ сдѣланъ полукруглой аркой и настолько длиненъ (по шири-

нѣ рѣки), узокъ и высокъ (на случай полноводья), что и у пѣшаго, при непривычкѣ, могла бы закружиться голова; между тѣмъ, мы со страхомъ увидѣли, что Великій Князь, объѣхавъ лагерь на противоположной сторонѣ, направился къ намъ прямо на этотъ мостикъ. Всѣ мы съ душевнымъ трепетомъ слѣдили за ходомъ смѣлаго коня, на которомъ Великій Князь проѣзжалъ впереди всѣхъ черезъ это воздушное сообщеніе, построенное лишь для одиночныхъ людей, и когда переправа кончилась благополучно, у всѣхъ душа отлегла—въ особенности у саперъ, которые на это смотрѣли, не чуя подъ собою ногъ. При объѣздѣ лагеря, Его Высочество со многими изъ насъ разговаривалъ, спрашивая о средствахъ нашихъ къ предстоящему выступленію въ Дагестанъ, и затѣмъ, милостиво пожелавъ намъ благополучія, возвратился въ укрѣпленіе, а оттуда на пароходъ. Войска сопровождали Его Высочество неумолкаемымъ „ура“, и когда пароходъ тронулся, открыли, въ изліяніе своихъ чувствъ, ружейную пальбу, продолжавшуюся съ берега, пока не послѣдовали отвѣтные выстрѣлы съ парохода. Уже были вечерніе сумерки, и картина являлась чисто кавказскою, съ соотвѣтственною обстановкою.

Послѣ отъѣзда Главнокомандующаго, отрядъ выступилъ черезъ смежное съ Сочей боковое ущелье въ глубь горъ. Тамъ, проходя вверхъ по рѣчкѣ, текущей по этому ущелью, мы строили небольшіе посты, и подаваясь все выше и круче, направлялись изъ верховьевъ пройденнаго ущелья черезъ горы и лѣса къ верховьямъ рѣки Шахе. Мѣста эти по пути уже были брошены жителями, слѣды которыхъ еще были свѣжи въ ихъ опустѣлыхъ сакляхъ, уютно гнѣздившихся на первыхъ подъемахъ живописно гористыхъ окрестностей, среди фруктовыхъ садовъ, огородовъ и вообще хозяйственной обстановки, выражающей зажиточность. Всѣ эти мѣста были

закрыты со стороны моря горными гребнями и чащей лѣса, и жители, еще кое-гдѣ тамъ оставшіеся, навѣрно не предполагали такъ скоро увидѣть наши войска, взбравшіеся по крутымъ извилистымъ тропамъ, считавшимся недоступными для солдатъ. Теперь запоздалые спѣшили поскорѣе уйдти отъ ненавистныхъ глуровъ, пробираясь окольными тропами къ морю и бросая лишніе пожитки и все то, что мѣшало ихъ бѣгству въ обѣтованную турецкую землю. Не одинъ разъ намъ попадались эти излишества брошенными, но теперь пришлось убѣдиться и въ жестокосердіи выходцевъ, именно: проходя тропою черезъ вѣковой лѣсъ, покрывавшій переваль горнаго кряжа, гдѣ среди гигантскихъ чинаръ и пальмъ, переплетенныхъ разными зарослями и дикимъ виноградникомъ, въ непроницаемой тѣни, наши солдаты увидѣли не-вдалекѣ отъ дороги сидѣвшую подъ деревомъ костлявую старуху, которая не могла идти и была своими брошена. Мы сами шли въ верховья горныхъ трущобъ и не имѣли никакихъ средствъ, чтобы взять старуху, но наши добродушные солдаты, проходя мимо ея, насыпали ей цѣлую кучу сухарей, и нашлись такіе, которые, имѣя съ собою подобранную по дорогѣ деревянную посуду, наполнили ее изъ близъ-текущаго ручейка водою, все это поставили возлѣ старухи и, положивъ въ защиту ея дубину, шли дальше, приговаривая на прощанье: „чурекъ, бабай, кушай; волка уруби!“ И не считали это они особенно добрымъ дѣломъ, хотя не одинъ остался безъ дневной порціи сухарей. О дальнѣйшей участи старухи намъ не было извѣстно, потому что, при возвращеніи, мы проходили по другой дорогѣ.

Войска въ этомъ движеніи шли поѣшелонно, получая работы по проведенію дороги и постройкѣ мостиковъ, и по окончаніи урока подавались дальше впередъ для новыхъ занятій. Такимъ образомъ, слѣдуя по крутизнамъ, затрудняв-

шимъ движеніе не только навьюченныхъ лошадей, но трудныхъ и для людей, и невольно поражаясь величіемъ мѣстной природы и богатствомъ растительности, какъ напримѣръ: огромныхъ размѣровъ рододендроновыхъ кустовъ и гигантскаго роста пальмъ, которыхъ стройные тонкіе стволы доходили иной разъ до 8—10-ти сажень, — мы, наконецъ, перебрались въ ущелье рѣки Шахе. Тамъ, по сѣверо-западному склону этого ущелья, южная растительность уже замѣнилась обыкновенными кустарниками и кое-гдѣ карчавымъ дубнякомъ. Нашъ баталіонъ остановился у спуска въ ущелье для расчистки дороги и постройки мостиковъ черезъ притоки Шахе, по указанію саперъ.

Генераль Гейманъ съ передовыми войсками пошелъ дальше, въ глубь ущелья, надъ рѣкою Шахе, изъ тѣснинъ которой теперь только начали выбираться убыхскія семейства, направляясь низомъ, по ту сторону рѣки, къ морю. Онѣ каждый день намъ были видны, спѣша съ навьюченными лошадьми по скалистымъ тропкамъ, и нерѣдко ихъ джигиты заглядывали къ намъ въ лагерь съ предложеніемъ продажи скота и прочаго. Наши солдаты, не имѣя маркитантовъ—этого зла для войсковыхъ кармановъ—пользовались случаемъ и кушали отлично, на здоровье торопливыхъ выходцевъ, приговаривая имъ, въ видѣ магарича: „ай-да якши кунакъ—тащи больше!“ И дѣйствительно, недостатка въ продавцахъ не было, потому что тѣмъ, которые отправлялись въ Турцію, пришлось бы бросать домашній скотъ даромъ, еслибы не войска и появившіеся уже потомъ, когда выстрѣлы стихли, спекулянты, закупавшіе у берега моря все за безцѣнокъ.

Этимъ временемъ заѣхалъ къ намъ въ лагерь мальчикъ лѣтъ 15-ти, изъ фамиліи Берзековъ, самаго знатнаго рода между убыхами. Ихъ резиденція была въ верховьяхъ

Шахе, въ Бабуковскомъ аулѣ, гдѣ, по разсказамъ Берзека, жили съ роскошью, имѣя мебель и зеркала изъ заграницы. Этотъ мальчикъ продавалъ за тридцать рублей свою заслуженную бачу. Онъ зашелъ ко мнѣ въ палатку, и на предложеніе мое за эту бачу 28-ми рублей—тогда единственныхъ наличныхъ у меня денегъ—мальчикъ всплилъ и со слезами началъ упрекать, что они лишены всего, что идутъ скитаться на чужбину, и что, когда все продаютъ за безцѣнокъ—еще торгуются съ ними: „ахъ, да это безбожно!“ и пошелъ высказывать цѣлыя драматическія тирады, приправляя ихъ всхлипываньемъ льющихся слезъ, такъ что я поспѣшилъ скорѣе занять у офицеровъ еще два рубля и отдать расчувствованному почти до истерики мальчику. Я радъ былъ бы скорѣйшему его уходу, но онъ, завидя поданный самоваръ, попросилъ стаканъ чаю, и мнѣ пришлось еще выслушивать дальнѣйшую іереміаду, пока, наконецъ, успокоившись, взялъ сѣдло на плеча и отправился къ ожидавшимъ его около лагеря убыхамъ.

Такимъ образомъ, досталась мнѣ бача, по тогдашнимъ цѣнамъ не очень дешево, и вдобавокъ со слезами и драматическимъ эффектомъ. Но бача, дѣйствительно, была хорошая: можно было на ней спускаться съ самой трудной кручи, опустивъ поводья—и умное животное шло смѣло, удерживаясь цѣпкими копытами, какъ кошка; а на бѣгу, ея иноходь равнялась скорости галопа любой лошади.

Окончивъ по дорогѣ посты и оставивъ на нихъ пѣхотныя части поротно, а также провѣдавъ и верховья сочинскаго ущелья, нашъ отрядъ къ Пасхѣ возвратился въ Навагинское укрѣпленіе, гдѣ всѣ мы имѣли случай отлично разговѣться у генерала Геймана, при вдоволь установленныхъ столахъ съ разными пасхальными яствами. Въ числѣ разговлявшихся были и морскіе офицеры, съ пароходовъ,

стоявшихъ у берега для подвоза въ отрядъ необходимыхъ продовольственныхъ запасовъ. По обыкновенію, разговѣнье у Василя Александровича не обошлось безъ шампанскаго.

Солдаты тоже не упустили случая погулять вволю послѣ долговременныхъ трудовъ, а тутъ, кстати, все располагало къ разгульному веселью: ромъ подвозился турками дешевле спирта, да и въ томъ послѣднемъ недостатка не было, такъ что пошли угощенія, сначала между своими и земляками изъ другихъ частей, а потомъ уже рота приглашала роту, и все это, съ безконечными пѣснями и перекатными „ура,“ переходило изъ части въ часть, разумѣется, съ поцѣлуями и изъявленіями дружбы, которая какъ-то особенно завязалась между кабардинцами и самурцами. Нужно было дать волю погулять солдатамъ—этимъ неутомимымъ бойцамъ, одолѣвшимъ непоколебимую до сихъ поръ вражью силу и трудности, встрѣчавшіяся на долгомъ пути черезъ непріятельскія трущобы отъ Лабы до здѣшняго морскаго побережья, т. е. сердца нѣсколькихъ сотенъ тысячъ горской вольницы, земли убыховъ. И солдаты сознавали на этотъ случай свои права и гуляли до изнеможенія, нѣкоторые до безпамятства, такъ что приходилось многихъ приводить въ чувство импровизованными душами изъ котелковъ и манерокъ. При прежней долговременной и трудовой кавказской службѣ, это даже необходимо было—изрѣдка поразвлечь солдатскую жизнь, готовую прекратиться при первомъ налетѣвшемъ случаѣ. Но эти разгульные веселья вообще обходились безъ скандаловъ и прекращались по востребованію. Такъ и на этотъ разъ: послѣ нѣсколькихъ дней широкаго разгула, наконецъ, начальникъ отряда приказалъ готовиться на работы, опять въ прежнія мѣста, и нашъ отрядъ выступилъ чинно и свѣжо, располагаясь поѣшелонно продолжать неоконченную еще дорогу.

Погода намъ благопріятствовала: весеній воздухъ вѣялъ нѣжнымъ ароматомъ разцвѣтавшихъ повсюду растений, изъ которыхъ лавровыя деревья наполняли въ ущельяхъ низменные лѣса, а въ повсемѣстныхъ садикахъ, при опустѣлыхъ сакляхъ, въ числѣ разныхъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ, встрѣчались деревца фиговыя и чайныя, съ которыхъ чай, по разсказамъ, продавался въ небольшомъ количествѣ на турецкія кочермы. Словомъ, видна была повсюду роскошь, щедро надѣленная природою. Нашъ баталіонъ находился на работахъ около одного изъ такихъ аульчиковъ. въ нѣсколько разбросанныхъ сакль. уютно прятавшихся въ садовыхъ деревьяхъ по полугорѣ, среди живописно окружавшихъ высотъ. Въ это время графъ Евдокимовъ проѣхалъ мимо насъ въ Навагинское укрѣпленіе (потомъ названное Даховскимъ постомъ, въ честь даховскаго отряда). Графъ ѣхалъ съ сѣвернаго склона, занимаемаго мало-лабинскимъ и подошедшимъ туда пшехскимъ отрядами—и потомъ, черезъ Бабуковскій ауль, по тѣснинамъ ущелья рѣки Шахе, гдѣ былъ встрѣченъ генераломъ Гейманомъ съ передовыми частями нашего отряда.

Графъ въ этомъ проѣздѣ испыталъ большія путевыя затрудненія, потерявъ часть своихъ вещей, свалившихся съ выючными лошадьми въ рѣчную кручу, такъ что сопутствовавшій графу капитанъ прусскаго генеральнаго штаба Бюнтингъ (если не ошибаюсь, братъ командира 21-го стрѣлковаго баталіона, полковника Бюнтинга), который остановился возлѣ нашего баталіона. чтобы перековать свою лошадь, восторгался ужасами мѣстной природы и нашими войсками. преодолевшими эти ужасы—на взглядъ недоступные.

Тутъ мы узнали, что графъ ѣхалъ къ Ею Высочеству, находившемуся съ десантными войсками въ Адлерѣ (бывшемъ укрѣпленіи св. Духа), и что нашъ баталіонъ, въ

числѣ нѣсколькихъ частей даховскаго отряда, назначенъ былъ идти въ верховья рѣки Мзымты, на соединеніе съ войсками прочихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ послѣднее время въ прибрежныхъ земляхъ противъ горскихъ племенъ, южнѣ Адлера.

Наши солдаты страшно пообносились, и ихъ синіе чадровые шаровары были испещрены бѣлыми нитками и всѣхъ цвѣтовъ заплатками, поэтому, чтобы себя не сконфузить передъ другими войсками на предстоявшемъ сборѣ, прибѣгнули къ окраскѣ своей нижней пары посредствомъ ольховой коры, сваренной съ желѣзнымъ осадкомъ, найденнымъ въ коритцахъ, при точилахъ возлѣ сакль. Окраска вышла отличная, чернаго цвѣта, покрывшаго всѣ недостатки заношенной чадры; притомъ, у насъ были вновь построенныя кепи, съ чахлами и назатыльниками, и мы смѣло готовились къ предстоящему торжеству, будучи удостоены въ немъ участвовать.

Въ скоромъ времени всѣ войска отряда сошли съ горъ къ Даховскому посту (Навагинское укрѣпленіе) и затѣмъ, въ числѣ пяти баталіоновъ (преимущественно войскъ Кубанской области) выступили вверхъ по ущелью Сочи, при отличной майской погодѣ и по мѣстамъ, богато надѣленнымъ прелестями южной природы. Первый ночлегъ сдѣланъ былъ на низменности сочинскаго ущелья, по лѣвому берегу этой рѣки, а потомъ пошли переходы черезъ горные отроги, переваливаясь съ ущелья въ ущелье—вездѣ среди ароматнаго лѣса, и повсюду встрѣчая свѣжо опустѣлыя сакли, непременно среди фруктовыхъ садиновъ. Уже на третій день, тропа, по которой мы шли, начала подыматься на страшно высокій гребень горнаго хребта, покрытаго чинаровымъ гигантскихъ размѣровъ лѣсомъ, деревья котораго, въ нѣсколько обхватовъ толщины, поражали стройностью стволовъ и

крѣпкимъ ихъ ростомъ на кручѣ мѣстами въ 40 градусовъ уклона. Вся тропа по гребню среди этого вѣковаго лѣса, канатообразными древесными корнями, представляла затрудненія нашимъ людямъ и вьюкамъ слѣдовать свободно. И безъ того изнуряясь крутизною подъемовъ, усталые солдаты, гуськомъ, напряженно шагали одинъ за другимъ, а вьюки, страшно растяннулись, такъ, что начальникъ отряда нашелъ нужнымъ заночевать на гребнѣ, выбравъ мѣсто болѣе широкое. Тамъ росъ папоротникъ — величиною выше коннаго всадника; мы въ немъ размѣстились и, устроивъ изъ него, кто хотѣлъ, шалаши, стали поджидать свои вьюки, которые стягивались до ночи. Папоротникъ былъ какъ-то одуряюще-душистый, но несмотря на его тяжелый запахъ, сонъ подкрѣпилъ и людей, и лошадей, и мы, съ раннимъ свѣжимъ утромъ, пошли дальше, по лѣсистымъ горамъ, гдѣ изрѣдка попадались сакли медовѣвцевъ, вѣроятно, еще скрывавшихся въ лѣсахъ, думая, что сюда не зайдутъ солдаты; это потому можно было заключить, что въ одномъ изъ баталіоновъ были безъ вѣсти пропавшіе люди.

Къ ночи того же четвертаго дня нашего марша, мы наконецъ начали спускаться въ урочище Гбаада—цѣли нашего движенія. Ночь, застигшая насъ на спускѣ, такъ была темна, что вьюки съ трудомъ могли идти по узкой круто извилистой тропѣ и постоянно задерживались; самурцы, шедшіе въ арріергардѣ, крайне утомлялись этими остановками, и къ нашему счастью, попалась около тропы какая-то пустая сакленка, которую зажгли. Поднявшееся въ тихомъ воздухѣ пламя горѣло, какъ свѣча, освѣщая спускъ настолько ясно, что наши вьюки, а за ними и нашъ баталіонъ, быстро пошли внизъ по крутой тропѣ и скоро спустились въ долину, гдѣ отрядъ уже расположился надъ рѣкой Мзымтой. Утромъ, вся новая мѣстность картинно представилась намъ въ видѣ

обширной котловины, примыкающей съ сѣвера къ главному хребту, и со всѣхъ сторонъ окруженной высокими остроко-
нечными горами, вершины которыхъ, мѣстами покрыты снѣ-
гомъ, свѣтились на синемъ небѣ яркимъ розовымъ отливомъ
восходящаго солнца.

Въ тотъ же день нашъ лагерь перенесенъ былъ на из-
бранное мѣсто, для общаго расположенія всѣхъ уже прибы-
вавшихъ войскъ—отрядовъ ахчипсукскаго и псукскаго, и
скоро, прежде дикая и пустынная мѣстность, оживилась пред-
ставителями всѣхъ войскъ Кавказа. Тутъ были и гренадер-
скіе стрѣлки, наши знакомые, и прочія гренадерскія части,
а также линейные баталіоны, и всѣ эти войска въ частности
перемѣшались—то розыскивая своихъ знакомыхъ, то вновь
знакомясь, какъ боевые товарищи въ общемъ дѣлѣ покорен-
ія, доведшаго, наконецъ, до этой общей встрѣчи. Среди ла-
герного полукруга, на возвышенномъ плато помѣщена была
ставка Его Высочества, съ многочисленнымъ штабомъ,
гдѣ 20-го мая, по объѣздѣ Главнокомандующимъ, прямо съ
пути, всего лагернаго расположенія, закипѣло оживленіе со-
средоточившагося тамъ большинства представителей кавказ-
скаго начальства.

21-го мая, съ утра, войска стали обширнымъ покоемъ въ
баталіонныхъ колоннахъ и, послѣ объѣзда Его Высочест-
вомъ всѣхъ линій выстроенныхъ войскъ, на небольшомъ
курганѣ, посреди обрамленной войсками площади, соверши-
лось благодарственное Богу молебствіе, съ пушечными вы-
стрѣлами, далеко разнесшими перекатнымъ эхомъ побѣдо-
носное умиротвореніе обширной вражьей страны, теперь
уже безвредно присутствовавшей въ образѣ подоблачныхъ
представителей покореннаго западнаго Кавказа.

Послѣ совершеннаго торжества, начался церемоніаль-
ный маршъ побаталіонно въ колоннахъ, подъ звуки армей-

ской музыки, бойко располагавшей трудовых солдатъ, съ ихъ одушевленно воинственными фizioноміями, полнымъ полутора-аршиннымъ шагомъ подаваться мимо Великаго Князя впередъ, колонна за колонною, получая вельдъ: „спасибо, ребята! Отлично!“

Затѣмъ, у Его Высочества былъ общій парадный обѣдъ, на которомъ, послѣ произнесенныхъ тостовъ, изъ коихъ первый за здравье Государя Императора принять былъ по всему лагерю многотысячнымъ кликомъ непрерывнаго „ура,“ съ салютомъ пушекъ, Великій Князь, приподнявшись изъ за стола, прочелъ достопамятный приказъ по арміи, знаменательныя слова котораго, выразившія всю прошедшую боевую жизнь кавказскихъ войскъ, вызвали восторженное „ура!“ среди присутствовавшихъ. а потомъ и среди всѣхъ остальныхъ войскъ арміи, съ чувствомъ глубокой признательности за лестную оцѣнку посильныхъ трудовъ. При этомъ, въ сочувственномъ настроеніи начали произноситься рѣчи, соотвѣтствующія торжеству дня, въ числѣ которыхъ краснорѣчиво коснулись: графъ Евдокимовъ—прежнихъ кавказскихъ героевъ, и князь Святополкъ-Мирскій — боевой дѣятельности князя Барятинскаго.

Только къ четыремъ часамъ пополудни кончился этотъ достопримѣчательный обѣдъ, среди многочисленной военной знати, въ числѣ которой были перешедшіе черезъ главный хребетъ начальники отрядовъ: пшехскаго—генераль Граббе и мало-лабинскаго—полковникъ Нолькенъ.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, войска даховскаго отряда выступили къ укрѣпленію св. Духа, пройдя съ музыкою (севастопольскаго полка) мимо ставки Главнокомандующаго и перевалившись черезъ крутой, высокій, покрытый лѣсомъ горный хребетъ. На третій день мы уже шли бере-

гомъ моря къ Даховскому посту, гдѣ повсюду у берега, возлѣ турецкихъ кочермъ, причалившихъ къ нагрузкѣ, расположены были многочисленныя партіи горскихъ племенъ, понужденныхъ къ скорѣйшему выселенію совершеннымъ движеніемъ нашихъ войскъ въ глубь горъ; и въ группахъ этихъ выселенцевъ кокетливо рисовался ихъ прекрасный полъ, съ зонтиками и по большей части въ шелковыхъ платьяхъ.

Скоро и Его Высочество пріѣхалъ берегомъ къ Даховскому посту, гдѣ представлялись остальные войска даховскаго отряда, и затѣмъ, Великій Князь поѣхалъ дальше по побережью, къ Головинскому посту, а войска отряда выступили на разработку дорогъ по Мзымтѣ, исключая баталіоновъ Дагестанской и Терской областей, которые ушли собираться въ свои штабъ-квартиры. Только самурскій стрѣлковый баталіонъ оставался еще въ составѣ отряда до августа мѣсяца, участвуя при поискахъ въ тущобы хакучевцевъ, засѣвшихъ тамъ, какъ дикіе звѣри, въ скалистыхъ вертепахъ, покрытыхъ чащей лѣса; но и оттуда наши штыки къ осени большею частью ихъ выпроводили, предоставивъ партизанскимъ командамъ уже потомъ, поохотничьи, выкуривать послѣднихъ.

В. Солтанъ.

